www.lgz.ru

№ 7 (6404)
20–26 февраля 2013 г.

Выходит по средам

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Газета основана в 1830 году
при участии А.С. ПУШКИНА

Издание возобновлено в 1929 году
при поддержке М. ГОРЬКОГО

Literaturnaya Gazeta
EUROPE: D – 2,20€; A - 2,30€; B - 2,30€; PL – 12,90 PLN; L – 2,30€; CZ – 75,00 CZK; H – 720 HUF; SP – 2,50€; I – 2,50€; GR – 2,5€; CYP – 1,35 CYP; TR – 5 M. TRL; CH – 3,50 CHF; GB – 1,80 GBP; DK – 20,00 DKK; S – 25,00 SEK; NOR – 25,00 NOK; E – 15 EGP; USA – 2,50 $; C – 2,5 CAD
Международное издание

В НОМЕРЕ

Титан и «Титаник»
Юрию Карабчиевскому казалось, что он призван сказать «всю правду» о Владимире Маяковском. Но титан способен стать для покушающегося «Титаником». Далеко не всё, органично вписанное в культуру, поддаётся отторжению. В. Рокотов продолжает дискуссию «Родное – чужое – вселенское».
СТР. 5

А музыка звучит
Так называется новая рубрика, которую с этого номера «ЛГ» будет вести композитор и музыкальный критик Юрий Алябов. В первой своей колонке он размышляет о роли и судьбах «негров» в современном российском искусстве – музыкальном, и не только.
СТР. 8

Настоящее прошлое
Историческое обозрение под таким названием теперь будет регулярно выходить на наших полосах.
История, как наука и искусство, была в сфере внимания ещё авторов первой, Пушкина и Дельвига, «Литературной газеты». Такие традиции забывать негоже.
СТР. 12, 13

Многоязыкая лира России
«ЛГ» совместно с ОАО «НК «Роснефть» возобновляет несколько проектов, посвящённых культурной жизни нашей страны. К ним относятся приложения «Многоязыкая лира России», «Литрезерв», «Невский проспект» и «Научная среда».
В каждом из них мы будем рассказывать о литературе больших и малых народов России, о творческих исканиях молодёжи, о культурной жизни Санкт-Петербурга, о возрождении научного потенциала страны, некогда нашей всеобщей гордости.
СТР. 6

• Издание книг и их реализация
• Набор, верстка, корректура и редактура книг
• Публикация прозы и поэзии в журналах *«Литературная столица»*, *«Российская литература»* и *«Литературный альманах «Спутник»*

Всё это предлагает вам издательство «СПУТНИК+»

109428, г. Москва, Рязанский проспект, д. 8А
www.sputnikplus.ru
E-mail: sputnikplus2000@mail.ru
Тел.: (495) 730-47-74, 778-45-60, 730-48-71

На этой неделе наш сайт www.lgz.ru посетили 19936 человек. Заходите!

9 770233 430004 13008

В стороне от льстивых мелодий

Константин МАКОВСКИЙ. 1869 год.

Исполнилось 200 лет со дня рождения композитора Александра Даргомыжского. Примечательно, что 1813 год дал миру ещё двух творцов – Джузеппе Верди и Рихарда Вагнера. И все три музыканта вошли в историю как выдающиеся оперные композиторы. Количество сочинений тут не играет роли. Пусть Даргомыжский, скромный титулярный советник по контрольной части, создал всего четыре оперы. Но ведь две из них открыли новые пути для его современников. «Русалка» стала первой русской психологической музыкальной бытовой драмой, в «Каменном госте» – этом opus magnum – композитор задумал и вовсе нечто неслыханное. «Вы поймёте, что это за труд, – открылся композитор своей ученице Любови Кармалиной, – когда узнаете, что я пишу музыку на текст Пушкина, не изменяя и не прибавляя ни одного слова. Большинство наших любителей музыки и газетных писак не признаёт во мне вдохновения. Рутинный взгляд их ищет льстивых для слуха мелодий, за которыми я не гонюсь. Я не намерен низводить музыку до забавы. Хочу, чтобы звук прямо выражал слово. Хочу правды».

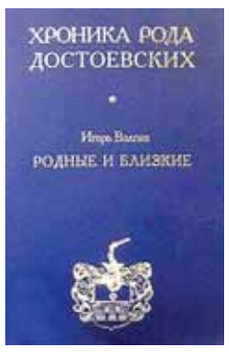
Его творчество стало почвой, на которой взросло поколение «Могучей кучки». Балакирев, Кюи, Мусоргский, позднее Бородин жадно впитывали эти идеи Даргомыжского, умевшего как никто подметить и передать средствами музыки самые сущностные черты человеческой природы. Разве исчезло лизоблюдство и чинопочитание, столь ярко высмеянные в романсах «Червяк» и «Титулярный советник»?

Да и лирические вокальные миниатюры «Я вас любил» или «Ночной зефир» – чудо как хороши. Жаль, что из обширнейшего наследия – композитором написано около ста романсов – в активном концертном обиходе не более десятка. Редко встретишь на афише названия его симфонических полотен – «Казачку», «Бабу-ягу», «Чухонскую фантазию».

Впрочем, известность и при жизни пришла к Даргомыжскому лишь в последние годы. Сам же он философски относился к мирской славе, говоря в кругу близких друзей: «...верно то, что все испытываемые художником неудачи, прежде чем толпа успеет понять его, были бы в состоянии истощить вконец его терпение, если бы природа не одарила талантливого человека утешительною способностью: вполне уединяться в продолжение долгих часов и забывать про толки людские и даже про существование прочих людей для того, чтоб предаваться неизъяснимой склонности, влекущей его производить на свет различные одолевающие его ощущения. Я думаю, что главный двигатель у художника к труду – это его любовь к искусству, а потом уже идёт наслаждение передавать другим нить собственных своих идей».

Модест Мусоргский назвал Даргомыжского «Великим учителем музыкальной правды».

КНИГА НЕДЕЛИ



● Хроника рода Достоевских. Игорь Волгин. **Родные и близкие.** – М.: Фонд Достоевского, 2013. – 1222 с. – Тираж не указан.

6 октября 1506 г. пинский князь Фёдор Иванович Ярославич дарует своему боярину несколько сёл, среди которых часть села Достоева (ныне Ивановского района Брестской области Республики Беларусь). Фамилия Достоевских (по названию села) закрепилась за потомками боярина постепенно. Первым историческим лицом, постоянно носившим эту фамилию, был его внук Фёдор Иванович.

В книге московского антрополога Михаила Васильевича Волоцкого (1893–1944) «Хроника рода Достоевского» (Москва. Кооперативное издательство «Север», 1933) были собраны сведения о более чем 350 ближних и дальних родственниках знаменитого писателя. Близкое родственное окружение и потомки – нередко отражатели и хранители духовного, творческого феномена Достоевского.

Михаилу Волоцкому удалось установить, что среди предков великого писателя были, в частности, судьи и землевладельцы, а также большое количество священнослужителей. В роду Достоевских перемешалась кровь трёх братских славянских народов – белорусская, украинская и русская.

По богатству собранного материала труд М.В. Волоцкого не имеет равных не только в отечественной, но и в мировой литературе. «Хроника рода Достоевских», выпущенная недавно Фондом Достоевского, сначала мыслилась как переиздание книги Волоцкого, но в итоге превысила её объём в три с лишним раза. Участники группы, работавшей над изданием, нашли на Украине гигантские пласты неизвестных материалов, обнаружили сотни новых персонажей – представителей рода. Книга читается как роман. Интересно, среди потомков Достоевского, в отличие от потомков Толстого, встречается только один эмигрант. В книгу включены историко-биографические очерки известного исследователя творчества Ф.М. Достоевского Игоря Волгина «Родные и близкие». Волгин же значится и руководителем уникального проекта.

ПИСАТЕЛЬ У ДИКТОФОНА

Жизнь и житие

Наш постоянный автор, писательница Лариса Васильева рассказывает о своей недавно увидевшей свет книге «Евдокия Московская» (М.: Бослен, 2012)

Фёдор ЕВГЕНЬЕВ

– Лариса Николаевна, расскажите о вашей героине.

– Она – Евдокия Московская, первая известная кремлёвская жена. Великая женщина, четыре столетия назад причисленная к лику святых с именем преподобной Евфросинии.

Я много лет жила с чувством обиды за эту женщину, и всё, что собирала о ней, считала необходимым рассказать людям. Несколько раз выступала в прессе, но это проходило незамеченным. А ведь она была женой Дмитрия Донского, единственной, любимой, матерью двенадцати детей. Именно она после жестокого пожара вместе с мужем отстроила каменный Кремль. Её заботами в Московском Кремле утвердилось престольное место.

Евдокия Московская – владимиро-суздальская княжна. В марте во Владимирском музее должна состояться выставка, посвящённая ей. Всё, что с нею связано, – великое. Я строила книгу так, чтобы она стилистически отчасти напоминала то время. О Евдокии Московской известно мало, поэтому в книге есть предположения, разночтения. Есть глава «Краплёный календарь», где рассказывается о том, как прошла вся её жизнь. Календарь этот составлял Феофан Петрович Греков, который очень любил память о Евдокии. Она исцелила его слепоту. Даты её жизни в какой-то степени под вопросом. Также неизвестно, когда была свадьба. Существуют две даты. Где была свадьба? В Коломне. Почему в Коломне? Потому что в Москве из-за пожарища невозможно было устроить торжества. Дмитрий Донской привёз жену на пепелище. Но это была любовь! Такой любви наша история не знала. Были необходимые женитьбы-замужества по тем или иным престольным причинам. А у Дмитрия Донского и Евдокии Московской – семейное счастье. Подлинная огромная семья. Двенадцать детей.

У нас теперь празднуется День семьи. Хорошо, конечно, хоть однажды в году этому дню всё внимание. Но – сегодня День семьи, а завтра что? А вчера что? Такая подчёркнутая заданность подходит профессиональному празднику: День шахтёра, День металлурга, а семья не профессия. Семья – состояние общества в больших и малых долях. Я ничего не имею против Петра и Февронии и этого странноватого сказания (познакомилась с ним в восемнадцать лет), но в разных городах страны ставить памятники в честь Дня семьи двум бездетным монахам... Удивительно! Ведь семья – прежде всего дети. Продолжение рода – главное на этой Земле. Поэтому, когда семью Евдокии Московской и Дмитрия Донского забывают, обидно. Спрашиваю человека, ныне очень верующего, в прошлом – коммуниста, помогающего восстанавливать храм Дмитрия Донского: «Придел Евдокии Московской там будет?» Он: «А кто это такая?» К сожалению, о ней по новой узнали недавно. Вырос в Москве в Котлах храм преподобной Евфросинии. Там чудесный священник, отец Алексей Ладыгин. Появился посвящённый ей поклонный крест в Москве. На кресте её изображение. Я возражала по этому поводу только потому, что считаю: на кресте может быть только Христос, так меня воспитали. Если крест посвящён кому-то, то об этом должна говорить табличка.

– А какова реакция на книгу в церковных кругах?

– Я не просила благословить книгу. О реакции в церковных кругах ничего не знаю. Думаю, найдутся священнослужители, готовые понять меня, тем более что уже вышла освящённая в храме книжка, посвящённая преподобной Евфросинии... В предисловии я сформулировала так: «Не претендуя на воцерковлённость, но находясь в границах православного вероисповедания, написала я эту книгу с ощущением бескрайности Богоприсутствия в Природе Земли и Неба, а также в природе отношений между людьми». Если начну просить благословения, то не смогу написать, например, как умирал Дмитрий Донской, как прощался со своей женой. Он попросил оставить их наедине и последний свой выдох отдал ей в поцелуе.

Окончание на стр. 4

СОБЫТИЕ

Новоселье в МГУ

В новом IV учебном корпусе МГУ им. М.В. Ломоносова, который на днях справил новоселье, будут располагаться юридический факультет и Высшая школа государственного аудита. На торжественном открытии выступили глава Счётной палаты Сергей Степашин и ректор Московского государственного университета Виктор Садовничий.

ОЧЕВИДЕЦ

Загадка для поляков

Принято решение провести в 2015 году «перекрёстный год» Польши в России и России в Польше.

2015 год неслучаен. В конце него в Польше должны пройти парламентские и президентские выборы, и вполне вероятно, что власть сменится. А это может означать и смену формата отношений с Россией. Ведь нынешняя Польша – страна, расколотая надвое именно по вопросу об отношениях с Россией.

Основная оппозиционная сила (партия «Право и справедливость») настаивает на сознательной вине России за авиакатастрофу 10 апреля 2010 года и предлагает такой формат российско-польских отношений, который в лучшем случае можно назвать холодной войной.

В 2011 году правящей партии «Гражданская платформа» удалось сделать почти невозможное и нарушить устоявшуюся традицию Третьей республики, согласно которой на выборах всегда побеждает оппозиция. С 2007 года «Гражданская платформа» запустила проект нормализации отношений с Россией, и благодаря этой победе у двух стран есть возможность проводить курс на нормализацию по крайней мере по 2015 год. «Нормализация» – процесс скорее политический и гуманитарный, ибо в экономической области у нас и так всё неплохо. Торговые связи развиваются независимо от состояния политических отношений. Попытка завязать русско-польский диалог для обеих стран – это лишь часть европейской политики, своего рода функция отношений с Брюсселем и основными игроками Евросоюза.

Что России нужно от «диалога с Польшей»? Нейтрализация раздражающих факторов российско-европейских отношений, успокоение польской враждебности. В свою очередь, Польше нужно повышение своего статуса в Европе как «главного специалиста по постсоветскому пространству, способного формировать общеевропейскую линию восточной политики».

Было время, когда из России устами великого поэта обращались к Западу с предупреждением не лезть в «спор славян между собою». Теперь мы готовы устраивать «славянский диалог» специально на потребу Западу. Приоритеты поменялись.

Казалось бы, наши народы имели многовековые, сложные и очень значимые отношения. Но в наши дни этого самого диалога почти нет, более того – между нами как бы выросла стена взаимного отчуждения и непонимания. Хотя, конечно, Россия для Польши – совсем не то, что Польша для России.

Для поляков Россия – это часть их собственной идентичности, важнейшее и определяющее их «другое», это «анти-Польша» в любых своих проявлениях. При этом, как ни странно, они почти не знают саму Россию. Поляки имеют дело с той «Россией», которую продуцирует польская культура как негативный образ, и эта «Россия» почти не имеет отношения к реальности. Диалога с реальной Россией поляки в результате не завязывают.

Но и в России Польшу сегодня тоже почти не знают, туда очень редко ездят, а польская культура у нас редкий гость. Потребности в диалоге с нею скорее просто нет. Разве что имеется уходящее корнями в панславизм чувство заочной симпатии к «братскому славянскому народу» – точнее, запрос на такую симпатию. Даже не граничащую с Россией и совсем маленькую Чехию у нас знают несопоставимо лучше. Да, есть целый ряд учёных и писателей – знатоков польской культуры. Но это знание не является общественным. Последнее время, благодаря активному переводу в интернет-СМИ злопыханий польской прессы о России, появился особый интерес к польской русофобии, но пока что скорее в формате стёба.

То есть главное, что мешает нашему диалогу, – это отсутствие реального интереса и стремления понимать друг друга. Мы привыкли к диалогу с великими европейскими культурами – прежде всего английской, французской, немецкой, испанской и итальянской, а польская до такого статуса по своим масштабам явно недотягивает. Она представляется как провинциальная, мало значимая по сравнению с ними.

В Польше, наоборот, русская культура воспринимается как низшая по сравнению с польской. Она традиционно маркирована как схизматическая, неевропейская, восточная, даже варварская, в которой почти нет тяги к свободе и «свету западной цивилизации». Да, она оценивается как великая, но принципиально худшая. И поэтому в ней ищут основания для обвинений и поучений.

Единственный формат диалога с русской культурой, которую готовы принимать поляки, – это диалог знатока с невеждой, когда один объясняет, что такое плохо и как надо исправлять ошибки, а другой послушно и молча внимает. Многовековая неудача культуртрегерской миссии «на Востоке» – один из основных и самых болезненных польских комплексов. Отношение Польши к России основано на мессианской идеологии, я бы даже сказал – на «зуде мессианизма», который свойственен не только всему народу как целому, но и почти каждому отдельному образованному поляку при встрече с «человеком с Востока».

Как раз недавно познакомился с одним поляком, который впервые в жизни приехал в Россию и провёл здесь две недели. Уезжая, он поделился с живущей в Москве соотечественницей открытием: «Я понял, что они здесь просто не хотят, чтобы мы их учили! Но почему они этого не хотят – остаётся для меня загадкой».

И это та загадка, над которой ломают голову лучшие умы польской культуры. Ответы, которые они обыкновенно предлагают, весьма нелицеприятны для русских.

Ну а для нас идея «пойти учиться к полякам» звучит уж вовсе абсурдно. Традиционно польское восприятие русских земель как пространства колонизации и культурного освоения русским людям и непонятно, и смешно.

И всё же, думаю, что русско-польский диалог нужен. Более того, сейчас он нужнее всего именно нам, в России. Ведь это важнейшая сторона нашей общей судьбы, нашего прошлого. Через всю русскую историю можно провести линию русско-польских отношений, диалога в противоборстве двух культур. Без памяти о нём, о его истории и проблематике нет полноценного русского самосознания, нет традиционной русской идентичности.

Олег НЕМЕНСКИЙ

Точка зрения авторов колонки может не совпадать с позицией редакции

ФОТОГЛАС

Фёдор ЕВГЕНЬЕВ

На учредительном собрании по созданию Всероссийского хорового общества было предложено избрать его председателем художественного руководителя Мариинского театра Валерия Гергиева. Главой организационного комитета стал председатель Комиссии по культуре и сохранению историко-культурного наследия Общественной палаты РФ Павел Пожигайло. У Русского хорового общества сложная история. Появилось оно в 1878 году, действовало до 1916-го. Далее существовало с 1957 по 1987 год.

ИТАР-ТАСС

Уникальный архив режиссёра Андрея Тарковского, выкупленный на аукционе, передан в дом-музей режиссёра в Юрьевец Ивановской области. Архив оцифруют, копии будут представлены в музее режиссёра, а также в Ивановской центральной научной библиотеке.

Альберт БАГАУТДИНОВ

Накануне Дня защитника Отечества в фотогалерее имени братьев Люмьер состоялось открытие выставки фронтового фотокорреспондента Якова Рюмкина «Живите, пожалуйста!». Он прошёл дорогами войны с первого до последнего дня, побывал почти на всех фронтах Великой Отечественной. В его архиве сохранилась самая уникальная фотосъёмка Сталинградской битвы. На открытии выставки – в день 100-летия фотомастера – дочь Якова Ильича Рюмкина позировала его правнуку.

ЗЛОБА ДНЯ

Плакали наши денежки

Госдума в первом чтении приняла закон о передаче средств Резервного фонда страны Открытому акционерному обществу «Росфинагентство». Иными словами – в частные руки. За это единогласно проголосовали все члены фракции «Единая Россия», остальные депутаты единодушно высказались против.

Речь идёт о сумме примерно четыре триллиона рублей, а по существу – об изменении финансово-экономической политики в стране. Резервный фонд и Фонд национального благосостояния – бюджетные средства, государственные, общенародные. Бюджетными средствами, которые подлежит расходовать, по Конституции должно заниматься правительство. Никакой передачи полномочий в этом вопросе не предусмотрено. И вдруг ими будет распоряжаться акционерное общество…

Депутат Государственной Думы РФ Оксана Дмитриева во время обсуждения закона заявила:

«Все эти годы нас убеждали, что деньги, вырванные от первоочередных потребностей и хранящиеся в Стабилизационном и Резервном фондах, это деньги, которые будут нам нужны на чёрный день для финансирования дефицита бюджета…

Теперь с ещё большей настойчивостью нас убеждают принять законопроект о передаче этих накоплений в акционерное общество. Это означает, что деньги будут расходоваться и внутри страны, могут инвестироваться в риски. Пойдут они фактически на игру на фондовом рынке, вести которую будут различные финансовые посредники…

Эту аферу века нельзя будет проконтролировать».

Итак, на подходе новый, явно не однозначный закон с неясными, но весьма серьёзными последствиями, которые затронут всех нас.

Вне контроля?

Валерий ЗУБОВ,
доктор экономических наук, депутат Государственной Думы РФ («Справедливая Россия»):

– Принятие в первом чтении закона о Российском финансовом агентстве продолжает традицию ухудшения качества нашего законотворчества. На десяти страницах только констатация факта создания структуры, но ничего не говорится о правах и обязанностях РФА, как и о порядке возмещения её расходов, о предоставляемой ею отчётности. То есть вновь бюджетные деньги выводятся из-под контроля Счётной палаты. При этом ничего не говорится об ответственности за возможные нарушения. Нет даже «инвестиционной декларации» как ключевого момента в концепции закона.

Под эгидой Минфина создаётся ОАО со 100-процентным государственным капиталом. И ему передают в управление средства Резервного фонда, ФНБ, госдолг и средства накопительной части государственной пенсионной системы. РФА имеет право не только самостоятельно инвестировать средства, но и передоверять их вложение специализированным финансовым организациям. Каким и на каких условиях? Это не оговорено.

Если авторы закона считают, что «концентрация в рамках одного института позволит минимизировать процентные и валютные риски», то с каких пор класть яйца в одну частную корзину стало способом снижения рисков?

Если цель – повысить качество и эффективность управления финансовыми ресурсами, то как и почему передача ответственности из одного министерского департамента в другой скажется на эффективности?

Но куда пойдут деньги? Начиная с 2004 года целью Стабилизационного фонда было выведение из оборота «лишних денег» для подавления инфляции. Сегодня говорится, что деньги должны приносить доход. Но куда их будут вкладывать?

Вариантов два – «административно связанный» и ориентированный только на доходность.

Первый символизируют «инфраструктурные облигации» – инструмент низкодоходный, рискованный. В автомобильные дороги вкладывать нельзя – тут в принципе отсутствует финансовый поток. Вложения в РЖД, авиастроение или ЖКХ выглядят странно – эти отрасли и так безвозмездно дотируются из бюджета. Так зачем бюджету ещё и инвестировать в них в надежде на доход? Вкладывать в нефтегазовый сектор – абсурд. Ведь именно оттуда изъяты средства, которые и сформировали эти фонды.

Второй вариант – ориентация исключительно на доходность. Но тогда надо выходить за национальные границы. Решаема ли эта задача политически – большой вопрос…

Кубышке – прозрачность

Валерий КАПЛУНАТ,
предприниматель, председатель совета директоров ОАО «Омсктехуглерод»:

– Любая сложная сфера экономики, особенно финансы, требует профессионального управления. Вопрос управления Резервным фондом и Фондом национального благосостояния – болезненная тема. Просчёты, ошибки, как и правильные шаги, сильно сказываются на развитии производства, атмосфере в обществе.

До принятия этого закона (а он, думаю, будет по-разному воспринят не только депутатами Госдумы) основное предназначение этих двух фондов заключалось в аккумулировании излишних средств, являвшихся, по сути, спекулятивной рентой с поступлений, выручаемых от продажи нефти и газа. Это своего рода следствие так называемой голландской болезни, когда идёт колоссальный переизбыток платежей и доходов от сбыта природных ресурсов. Реально переварить эти деньги наша экономика не в состоянии.

Фонды, по сути дела, исполняли роль государственной кубышки. И в лучшем случае средства переводились для сохранности в евро или доллары в плавающих пропорциях и размещались на определённых депозитах. Но их использование в разорённых в ходе кризиса компаниях в Америке, в других подобного рода финансовых институтах в итоге привело в состояние шока всё наше общество. После подобных катаклизмов остаётся лишь выводить ресурсы в надежде на минимальные потери.

Считаю предпринятый законодателями шаг профессиональным, разумным и оправданным. Уверен, при правильном подходе общество сможет более детально контролировать и эффективно управлять процессами распределения свободных средств. Не зря Россия в последнее время – крупнейший покупатель золота: его было закуплено дополнительно более 500 тонн. Ищутся так называемые эффективные резервуары. Но, подчёркиваю, современное управление финансами невозможно без профессионализма и прозрачности, что и хотелось бы видеть в работе «Росфинагентства».

СУММА ПРОПИСЬЮ

На днях стало известно, что почти 24 миллиона рублей из бюджета наукограда «Сколково» ушли в карманы некоторых топ-менеджеров. Растраты и хищения творились при подготовке саммита АТЭС во Владивостоке и на острове Русский. Немало финансовых скандалов связано с подготовкой Олимпиады в Сочи. А что творилось в структурах, связанных с Министерством обороны?!

Есть ли гарантии, что учреждаемое Российское финансовое агентство не станет площадкой для подобных афер и операций? Судя по тому, какого качества законы принимаются в ходе этого самого учреждения, их нет. И всё будет зависеть только от того, что за люди окажутся во главе супербогатого агентства, какие цели перед собой они ставят…

И как вам такие гарантии? Внушают?

ДОСЛОВНО

Кого сажаем?

Письмо литераторов в Верховный суд РФ

Полковника ГРУ в отставке Владимира Квачкова приговорили к 13 годам колонии строгого режима за якобы подготовку мятежа в России. Сотоварищ Квачкова Александр Киселёв получил 11 лет лишения свободы.

Суд не счёл смягчающим обстоятельством преклонный возраст обоих обвиняемых (Киселёву – 62 года, Квачкову – 64 года).

По версии обвинения, преступный замысел двух пенсионеров заключался в том, чтобы захватить власть в Коврове Владимирской области, а оттуда двинуться на Москву. Ради этой цели, настаивало обвинение, Квачков вёл подготовку сторонников. Оба обвиняемых не признали своей вины.

Параллельно на Урале судят единомышленников Квачкова – отставных офицеров во главе с 65-летним полковником Леонидом Хабаровым. Им тоже грозит тяжёлый приговор.

Это офицеры, горячо переживающие за страну и армию, и суждения они высказывали зачастую горячие и резкие, но никакие суждения – не повод для заключения, тем более на такой срок.

Ни Квачков, ни Киселёв, ни Хабаров, ни другие обвиняемые никого не убили и ничего не украли.

Между тем мы постоянно наблюдаем, как совершившие убийства богатые, влиятельные или находящиеся во власти люди получают или смешные наказания, или отделываются условными сроками. Мы видим, что на уровне министерств расхищаются несметные деньги, но госчиновники уходят от ответственности.

Среди всех этих несправедливостей безжалостный приговор двум старикам-офицерам дополнительно отравляет моральный климат в обществе. Не резоннее ли было бы власти и суду всмотреться в причины, побуждающие военных к радикальным протестным суждениям. Вряд ли наказание искренних и заслуженных офицеров будет способствовать укреплению авторитета власти в армии.

Нас возмущает приговор Квачкову и Киселёву, требуем от Верховного суда его пересмотра.

Мы выступаем за освобождение всех обвиняемых по этому делу.

Аркадий БАБЧЕНКО, *писатель*; **Сергей БЕЛЯКОВ**, *критик*; **Владимир БОНДАРЕНКО**, *критик*; **Дмитрий ДАНИЛОВ**, *писатель*; **Всеволод ЕМЕЛИН**, *поэт*; **Михаил ЕЛИЗАРОВ**, *писатель*; **Олег КАШИН**, *журналист*; **Павел КРУСАНОВ**, *писатель*; **Валентин КУРБАТОВ**, *критик, литературовед*; **Эдуард ЛИМОНОВ**, *писатель*; **Владимир ЛИЧУТИН**, *писатель*; **Юнна МОРИЦ**, *поэт*; **Дмитрий ОЛЬШАНСКИЙ**, *литератор*; **Захар ПРИЛЕПИН**, *писатель*; **Александр ПРОХАНОВ**, *писатель*; **Герман САДУЛАЕВ**, *писатель*; **Андрей РУБАНОВ**, *писатель*; **Андрей РУДАЛЁВ**, *критик*; **Роман СЕНЧИН**, *писатель*; **Сергей ШАРГУНОВ**, *писатель*

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
1971 1979

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
АНО «Редакция «Литературной газеты»

Главный редактор
Юрий ПОЛЯКОВ

Заместители главного редактора
Алесь Кожедуб,
Леонид Колпаков,
Марина Кудимова,
Игорь Серков

ОТДЕЛЫ:

«Политика, экономика»
тел. 8-499-788-01-06
Игорь Серков,
Владимир Сухомлинов

«Литература и библиография», сайт «ЛГ»
тел. 8-499-788-02-05
Марина Кудимова,
Игорь Панин,
Татьяна Шабаева

«Искусство»
тел. 8-499-788-02-12,
Арина Абросимова,
Анна Кузнецова

«ТелевЕдение»
тел. 8-499-788-02-12
редактор
Александр Кондрашов,
Олег Пухнавцев

«Общество»
тел. 8-499-788-02-08
редактор Людмила Мазурова,
Наталья Гамаюнова

«Клуб 12 стульев»
тел. 8-499-788-00-53
администратор Александр Хорт

Обозреватели
Сергей Мнацаканян, Лев Пирогов,
Дмитрий Каралис (Санкт-Петербург),
Игорь Гамаюнов

Спецпроекты и приложения
Алесь Кожедуб,
Анастасия Ермакова

Отдел оформления
тел. 8-499-788-01-13
бильд-редактор
Евгений Федоровский,
художественный редактор
Антон Меньшов

Представитель в Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе
Валерий Павлов

Собственные корреспонденты
Александр Самойленко (Калуга),
Юрий Беликов (Пермь),
Жан Миндубаев
(Ульяновская область, Татарстан),
Владимир Шемшученко
(Санкт-Петербург),
Владимир Королёв (Смоленск),
Сергей Евстратьев (Республика Молдова),
Лия Иванян (Армения),
Ирина Тосунян (США),
Алексей Славин (Германия),
Мария Хамахер (Центральная Европа),
Никита Барашев (Италия),
Светлана Селиванова (Китай),
Евгений Минин (Израиль)

Московский тираж – 60 351 экз.
Федеральный тираж – 35 707 экз.
(печатается в Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Воронеже, Новосибирске)
Тираж в Крыму – 2500 экз.
Тираж в Европе и США – 6000 экз.
(печатается во Франкфурте-на-Майне)
Тираж в Израиле – 22 000 экз.
Тираж в Великобритании – 9000 экз.
Тираж в Греции – 3000 экз.

Общий тираж
138 558 экз.

Цена договорная
Отпечатано в ЗАО «Полиграфический комплекс «Экстра М»,
143400, Московская область, Красногорский р-н,
п/о «Красногорск-5»,
а/м «Балтия», 23-й км.

Номер подписан к печати
19 февраля 2013 г.
Зак. № 13-02-00350

Редакция рассматривает все обращения читателей, оставляя за собой право не рецензировать и не возвращать письма и рукописи.

Подписные индексы:
50067, 34189, 84874 и 99168
(для предприятий и организаций)

Подписка и распространение:
тел. 8-499-788-01-12

Экспортная подписка – по каталогам «МК-Периодики» и «East View Publications»

Газета зарегистрирована в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № 77-35721 от 20.03.2000 г.

Адрес редакции:
Хохловский переулок, д. 10, стр. 6
Москва, 109028
тел. 8-499-788-02-52

Автоинформатор и соединение с отделами:
8-499-788-02-10

Электронный адрес:
litgazeta@lgz.ru
Факс: 8-499-788-00-52

Перепечатка допускается по согласованию с редакцией, ссылка на «ЛГ» обязательна

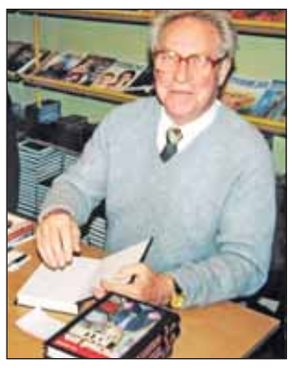
Ведущий редактор номера Алесь КОЖЕДУБ

«ЛГ» № 43, 2012

В потёмках

Продолжаем дискуссию, начатую беседой с историком Юрием Жуковым («ЛГ», № 43, 2012), и обсуждаем причины распада СССР, его последствия, а также уроки, которые следует извлечь России и её руководству.

Наш собеседник – генерал-лейтенант КГБ в отставке, профессиональный разведчик Николай ЛЕОНОВ.



«ЛГ»-ДОСЬЕ

Николай Леонов – личность легендарная. Его жизнь связана с дипломатией и разведкой. Работал в Южной Америке, бывал в командировках в Афганистане, других странах. Был лично знаком с Че Геварой, братьями Кастро. Более 35 лет – в Службе внешней разведки. С 30 января по 27 августа 1991 года – начальник аналитического управления КГБ СССР. После распада СССР в должности генерал-лейтенанта ушёл в отставку. Депутат Государственной Думы РФ IV созыва (2003–2007). Автор ряда книг, множества статей. Доктор исторических наук.

– Николай Сергеевич, в 1991 году, когда вы возглавляли аналитическое управление КГБ СССР, а распад Союза был всё ближе, какие процессы шли в верхушке КПСС?

– Партия была в прострации – имею в виду идеологию, мировоззрение. В состоянии организационного распада. Ряды КПСС за год покинули примерно полтора миллиона членов. Разрушение КПСС – базовый фактор краха Советского Союза как единой державы. Писатель Александр Зиновьев называл КПСС «сетью власти». Она объединяла, держала огромную державу, 260 миллионов человек, как скелет – тело.

После XXVIII съезда партии летом 1990 года Политбюро, принимавшее решения, обязательные для всей страны, перестало существовать как инструмент твёрдой государственной власти.

– Что же послужило причиной этого, помимо, мягко говоря, недальновидности Горбачёва?

– Горбачёв и Ельцин – не зря их подчас называют заединщиками – были схожи в несокрушимом стремлении к власти. Ельцин был человеком бульдозерного типа с задачей (может, сразу им не осознанной) достичь верховной власти, независимо на какой части государства. Горбачёв же – угорь. Стремился к тому же, но бесконечно лавировал. Ельцин рубил просеку к власти сквозь лес без оглядок. Горбачёв пытался проскользнуть между деревьями, поэтому стремился ликвидировать партию, размыть Политбюро ЦК. Ему не нужен был коллективный контролёр.

Ещё одно их роднит: отсутствие программных убеждений. Власть была целью. Программы не было. Обоим присущи бессвязность, сумбурность, эклектичность. Ельцин прошёл большой путь с 1987 года, когда заговорил о расхождениях с Политбюро и Горбачёвым. Это был путаный путь. Но он ни разу не заикнулся, что будет разваливать СССР. Или что отказывается от социализма. Наоборот: «Надо больше социализма!» Говорил об укреплении Советского Союза, важной роли Вооружённых сил. Можно было даже подумать, что он – государственник. Параллельно вещал обратное.

Дэн Сяопин по сравнению с Ельциным и Горбачёвым – гигант. Интеллектуальный гигант. Он совершил грандиозные вещи. Осуществил мечту еврокоммунистов, ряда советских экономистов о конвергенции. У наших двух лидеров ничего цельного в головах не было.

– Насколько серьёзна версия, что они действовали не только в угоду, но и в сговоре с Западом?

– В прессе преувеличивают участие Запада. Считаю: на 80 процентов геополитическая катастрофа – наша вина, 20 процентов отношу на Запад. Если говорить о личностях, то главными проводниками западных рецептов были Александр Яковлев и Эдуард Шеварднадзе.

Яковлев, конечно, личность незаурядная. Но он действовал, по-моему, на основе личных обид, связанных с раскулачиванием отца. Кроме того, был крайне обижен тем, что его отстранили от работы в ЦК КПСС и отправили в 1973 году послом в Канаду, место по сути ссыльное, где он пробыл 10 лет. Кстати, в 1972 году он выступил в «Литературке» с нашумевшей статьёй «Против антиисторизма». Она вызвала рост трений между почвенниками и западниками, ею возмущался Михаил Шолохов. В Канаде Яковлев поддался сильному влиянию премьера Пьера-Элиота Трюдо. Яковлев проводил массу времени с Трюдо, нарушая дипломатические нормы. Например, при отсутствии более двух суток посол обязан назначить временного поверенного в делах. Яковлев мог уехать на неделю в поместье к Трюдо, проводить время в бесконечных беседах. И тогда в посольстве некому было подписать даже финансовые документы.

Трюдо «влил» в него мировоззрение, которое условно назовём социал-демократическим. Главное – оно прозападное. А Россия, Советский Союз – другая страна, тут свои традиции, всё так просто не перенесёшь. Можно предположить, что потом это мировоззрение переливалось в голову Горбачёва. А тот был по большому счёту человеком малообразованным, не имевшим чётких воззрений. Времени организовать серьёзную проработку программы перестройки он себе не дал, поскольку был торопыгой. Мне уже приходилось сравнивать его с героем басни о мальчике, который решил выправить табуретку. Взял пилу и стал подпиливать ножки. Отпилил все ножки, но это была уже не табуретка. Горбачёв действовал по схожему рецепту.

– Но ведь Андропов к нему присматривался, бывал с женой на Ставрополье, общались семьями…

– Что касается Андропова, то мы (имею в виду руководство разведки), работавшие под его началом, хорошо знали, что в кадровых вопросах он, можно сказать, не угадал ни разу. Все, кого он выбирал, оказывались на поверку людьми, путающимися во взглядах, прозападной ориентации.

На Андропова сильное влияние оказывала группа советников, например академик Георгий Арбатов, тогда директор Института США и Канады. Вот один эпизод.

Арбатов внушил Андропову мысль, что надо построить на американские кредиты газопровод из Западной Сибири в Мурманск, там возвести заводы по сжижению газа и танкерами везти в США. Вроде как материальная база мирного сосуществования. Андропов поручил мне, тогда начальнику аналитического управления внешней разведки, поговорить с Арбатовым, тщательно всё проработав. Я связался со специалистами по газодобыче и переработке, строительству газопроводов, их финансированию... С десяток серьёзных бесед провёл. Общее мнение: построим за американские деньги газопровод, но пока будем выплачивать кредиты поставками газа, уйдёт лет 20. В условиях нашей агрессивной тундры компрессорные станции и трубы придут в негодность к моменту, когда закончим выплату кредитов. В итоге для страны – дырка от бублика.

Я высказал выводы Арбатову у него в кабинете. У меня было больше фактуры, у него только идея. Он невероятно рассердился, позже позвонил Андропову, потребовал, чтобы впредь люди типа Леонова не вникали в такие проекты. Но саму идею похоронили, поскольку против выступили все – академическое донкихотство.

Были и другие завиральные идеи, на которые Андропов клевал. А исходили они от тех, кто подчас искренне не понимал, что на Западе пальцем не пошевельнут, если выгода не будет существенно перевешивать интересы «партнёра».

– Вернёмся к тандему Яковлев–Шеварднадзе. Последний тоже ощутимо влиял на ход событий.

– Безусловно. По моим представлениям, Шеварднадзе (если и перегнул палку, то ненамного) был прямым агентом США. Хотя наверняка у них и Яковлев считался надёжным агентом влияния.

Шеварднадзе, когда стал министром иностранных дел, разрушил систему информирования руководства страны. Например, отказался от практики записи бесед с иностранными представителями, что норма везде. Провели беседу с важной персоной, будьте добры, составьте запись, разошлите членам Политбюро. Отказ от этого вызвал непонимание. Скажем, председатель КГБ был членом Политбюро, и до меня, других руководителей разведки доходили записи, помогали ориентироваться. Как разведчики, мы поняли: есть что скрывать.

Члены Политбюро потихоньку устранялись от внешнеполитической кухни. Горбачёв ни разу Шеварднадзе в связи с этим не поправил.

Вообще его влияние на Горбачёва было весьма сильным в силу слабости Горбачёва. Всё чаще принимались невзвешенные решения, в частности по разоружению. Мне довелось в течение пяти лет быть членом рабочей группы, которая готовила директивы по этим вопросам. В неё входили представители Международного отдела ЦК партии, военно-промышленной комиссии, Министерства обороны, МИДа, КГБ. И только согласованные решения пятёрки становились нормой. Шеварднадзе и это поломал. Влияние на Горбачёва с его стороны росло и росло.

Без консультаций с кем-либо генсек согласился на ликвидацию новейшего ракетного комплекса «Ока», хотя он не подходил под категорию ракет меньшей и средней дальности, которые планировали уничтожить. Но американцев невероятно беспокоил: мобильный комплекс с тремя ракетами, которые можно оснастить и ядерными, и обычными боеголовками. Американцы осознавали силу «Оки» и настояли, чтобы Шеварднадзе согласился на его ликвидацию. Тот убедил Горбачёва, и они скрытно вписали этот пункт в договорённость с США.

– На всё можно посмотреть с другой стороны. Яковлев, Шеварднадзе, возможно, считали, что так лучше для страны… Меньше ракет – больше того, что нужно людям.

– Я такого подхода не разделяю. Речь о людях крупного политического масштаба. Для них путь действий иной. Открыто – на государственном уровне или партийном – заявить о своей платформе. Шеварднадзе никто в таком случае, наверное, не осудил бы. Сформулируй программу: нам в силу того-то и того-то надо делать то-то и то-то. Докажи правоту. Отступи, если не прав. Доктрины всякие возможны. В данном случае речь о карманной дипломатии, интригах.

– Можно ли было тогда что-то сделать, чтобы спасти СССР?

– Конечно. Для начала такой момент. Юрий Жуков, другие историки размышляют о возможности существования многонациональных государств, их обречённости во времени... Одни одно говорят, другие – другое. Но что очевидно? Можно привести почти одинаковое число примеров и одного, и другого рода.

Конкурентам крупные гособразования внушают страх. Поэтому американцы в ходе Второй мировой войны имели планы расчленить Германию и Китай. Не таяла мечта расчленить и Россию, как прежде СССР. Расчленить – значит, устранить на перспективу конкурента.

В самих же США законы не позволяют кому-то взять и отколоться. За всю их историю ни одного квадратного сантиметра земли не отделили – антиконституционно.

Таких сдерживающих моментов в Советском Союзе не оказалось. Юрий Жуков это точно описал. Ошибочной была конструкция СССР, которая непонятно почему не была изменена Сталиным в 30-е или 40-е годы, когда были возможности. Но мысль о сохранении СССР в видоизменённом состоянии была. Андропов вынашивал идею о разделении страны на 40–45 административно-территориальных единиц. Штаты, земли, провинции – как угодно назовите. Но он считал нужным покончить с национальным дроблением. Потому что оно в любой момент может взорваться. Примеров множество. Другое дело, что такие реформы надо тщательно готовить, помнить про табуретку. Когда была одна страна, следовало на это пойти.

– А что ещё можно было сделать, чтобы сохранить СССР? Какая-то комплексная программа – по территориальному делению, укладу экономики, социальному строительству?

– Конечно.

– Учесть все традиции, скажем, тех же народов Прибалтики…

– Да.

– Почему, на ваш взгляд, не сделали?

– Что касается Прибалтики, то по поручению председателя КГБ СССР Чебрикова я совершил поездку туда в 1988 году. Он попросил меня выступить в роли того, кого журналисты называют «свежей головой». Сказал: поезжайте, посмотрите. Я проехал по Прибалтике в сопровождении экспертов. Пришли к выводу, что Прибалтика успокоилась бы, если бы был проведён в жизнь план, смысл которого – финляндизация. Свои внутренние системы власти, конституция, парламент, налоговая система и т.п. Хозрасчёт республиканский, максимальная, словом, автономия... А дальше видно было бы. Не заметили мы тогда там особого желания очертя голову кидаться куда-то. Ведь Советский Союз – это страна, которая исторически сложилась. По-человечески единая. В СССР в 1991 году насчитывалось 60 миллионов смешанных браков! Был единый хозяйственный организм.

Поэтому, когда проводили референдум 17 марта 1991 года, подавляющее большинство населения проголосовало за сохранение страны. Преступление было этим пренебречь. А всё свелось к борьбе за власть. К тому, кто оседлает протестные настроения. Никто не открывал всех своих карт.

– Ещё вопрос об уроках, которые должна извлечь Россия. В частности, не сняты с повестки дня вопросы национально-территориального деления...

– Национализм чрезвычайно опасен. Если говорить о временах распада СССР, то национализм проявлялся тогда, скорее, на уровне политических лидеров, а сейчас часть гражданского общества уже крепко им захвачена. Об этом много говорится, но мало что меняется. А надо принимать серьёзные решения.

– Какие? Можно, как в последнее время принято, ужесточать законы, наказывать... Но не кажется ли вам, что страна разбегается по национальным квартирам, утрачивается чувство общероссийского единства?

– Уверен, нельзя уходить от вопроса о пересмотре административно-территориального устройства. А пока есть скелет, на котором может вырасти межнациональная рознь.

Сейчас мы не одинаковы в своих правах. Посмотрите, сколько за электричество платит дагестанец и сколько смолянин. И почему якуты имеют что-то от доходов за алмазы, а куряне за свою руду ничего? Нужны одинаковые социально-экономические условия для всех граждан России. Административно-территориальная реформа нужна, как и социально-экономическая. Равным должно быть положение абсолютно всех граждан перед законом. Почему суды подчас прогибаются при вынесении приговоров выходцам с Северного Кавказа? А нет равенства перед законом, рождается ответ: «Хватит кормить Кавказ!» Боремся против экстремизма в эфемерных формах, не трогая капитальных основ подпитки национализма.

– В своих книгах вы подчёркиваете, что остаётесь приверженцем социалистической идеи.

– Безусловно. Никогда не откажусь от неё. Почему? Встречаясь с радикал-демократами, часто спрашиваю: вы что, ставите конец развитию человечества? Рыночная экономика, и всё? Отвечают поразному. Я, в свою очередь, считаю, что дальше развитие пойдёт так, как полагают многие философы – европейские, американские – и многие политические деятели. Во многих странах уже элементов социализма больше, чем даже было в Советском Союзе. Там забота о человеке, то, что мы называли социализмом с человеческим лицом. В СССР не хватало внимания к личности, свободы. В том числе при выражении собственного мнения, участии в управлении государством... Но ведь человечество будет развиваться. Все, кто исповедует христианство как религию, должны признать: социалистические принципы близки тем, что исповедовал Христос.

Капитализм отвергает гуманизм. Лишь только наступает «дикий капитализм», сразу появляются бомжи, нищие, другие отверженные. Такой строй неперспективен.

Но поскольку правящая сегодня верхушка всем довольна, она будет утверждать, что всё остальное плохо. Как заставить 160 миллиардеров России думать иначе? А под их контролем пресса, всё телевидение могут скушать любого, кто воспротивится. Но то, что воцарившийся у нас строй не является справедливым, – факт. Все стихийные митинги, другие формы протеста в сердцевине своей направлены на защиту справедливости.

– Но что делать нашему президенту в обстановке, когда он обложен миллиардерами, а основная собственность поделена?

– Путину не так трудно было бы что-то делать, если бы у него была чёткая и последовательная программа переустройства страны. У Путина, по-моему, её ещё нет. Сочувствую Владимиру Владимировичу, что он пока не может предложить ряд кардинальных серьёзных решений, исходя из потребностей большинства. Давно были очевидны болезненные процессы в том же Министерстве обороны. Кроме административного решения убрать министра, которого надо не просто убирать, а под суд отдавать, опять что-то невнятное. Преступная, на мой взгляд, группа подточила ключевое министерство, а политической оценки не дано...

Роль лидера в том и заключается, чтобы сказать о той или иной серьёзной проблеме громко.

– Как де Голль в своё время, допустим…

– Да. Но не надо и за границу смотреть. Коротенькая речь Сталина, произнесённая в отчаянной обстановке на историческом параде 7 ноября 1941 года, выглядит величайшим проявлением ораторского и политического искусства. Чего-то подобного ждёт страна от нашего президента. Он хорошо знает ситуацию, все болевые точки. Надо сказать о них – открыто, ясно. А не полуправду. Только это привлечёт людей, уставших от лжи и двойных стандартов.

Отсутствие полнокровной, мобилизующей весь народ программы, какая была в СССР в 30-е и 50-е годы, блуждание в потёмках – самое большое несчастье России. Нужна точная цель, чтобы выбраться из болотистой трясины. Для этого президенту нужен надёжный аппарат. И надо мобилизовать учёных. У нас бесполезно научные кадры сидят. Нет общенациональной дискуссии на тему, куда идти, что строить ...

В смысле кардинальных преобразований мы стоим на месте, покрываясь болотной ряской. Снизу начинают булькать пузыри болотного газа. И всё. Ясной государственной воли не видно. А коли так... Страна, вместо того чтобы отмечать 200-летие победы над Наполеоном, занималась визгливыми хулиганками. Тут не до стратегии развития России...

Беседу вёл
Владимир СУХОМЛИНОВ

ИТАР-ТАСС/Архив

США, сентябрь 1988 года. Явно приподнятое настроение и у президента Рейгана, и у его визави Михаила Горбачёва, как и у окружающих его Яковлева (справа на переднем плане) и Шеварднадзе. Общий язык найден...

КНИЖНЫЙ РЯД

«Европейцам нужна дурная Россия»

Вячеслав Манягин. **Курбский против Грозного, или 450 лет чёрного пиара.** – М.: Алгоритм, 2013. – 256 с.

В своей книге автор доказывает, что создание образа сумасшедшего изувера, кровожадного садиста, беспричинно жестокого правителя в лице царя Иоанна Васильевича – не более чем плод западной пропаганды, появившейся 450 лет назад благодаря «польскому шпиону и перебежчику» князю Курбскому. А такой взгляд совершенно несправедлив по отношению к выдающемуся царю, собирателю русских земель, стороннику образования и технического прогресса. Кстати, вопреки расхожим представлениям, внушённым картиной Репина, сына своего Иван Васильевич не убивал.

«Но даже если все преступления, приписываемые Иоанну историками, были им совершены в действительности, чем же он выделялся среди правителей XVI века? Нравы тогда были суровые. Известный историк Валишевский обращает внимание на то, что происходило в Западной Европе: «Ужасы Красной площади покажутся вам превзойдёнными. Повешенные и сожжённые люди, обрубки рук и ног, раздавленные между блоками… Всё это делалось среди бела дня и никого это не удивляло, не поражало». Про Варфоломеевскую ночь во Франции, когда было перебито свыше 30 000 протестантов, и говорить нечего. А вот примеры менее известные. В Англии за первую половину XVI века было повешено только за бродяжничество 70 000 человек. В той же «цивилизованной» Англии, когда возраст короля или время его правления были кратны числу «7», происходили ритуальные человеческие жертвоприношения: невинные люди своей смертью должны были якобы искупить вину королевства. В Германии при подавлении крестьянского восстания 1525 г. казнили более 100 000 человек…

«И таких примеров множество. Но символом деспотизма сделали Грозного, чьи «преступления» были рождены буйной фантазией его политических противников. Причём остриё обвинений направлено не только на личность царя, но также на Россию и русских».

Чем заслужила Россия такую ненависть Запада? Русский философ Иван Ильин, долгие годы проживший в Европе, показал сущность отношений европейцев к России: «Западные народы боятся нашего числа, нашего пространства, нашего единства, нашей возрастающей мощи (пока она действительно вырастает), нашего душевно-духовного уклада, нашей веры и Церкви, нашего хозяйства и нашей армии. Они боятся нас: и для самоуспокоения внушают себе… что русский народ есть народ варварский, тупой, ничтожный, привыкший к рабству и деспотизму, к бесправию и жестокости; что религиозность его состоит из суеверия и пустых обрядов…

Европейцам нужна дурная Россия: варварская, чтобы «цивилизовать» её по-своему: угрожающая своими размерами, чтобы её можно было расчленить; завоевательная, чтобы организовать коалицию против неё; реакционная, религиозно-разлагающая, чтобы вломиться в неё с проповедью реформации или католицизма; хозяйственно-несостоятельная, чтобы претендовать на её «неиспользованные» пространства, на её сырьё или по крайней мере на выгодные торговые договора или концессии».

Такое отношение к нашей стране, убеждён автор книги, сформировалось именно во время правления Иоанна IV, когда неожиданно для Запада возникла великая православная держава, мешавшая установлению в мире гегемонии европейских государств.

Современный американский историограф Роберт Пайпс дипломатично выразил суть возникшего противоречия так: «Мышлению русских царей была чужда выработанная на Западе в XVII в. идея международной системы государств и сопутствующего ей равновесия сил».

Но почему царь должен был согласиться с мировой системой, при которой Россия должна была отдать северо-запад Польше и Швеции, Поволжье – Турции, ввести на остальной территории власть императора Священной Римской империи германского народа и подчинить Русскую православную церковь папскому престолу? А ведь именно такую цель поставила перед собой Европа в XVI веке и почти добилась своего в Смутное время.

Грозный активно противодействовал европейской политике, что сделало его врагом № 1 «цивилизованного мира» и вызвало интервенцию против России, продолжавшуюся всю вторую половину XVI и начало XVII века. «Принимались меры к тому, чтобы не допустить ни московитов к морю, ни европейцев в Москву и, разобщив Москву с центрами европейской культуры, воспрепятствовать её политическому усилению. В этой агитации против Москвы и Грозного измышлялось много недостоверного о московских нравах и деспотизме Грозного, и серьёзный историк должен всегда иметь в виду опасность повторить политическую клевету, принять её за объективный исторический источник».

Автора можно упрекнуть в пристрастности, но ведь и его оппоненты со времён страстного врага и польского шпиона князя Курбского вовсе не грешат объективностью и щепетильностью.

Илья ВИХАРЕВ

ПИСАТЕЛЬ У ДИКТОФОНА

Жизнь и житие

Окончание. Начало на стр. 1.

– Правда ли, что Евдокия Московская обладала способностью к целительству?

– Да, Евдокия Московская действительно чудотворица, она исцеляла слепых и слабовидящих. В Москве, в каждом более-менее культурном доме, до революции была её икона. Особенно там, где жили слепые и слабовидящие. Сейчас мало в каком храме найдёшь икону преподобной Евфросинии Московской. Казалось, память о ней после революции была убита, но она жива. Чудеса от преподобной Евфросинии на протяжении столетий были нередки. Она не спасла двоих своих внуков, двоюродных братьев, от ослепления, но обоим дала дар ясновидения. Она помогала своей тёзке Евдокии Стрешневой быть достойной женой Михаилу Романову. Когда пришёл Наполеон, Москва горела, а в Кремле пожара не было. Люди рассказывали, что над Кремлём летает то ли белая женщина, то ли белое облако. Какое-то было сияние. Она оберегает Кремль Оттуда. Так говорили люди. Они в это верили. И очень любили её за то, что была многодетной матерью и преданной женой великого полководца.

Особенная судьба Евдокии Московской была ей предсказана. В Суздаль пришёл монах Евфимий, стал строить монастырь при поддержке дяди и отца княжны Евдокии. Когда она девочкой ходила туда, Евфимий говорил, что её ждёт великое будущее.

Рождение Евдокии описывается в книге с пониманием чудесного в жизни. Мать её, по дороге из Суздаля во Владимир, родила мёртвого ребёнка. Попросила слугу взять узелок и отнести в храм к иконе Богородицы «Владимирской», отстоять службу. Вдруг узелок зашевелился, раздался писк... Конечно, это легенда, но к каждой легенде нужно относиться осторожно, тем более что мы почти сто лет прожили без веры в чудо...

Евдокия никогда не болела. У неё были необычайной красоты глаза. Любила сидеть на заднем дворе, слушать странников и странниц. Однажды слепая странница подползла к ней и утёрла себе глаза краем её одежды. На следующий день странница почувствовала себя прозревшей.

Во время Куликовской битвы Евдокия Московская незримо присутствовала там, в отрогах битвы. Когда Дмитрий упал с коня и полз, ему казалось, что она его несёт... Дмитрий Донской был ранен, ему в рану заползло какое-то существо типа тарантула. С этого времени Дмитрий болел. Жена определяла по детям, как он теряет силу. Старшие сыновья были сильные, мощные, а младшие – по убывающей – всё слабее и слабее...

Легендарность Евдокии Московской связана с её чудотворством. В те времена в чудо верили значительно больше, чем сейчас. Чудеса – это знаки судьбы. Если ты споткнулась, подумай – что ты сделала не так? Может, не стоит идти туда, куда ты собралась?

– Как к вам пришло желание заниматься Евдокией Московской? Когда?

– В 1964 году. Интересовалась историей и в одной из дореволюционных книг встретила это имя. Читала, как праздновался день её упокоения в 1907 году, его инициировала великая княгиня Елизавета Фёдоровна, которая к тому времени была монахиней, возглавляла Марфо-Мариинскую обитель и, как очень образованный человек, понимала значение первой кремлёвской деятельной жены. Тот праздник был пышным, с участием императора и императрицы, которые, как и Елизавета Фёдоровна, через десять лет были уничтожены большевиками.

Я жила, зная о Евдокии Московской, но не знала, что она так прочно забыта временем. Ведь как с ней, время не обошлось ни с кем. Почему? Потому что она жила в Кремле, была его хозяйкой. Она строила Вознесенский монастырь, храм святой Екатерины, храм Рождества Богородицы.

– Так наоборот её должны были чтить...

– То, что она сделала для Кремля, в новом времени мешало и раздражало.

Княгиня Евдокия, жена Дмитрия Донского.
Художник Виктор Васнецов

Кстати, Евдокия и Дмитрий – родственники. Дальние. Она ему четвероюродная племянница. Общий предок – Александр Невский. У него были две жены – Александра и Васса. От Александры пошла ветвь Дмитрия Донского, а от Вассы – Евдокии Московской. Их встреча была необыкновенной, предсказанной. Она ходила к иконе Богородицы «Владимирской». Говорила с нею. Рассказывала себя. И ей казалось, что Богородица слышит её. Однажды, когда она молилась, из очей Богородицы в её очи полыхнуло. Она приняла свет в себя и только потом поняла, что это был Божественный Свет. В тот день, когда она вернулась из храма домой, во дворе своего дворца услышала топот. Подошла к окну. Увидела трёх всадников. Но заметила одного. Он был в центре – Дмитрий. Он приехал к её отцу. Поднял голову, они встретились взглядами, и часть света от Богородицы из очей Евдокии перелилась к нему. Когда Дмитрий рассказал об этом своему духовнику, митрополиту Алексию, тот взволновался. Сказал, что если всё действительно так и было, то это знак и Дмитрия ждут необычные события в жизни. Отец Евдокии вскоре отдал Дмитрию золотой ярлык, сказав – Москва сейчас сильнее Владимира, правь! – и предложил ему в жёны свою дочь. Дмитрий сразу согласился, понял, речь идёт именно о Евдокии.

У семьи Дмитрия и Евдокии – исторический факт – было удивительное окружение: не лживые придворные, а великие монахи – Кирилл Белозерский, Сергий Радонежский, Савва Сторожевский, Фёдор Симоновский, все сколько-нибудь заметные святые старцы. Они составляли окружение княжеской пары. Крестили их детей. Благословляли на воинские подвиги и мирные деяния. Детей Евдокии крестили Савва Сторожевский и Сергий Радонежский. И Дмитрий, и Евдокия не чуждались никакого чуда.

Княгиня Евдокия, когда начинаешь вдумываться, очень многое в своей жизни сказала. Например. Ответила, почему Господь Бог не спас Андрея Боголюбского. – Спас. Дал ему во искупление грехов такую земную смерть, что Андрей очистился и стал святым...

Она просила Дмитрия подгадать так, чтобы Куликовская битва пришлась на день Рождества Богородицы. Так и случилось.

Наверно, ошибкой Евдокии стало то, что она пообещала Витовту Литовскому, который пригрел её старшего сына, женить своего Василия на его дочери. И с этого во властных структурах начались многочисленные ошибки. Если проследить за многовековой кремлёвской жизнью, а потом и за зимнедворцовской, то там случилось очень много тяжёлого, страшного...

– Известно, что Евдокия Московская строила кремлёвские храмы. Как у неё появилась идея построить Вознесенский монастырь?

– Она искала место, где люди могли бы молиться о павших в бою. Однажды, прогуливаясь по кремлёвской стене, Евдокия увидела невдалеке какое-то полуразрушенное строение. Это были остатки бабьего городка. Когда войско Тамерлана преследовало группу женщин, они кинулись к Кремлю. Их не пустили. Они быстренько срубили городок, там закрылись и спаслись. И Евдокия решила, что бабий городок должен быть в Кремле. Бабий городок свяжет Кремль с окружающим миром. Она же построила храм «Рождества Богородицы». А также храм, посвящённый Святой Екатерине. Все в Кремле.

Сегодня в Кремле нет следов его созидательницы преподобной Евфросинии, великой княгини Евдокии Московской. Но если есть возможность хоть частично вернуть туда эту семейную пару, лучше будет всем.

Нельзя также забыть особого подвига Евдокии Московской, когда она, опасаясь нашествия на Москву Тамерлана, попросила сына своего, великого князя Василия, принести из владимирского Успенского собора в московский Успенский собор икону Богородицы «Владимирской», к которой Тамерлан не подступится.

Икону несли с плачем и надеждами. Встреча иконы, в присутствии княгини Евдокии, состоялась на краю Кучкова поля, где ныне стоит Сретенский монастырь.

И унесли великую Гостью с крестным ходом в Успенский собор Кремля. И с соединением каменного Успенского собора с иконой Богородицы «Владимирской» образовалось престольное место, где венчались с тех пор все великие князья, цари и императоры, вплоть до Николая Второго.

Беседу вела
Анастасия ЕРМАКОВА

СТРЕЛКОВАЯ БАШНЯ

«Шнобель»

Ничего личного. Так в литературных кругах называют премию «НОС»

Каждый писатель мечтает о премии. Самый ничтожный из литераторов – и тот втайне не прочь получить какую-нибудь награду. Есть даже своего рода рекордсмены. Учреждает важный литчиновник новую премию и себе же её вручает. А потом запускает другую, третью. И все с прицелом на себя, любимого. Лет за 10–15 обрастает медалями и орденами, как новогодняя ёлка игрушками, – ходит и позвякивает, поблёскивает. Но это, так сказать, мелочь пузатая в необъятном литературном океане. А мы сейчас говорим о крупной рыбе. О тех, чьи имена на слуху и наводят священный трепет на любителей отечественной словесности.

Возьмём, к примеру, Льва Рубинштейна. Он относится к числу литераторов, о которых все слышали, но творений которых не читали. Это как «не читал, но знаю» с Пастернаком, только в положительном смысле. Из сорока тысяч стихотворений Пригова вспоминается лишь одно – про «милицанера». Из собрания сочинений Рубинштейна не вспоминается ничего вообще. Но, поскольку он существует, да ещё пребывает в статусе корифея, награждать его, разумеется, надо. По статусу положено. Человек пишет чуть ли не полвека, является основателем собственного жанра (который дальше самого создателя не распространился), борется за общечеловеческие ценности и активно поддерживает сексуальные меньшинства. И почему его до сих пор не выдвигали на Нобелевскую премию? Я в замешательстве.

Но мир не без добрых и чутких людей. Премия «НОС», учреждённая благотворительным фондом Михаила Прохорова «для выявления и поддержки новых трендов в современной художественной словесности на русском языке», недавно объявила Рубинштейна своим победителем за книгу статей «Знаки внимания». Старый конь, известное дело, борозды не портит. Если подать заплесневелую тушку под правильным соусом, то неискушённые люди вполне могут принять её за осетрину первой свежести. А искушённые, поморщившись, сделают скидку на «новые тренды» в кулинарии. Но в целом все останутся довольны.

Координатор премии Ирина Прохорова подчёркивает, что «НОС» восходит непосредственно к Гоголю, к его манере изображения действительности. И как ей не поверить? В 2012 году на премию претендовали, к примеру, Михаил Гиголашвили («Захват Московии»), Эдуард Лимонов («В Сырах»), Юрий Мамлеев («После конца»), Александр Терехов («Немцы»). И можно было долго спорить, кто из них достоин первого места, но... Выбирай не выбирай – побеждает Рубинштейн со сборником статей, публиковавшихся на рукопожатных ресурсах. Ну это же прямо по Гоголю, дорогие мои, хорошие. Только великий русский писатель мог выдумать подобный сюжет. И насколько же права Ирина Прохорова. И как же дальновиден Михаил Прохоров, разбирающийся не только в политике, биатлоне и дорогих французских курортах, но и в литературе.

Отдельно всё же поговорим о «Знаках внимания». Я, знаете, прямо очарован Рубинштейном. Такой глубины размышления, такая смелость в суждениях; надо было назвать эту книгу «Невыбранные места из посланий к единомышленникам» – Гоголь на том свете обзавидовался бы. Ведь темы, поднимаемые Львом Семёновичем, постоянно будоражат наше неокрепшее гражданское общество. Вот он вспоминает, как в детстве мальчик из соседнего двора Витька Леонов обозвал его жидом. Сколько лет прошло, а Рубинштейн помнит. А вот учительница Марья Васильевна, которая не разрешила маленькому Лёве выйти из класса, и он обмочился. Тоже, видать, антисемитка была со стажем. Представляю, как рыдали члены жюри Дмитрий Кузьмин и Линор Горалик, читая эти проникновенные страницы. «Хотелось бы забыть, но не получается», – всхлипывает и сам Рубинштейн.

Боже, как грустна наша Россия! Спасибо Рубинштейну, прорубающему окно в незнамое. Как истинный европеец, он указывает на наши недостатки и нещадно бичует пороки. *«Bistro, sputnik, glasnost, samovar, kazak и dacha – это ничего ещё. А вот с широко известным в мире словом pogrom дело обстоит куда грустнее»*, – сокрушается Лев Семёнович. Сам он, разумеется, тоже не избежал погромов, вспоминая завуча Юлию Михайловну, дёрнувшую его за ухо «так, что пошла кровь». Видимо, все эти ужасные репрессии, пережитые в детстве, и наложили неизгладимый отпечаток на характер будущего правозащитника и великого русского писателя, отстаивающего ныне нашу свободу.

Носить ли крест, будучи обрезанным, записываться ли русским в документах, считая себя евреем, – эти глобальные вопросы не дают покоя автору, заслоняя всё остальное – мелкое, суетное. Даже рассуждая о традиционных славянских орнаментах, Рубинштейн не может избавиться от беспокойства: *«Славянскую вязь, причём золочёную, я увидел прошедшим летом на груди крупного белобрысого мужика, сидевшего напротив меня в пригородной электричке. Этой вязью на его чёрной футболке было выведено: «Я русский»*. Ну, если русский, то, значит, беда, скрытая угроза и неприятные последствия. Призраки Витьки Леонова, Марьи Васильевны и Юлии Михайловны бродят по вагону. К счастью для писателя, на сей раз никто его не обзывал, не дёргал за ухо и не доводил до публичного позора с мокрыми штанами. А ведь могли бы!

Что ни говорите, а это действительно новое слово в отечественной литературе! «Архипелаг ГУЛАГ» наших дней, уместившийся в небольшом томике. Однако Солженицын боролся в основном с системой, а Рубинштейну противостоят не только власть, попы и комитетчики, но ещё и эти... которые в майках с надписью «Я русский». Льву Семёновичу надо бы молоко прописать – это ж титанический труд. Как жив-то до сих пор в этой кошмарной стране? Вот с эстонским ветераном Второй мировой, воевавшим на стороне немцев, он подружился и, как пишет в своей книге, нашёл для пожилого вояки слова оправдания. Но то Прибалтика, там люди культурные, не то что у нас в подмосковных электричках... Доживём ли до той поры, когда поймём всю значимость Рубинштейна для России? Я надеюсь. Брат и сестра Прохоровы тоже. Нас мало, нас, может быть, чуть больше трёх. Но мы верим, что этот гигант мысли и отец русского либерализма займёт своё законное место на олимпе нашей словесности. А там и до «Нобеля» рукой подать. А «Шнобель» у него уже есть.

Игорь ПАНИН

ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ

Эх, ярмарка, куда ты катишься?

Закончилась 26-я Международная иерусалимская книжная ярмарка, и осталось от неё грустное впечатление – покинуло ярмарку чувство радости. На предыдущей – яблоку негде было упасть, все залы были забиты книжными издательствами, из фойе велись теле- и радиорепортажи. А теперь – тишина.

Из стран бывшего СССР – только Россия, из стран бывшего соцлагеря приехали Болгария, Румыния, Венгрия, Польша. Европу представили Германия, Австрия, Испания, Португалия, Франция. Были также Панама, Аргентина, Ангола, Бразилия, Индия. И это – практически все участники. Конечно, активно подключились израильские издательства – они и заняли два зала из трёх, отведённых под экспозицию.

Не хочу упрекать организаторов ярмарки с израильской стороны по поводу малого количества участников, но то, что при составлении программы не были учтены интересы израильских и, в частности, иерусалимских писателей, вызвало у меня чувство непонимания.

Дело в том, что основная масса литераторов-репатриантов попала между двух стульев. С одной стороны, израильское общество не очень-то заинтересовано в переводе наших произведений на иврит, в результате чего создаваемое нами неизвестно израильскому читателю.

С другой стороны, метрополия языка – Россия – расположена далеко от нас, и не каждый может позволить себе частые деловые и литературные поездки.

И тут появился Интернет. Расстояния стёрлись, и поле общения превратилось в маленькую площадку, на которой литературный процесс стал виден как на ладони. И творчество израильских писателей начало появляться на страницах российских СМИ. «Литературная газета» дважды давала развороты со стихами и прозой израильских авторов. И другие издания проявляют интерес. К примеру, журнал «Дети Ра» на своих страницах представил стихи 11 классиков израильской поэзии в переводах поэтов-репатриантов. Можно назвать ряд других российских журналов, где печатаются израильтяне.

Организацию по продаже книг русской секции и составление плана мероприятий взяло на себя издательство «ОГИ», которое в Иерусалиме представлял главный редактор, он же – поэт и переводчик Максим Амелин. «ОГИ» представляло разные издательства России, которые по тем или иным причинам не смогли или не захотели участвовать в ярмарке. Может, поэтому и площадка продаж была невелика по сравнению с предыдущей ярмаркой – ведь в таких мероприятиях один в поле не воин. Тем не менее книги активно покупались, и ассортимент имён авторов и наименований был достаточно велик и интересен. Директор издательских программ «ОГИ» Елена Свердлова рассказала мне о трудностях в организации ярмарки, пересылке книг, обо всём том, что спрятано от глаз посетителей, – просто можно снять шляпу в знак уважения к самоотверженной работе издательства. Но самое большое моё нарекание вызвал местный план мероприятий, где были проигнорированы иерусалимские писатели и журналы, выходящие в Израиле. Отдельно хочу отметить отношение к делу Максима Амелина, который внёс нужные коррективы, в результате чего мы смогли участвовать в ярмарке.

И последнее – в связи с российской стороной. Она не только вольна везти на ярмарку литераторов, которых считает нужными, но могла бы учитывать пожелания другой стороны. Израильские литераторы хотели послушать поэта Юрия Беликова из Перми, выпустившего альманах стихов рано ушедших российских поэтов. Встретиться с Андреем Коровиным, проводящим ежегодные фестивали памяти Максимилиана Волошина в Коктебеле. Писателя и главного редактора «Литературки», опубликовавшей на своих страницах произведения многих русскоязычных израильтян. Поговорить с главным редактором российского альманаха «День поэзии» Андреем Шацковым. В этом альманахе есть место для израильских поэтов.

Хотелось бы встретиться с молодыми представителями самобытной питерской школы.

Израильские любители поэзии ждут встречи с открывателем молодых интересных имён поэтом Александром Переверзиным, «командующим» издательством «Воймега». Сколько новых поэтических имён открыл читателям издатель Переверзин! Мы хотели встретиться с талантливыми поэтами, редко попадающими в официальные делегации: Анной Гедымин, Анной Аркатовой, Игорем Паниным, Максимом Жуковым, Еленой Генерозовой и так далее – есть из кого выбрать. С прозаиками Ольгой Славниковой, Романом Сенчиным и другими – российская проза не оскудела талантами.

И почему бы не провести совместный слэм израильских и российских поэтов? Для Израиля такие вещи в новинку. И хотелось бы видеть побольше круглых столов с обсуждением насущных вопросов.

Кстати, я встретил понимание и поддержку в беседе с заместителем министра связи и массовых коммуникаций РФ Алексеем Волиным по поводу согласования с израильскими писателями в будущем комплектования российской делегации на иерусалимской ярмарке.

Руководство «ОГИ», в свою очередь, пообещало подключить представителей израильской литературы к составлению плана совместных мероприятий и круглых столов на следующих ярмарках в Иерусалиме. Поскольку, кроме общения в Интернете, важны личные встречи, личные контакты писателей разных стран, творящих в одном пространстве – на безбрежном поле русского языка.

Евгений МИНИН,
председатель Иерусалимского отделения СП Израиля, главный редактор журнала «Литературный Иерусалим»

ДИСКУССИЯ: РОДНОЕ – ЧУЖОЕ – ВСЕЛЕНСКОЕ

Маленький против Высокого

Продолжаем дискуссию, начатую в № 6 статьёй А. Ивантера «Не уставая ненавидеть». На примере некогда знаковой для интеллигенции книги Ю. Карабчиевского «Воскресение Маяковского» хорошо видно, к чему приводят поспешное развенчание и искусственное отчуждение

Во времена перестройки в плотном потоке антисоветской литературы появилась книга «Воскресение Маяковского». Её автор сразу стал героем эпохи как человек, уничтоживший один из советских символов. Маяковского отныне не существовало. Вместо великана, который покрывал площади кованым, революционным стихом, все увидели долговязого мальчика-рифмоплёта, умело торговавшего своим природным даром.

Автор книги разобрался с Маяковским тонко и беспощадно, но при этом проявил некий возвышенный гуманизм. Будучи тоже поэтом, он не просто отхлестал собрата своего по бронзовой роже, а как бы освободил его от отвратительной маски, показав всем истинное человеческое лицо. Он словно похлопал великана по мощным плечам и тихо сказал ему: «Ну, хватит, брат, орать и нагнетать ложный пафос. Уймись. Мы всё о тебе знаем и всё понимаем. Мы тебя даже не осуждаем и не собираемся гнать из литературы, подобно твоим антрепренёрам-большевикам. Ты даже чем-то нам нравишься: такой фактурный, рычащий и трагикомичный. Но с постамента, дружок, тебе придётся сойти и занять место в тенёчке, далеко позади Мандельштама, Пастернака и всех, кто действительно является великанами».

Прошли годы, и время, как это и полагается, всё прояснило. Оно расставило по законным местам как великанов, так и тех, кто ни ростом, ни духом не вышел. Свежим взглядом перечитывая «Воскресение», ты не только утверждаешься в мысли, что это однобокая спекуляция, выставляющая Маяковского жалким, болезненным существом и отказывающая ему в искренности. Ты видишь, что книга Юрия Карабчиевского – это выражение сконцентрированной ненависти, прикрытой очень тонкой вуалью.

Об этом произведении не стоило бы говорить вообще, если бы не трагедия, происшедшая с автором. Через 10 лет после шумной публикации он покончил с собой. Вот был бы жив и здоров, оставалось бы выразить презрение к этой книге как к антисоветской агитке, являющейся, по сути, просто памятником себе. Но факт самоубийства поднимает всю эту историю на некую высоту. Ты понимаешь, что речь идёт о каком-то серьёзном уроке, который не худо бы осознать.

О Карабчиевском известно немного. Но, читая опубликованное, понимаешь, что к нему самому вполне применимы те технологии, которые он применил к Маяковскому. Вот поставь другие знаки, и перед тобой никакой не правдоискатель, а расчётливый литератор, который удачно продал свою подпольную диссертацию. Причём в период, когда за это уже не наказывали. (Время, кстати, именно это и сделало – поменяло знаки. В сознании общества антисоветизм сегодня есть зло.)

Рассказы автора книги о прессинге, которому он подвергался, всерьёз воспринимать трудно: следили, проверяли документы на улице, а однажды позвонили и женским голосом произнесли слово на букву «х». Просто верх издевательств. Эссе сына, написанное с иронией и любовью, свидетельствует: Карабчиевский был мнителен. Однажды заявил, что в квартире был обыск: КГБ выкрало его записную книжку! А потом жена принесла её из другой комнаты.

В какой-то момент даже такое «давление» прекратилось. Автор «Воскресения» объяснял это тем, что чекисты признали его некой литературной величиной и отвалили. Но сегодня известно о той игре, которую вели «органы» и часть партийной элиты по разрушению СССР. Пасквиль о Маяковском (и это уже не версия, а горестный факт) пришёлся как ложка к обеду. Осмеять великого поэта и сбросить его памятник с постамента хотели не только диссиденты, но и будущие приватизаторы государства.

Не уставая ненавидеть

Вглядимся в Юрия Карабчиевского. Творчество и интервью вполне раскрывают нам его душу. Это столичный интеллигент, очевидно самовлюблённый и ставящий правду личности намного выше правды государства. Второго для него, похоже, просто не существует. И в этом он абсолютно типичен. Это вообще тип интеллигентского сознания той эпохи: власть омерзительна, а мы чисты и прекрасны.

Карабчиевский написал несколько хороших стихов, но в целом его поэзия очень мало отличается от того, что публиковали в журналах. В ней ноль самобытности, огня, доказательства. Это безветренные поэтические фиксации: бесконечные фотоснимки себя, своего одиночества, своей скорлупы. Вполне уловим мотив бегства, спасения от враждебных теней, посягающих на душевный покой. Проза Карабчиевского имеет ценность для его родных и друзей. Сторонний читатель от неё просто взвоет. В самом искреннем произведении, «Тоска по Армении», есть кричащая недоговорённость: автор упорно не желает сказать, что мир, где люди разных народов чувствуют себя братьями, – это советский мир. (Все увидели, что стало с дружбой народов, когда исчезло единое знамя.) Ещё Карабчиевский проявил себя усердным литературоведом, изучающим музыку слов, и это всё, что можно сказать об этом его занятии. Пишет он трудно, словно толкая трамвай. Чтение данных произведений – физический труд.

Как человек Карабчиевский малоподвижен, самодостаточен и нацелен на тихую жизнь в родном, милом сердцу кругу, где все свои и все друг другу приятны. Он раздражён на власть, причём чисто по-диссидентски: «Пропала собака... как я ненавижу эту страну!» Его невроз – вставить «большое перо» советской власти. При этом он хочет признания как литератор, что, в общем, нормально, но в соединении с глубоким антисоветским чувством не может не породить нечто кривое и беспощадное. Маяковский становится для него точкой долгожданного взлёта. Карабчиевский понимает, что ничем другим добиться известности и признания не сможет. А удар по Маяковскому сразу решит все задачи. На это он и тратит себя.

Книга о Маяковском, если её всерьёз комментировать, – это просто убийственный для автора документ. Это длиннющая череда придирок и шулерских передёргиваний. Это взгляд политически ангажированного исследователя и маленького человека, который рисует карикатуру – мажет зло и яростно, без всяких стеснений. Казалось бы, если ты заточился на творчество Маяковского, при чём здесь его зубы, его глаза, его ноги?

Осознавая, что для русского интеллигента такая критика недопустима, пошла и антипатична, он спохватывается и набрасывает на свою ненависть, на свой суетливый пасквиль вуаль сострадания. Он говорит о своём сочувствии Маяковскому. Созвав к постаменту армию насмешников и вооружив её грязью, он призывает простить заторможенного переростка, «одарённого... талантом яркой словесной формулировки», и оставить его в покое. То есть вот вам грязь, швыряйте, смейтесь, если желаете, а я выше этого и ухожу с грустной улыбкой.

Книга о Маяковском принесла Карабчиевскому долгожданную славу. А потом что-то произошло в душе автора. Какой-то надлом. Не открыла эта книга новые горизонты, не расчистила путь, а всё завершила. Небосвод свернулся, и пришла пора подводить итоги. Писателя стала точить мысль о своём «доживании», хотя человеком он был вовсе не старым (чуть больше 50). Он искал причину вовне – связывал это с концом «русского еврейства». Не в том смысле, что люди возвращаются на землю обетованную, а в том, что евреи, по его ощущению, перестают играть в русской жизни хоть сколько-нибудь заметную роль. (И в этом он оказался провидцем.)

Однако был, как представляется, более тяжкий груз, который просто тянул ко дну: осознание того, что совершено нечто недостойное интеллигентного человека. Что есть интеллигенция? Кто её породил и зачем? Её породила история. Вне истории быть интеллигентом нельзя! Это подвижное, неспокойное, устремлённое к социальному идеалу сословие. Оно по сути своей, по факту рождения не может успокоиться никогда. Оно не умеет мыслить категорией «доживания». Если интеллигенция сносит памятник, ей нужно поставить на его место другой. И непременно – вдохновляющий, открывающий дали. Если интеллигенция отказывается от истории, укрывается от её ветра в натопленной комнатке, она отказывается от себя. И тогда она уже не интеллигенция, а коллективный слуга дьявола, помогающий утверждению ада.

Какую даль мог указать нашей интеллигенции «доживающий» Карабчиевский? Он себе не мог указать никакой дали. Долбанув по памятнику, он сразу кончился, превратился в столичный атом, в тень человеческую. Мир, ещё недавно большой и влекущий, сузился до размеров квартиры и перестал интересовать. Крохотное, привычное, обжитое пространство сделалось для него единственной родиной. Оставьте меня в покое, люди и памятники! Не мучьте меня! Дайте спокойно дожить, выпивая с друзьями! Вот то, чем дышат его признания. Он уже не интеллигент, а живой труп с совестью, отягощённой страшной догадкой – о том, что стал игрушкой в дьявольской игре по созданию на земле ада.

Удар по Маяковскому оказался одним из тех ударов, которые выбили балки, поддерживающие советский небесный свод. Что вышло в итоге? Зажглись новые звёзды? Их нет до сих пор. И особенно чёрным, зловеще безнадёжным небо показалось после 1991 года, когда вместе с горячо нелюбимой советской страной исчезли закон, мораль, справедливость и буквально отовсюду потекла грязь. Осознавал Карабчиевский свою роль в том, что произошло? Несомненно. «Мне всё меньше нравятся люди, которым нравится мой Маяковский», – однажды признался он, и что это, если не голос совести?

Мог ли спастись автор «Воскресения Маяковского»? Мог, однозначно. Но для этого ему пришлось бы отказаться от славы, заработанной «непосильным трудом», и места в литературе, куда он вошёл с заднего хода. Он мог заявить: «Ребята, похоже, я далеко не всё понял. Мне помешала злость. Поэзия Маяковского – это творчество Высокого Человека, которым сам он, возможно, и не был, но которым стремился стать. Сам поэт мог быть сколь угодно слаб и запутан, но когда соединялся с Высоким Человеком, рождалось то, чему нет аналогии. Рождались стихи, где в каждой строчке дышит история. А поэтому уберём грязь и приберёмся у памятника. Его поставили Высокому Человеку!»

В России всё прощается. Здесь скажут: «Ладно, с кем не бывает! Чего не напишешь в сердцах!» Но... спасительного диалога не состоялось. Не по силам оказалось Карабчиевскому возрождать памятники и начинать новое трудное восхождение, осмысливая великие имена в контексте великих событий. Не по силам было искать правду истории, правду государства и как-то сложно соединять её с правдой личности.

Легче было просто уйти, покончив с собой и сравнявшись с Маяковским хотя бы в этом.

Валерий РОКОТОВ

ЮБИЛЯЦИЯ

Открывая Платонова

Имя Натальи Васильевны Корниенко известно, наверное, каждому, кто интересуется историей русской литературы XX века, проявляет внимание к современному состоянию мировой филологической мысли. Работы Н. Корниенко входят в разряд фундаментальных исследований РАН, переведены на немецкий, английский, французский, испанский языки.

В научном мире Корниенко известна своим бережным отношением к национальной истории и культуре, приверженностью принципам внимательного изучения архивных материалов, периодики, документов литературного и исторического быта ушедшего века.

В её подходе к научной работе проявляется фундаментальный принцип работы учёного – честность и объективность исследования. Это, казалось бы, очень простое правило предъявляет высокие требования к личности, призывает к самодисциплине, отказу от скоропалительных выводов, недопущению «насилия» идеологии над историко-литературным фактом. Текст художественного произведения, история его возникновения и судьба в культуре становятся исходной точкой анализа, фундаментом истории литературы. В этом заключается истинный путь к писателю как главной фигуре литературного процесса.

Именно так привыкла работать Наталья Васильевна. Возможно, сказались уроки, которые, по признанию исследовательницы, дал ей один из самых «нелитературных» писателей – Андрей Платонов. В научном мире эти два имени часто пишутся рядом. Наталья Корниенко является самым известным специалистом по творчеству Платонова, основным публикатором и комментатором его произведений. Благодаря ей были восстановлены по черновикам, впервые увидели свет десятки текстов писателя. Ею проделана огромная работа по «очистке» платоновских произведений от многочисленных цензурных искажений, следов редакторской правки. Количество сделанных Н. Корниенко уточнений в текстах, датировках и иной литературной «фактуре» поистине необозримо. Публикуемые Натальей Васильевной произведения писателя и их научное «сопровождение» – статьи и комментарии – служат достоверными ориентирами на пути к «настоящему» Платонову, которых могут смело придерживаться читатель и исследователь. В 2004 г. под редакцией Н. Корниенко вышел первый том научного Собрания сочинений Платонова – в двух книгах были опубликованы ранние (1918–1926 гг.) произведения писателя, сопровождаемые детальным комментарием, обстоятельными статьями. В 2009 г. в ИМЛИ была запущена серия-спутник Собрания сочинений – «Архив А. Платонова». В первый выпуск (М., 2009) вошли ранее не публиковавшиеся художественные тексты, черновые редакции, наброски, письма, документальные материалы, освещающие разные этапы жизни писателя.

Двумя изданиями вышли откомментированные Н. Корниенко «Записные книжки» Платонова (М.: ИМЛИ; 2000, 2006). В 2009–2011 гг. в издательстве «Время» при её активном участии увидело свет восьмитомное Собрание сочинений Платонова – первое в России.

Ныне готовится к публикации новый труд – «А.П. Платонов «Я прожил жизнь». Письма», который станет первым систематизированным изданием эпистолярного наследия писателя. Наталья Васильевна – составитель и научный редактор этого издания.

Широко известны заслуги Н. Корниенко по возвращению в большую литературу некогда сброшенных с «парохода современности» советских писателей, таких, как А. Толстой, Л. Леонов, Вс. Иванов, К. Федин и др.

К юбилею коллегами и учениками Н. Корниенко в Институте мировой литературы подготовлен сборник научных статей ««Страна филологов»: проблемы текстологии и истории литературы». В коллективный труд, посвящённый юбиляру, вошли работы ведущих отечественных и зарубежных исследователей по направлениям, которые отражают сферу научных интересов Н. Корниенко. Они представлены в соответствующей структуре тома: «Текстология и поэтика», «Архивы и источники», «Платоноведение», «Хроника и биография», «Литературный процесс XX в.»

Соратники по подготовке собрания сочинений Андрея Платонова ИМЛИ РАН, «ЛГ»

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

Шолоховская энциклопедия обязана быть безупречной

Ответ г. Бессмертных

Статья г. Бессмертных «Возвращаясь к напечатанному» («ЛГ», № 10, 2012) как ответ на моё Открытое письмо редколлегии Шолоховской энциклопедии («ЛГ» № 7, 2012) рассказала читателю о прекрасном замысле.

Однако, увы, она не ответила на главный посыл моего Письма, а это обеспокоенность: есть ли гарантия должного качества реализации научно-творческого замысла.

1. Факты моего Письма просто не обсуждались редколлегией (в постановлении даже не упоминались, характерна фраза в протоколе: «С публикацией не знаком»). Поэтому заявление, что они «не соответствуют действительности», недостоверно. Напомню же, что мое Письмо зафиксировало немало самих по себе просчётов и к тому упомянуло мою докладную «О 4-м по счёту отказе рассмотреть предложения по повышению КПД редакционного процесса». Скрыто, что появились еще три статьи с критикой. Не дана оценка нарушениям норм авторского права – этим займётся прокуратура.

2. Вопреки заявлению г. Бессмертных, не было коллегиального и проведённого с необходимым кворумом утверждения основополагающего для энциклопедических изданий документа – Словника. Порознь оценки были. Но они не были сопоставлены в обобщающем заключении при условии его утверждения редколлегией. Уточню: она в полном составе так ни разу и не собиралась.

3. Заявление, что «работа над энциклопедией ведется планомерно», тоже неверно. Она должна была выйти ещё в 2010 г., о чём сам же г. Бессмертных обещал в «Литгазете» (№ 16–17, 2010).

4. Утверждение, что я, ответственный секретарь, «не справлялся со своими обязанностями» и посему-де «юридические отношения завершились 31.12.2008 г.», – недоразумение (м.б., опечатка?) Ведь я работал еще 3 года, г. Бессмертных оповещал об этом в СМИ, да и получал зарплату.

Однако важно знать: как и когда я покинул издание. В сентябре 2011 г. подал заявление об отставке в знак протеста против эскалации ошибок и даже порой некомпетентности (!) главного редактора. Стоит заметить, что в заявлении 11 страниц – таков массив негативных фактов, и ни один из них не был опровергнут.

5. Рекомендация вывести меня из редколлегии не обосновывалась ни одним реальным фактом и была «принята» нелегитимно: семью голосами из 20 её членов.

Итак. Я озабочен главным. Энциклопедия о великом Шолохове обязана быть безупречной. Этой темы г. Бессмертных даже не коснулся (!).

Надеюсь, что обнародование этих заметок обяжет провести редколлегию (на этот раз легитимную), которая примет решение о проведении независимой контрольно-рецензионной экспертизы. Она-то и разберётся, завершена ли подготовка наиважнейшего издания на должном уровне. А как иначе?!

Валентин ОСИПОВ,
лауреат Всероссийской Шолоховской премии

ЛИТ ИНФОРМБЮРО

ЛИТЦЕРЕМОНИЯ

В Москве прошла церемония возложения цветов к памятнику поэту-герою Мусе Джалилю. Мероприятие проведено в рамках празднования Дня защитника Отечества и дня рождения М. Джалиля. В церемонии приняли участие президент Республики Татарстан Р.Н. Минниханов, руководство правительства Москвы, члены Совета Федерации РФ, депутаты Государственной Думы ФС РФ, члены Клуба офицеров, семья Мусы Джалиля, представители общественности.

ЛИТЮБИЛЕИ

Ремонт Музея Владимира Маяковского в Москве начнётся после празднования 120-летия со дня рождения поэта (В. Маяковский родился 7(19) июля 1893 г.). Как заверил руководитель Департамента культуры столицы Сергей Капков, никакой реконструкции музея не планируется. Он добавил, что на время работ музей переедет в другое здание.

Исполняется 100 лет Яну Сатуновскому, одному из поэтов-конструктивистов, лидеру Второго поэтического авангарда, члену знаменитой лианозовской группы.

75-летие отметит в Екатеринбурге поэт, прозаик Владимир Блинов.

26 февраля исполняется 75 лет выдающемуся писателю, главному редактору газеты «Завтра» Александру Проханову.

80-летие празднует известный переводчик итальянской поэзии Евгений Солонович. Благодаря Евгению Михайловичу по-русски «заговорили» Данте, Петрарка, Кардуччи, Гоццано, Унгаретти, Альберти и многие другие.

ЛИТПРЕМИИ

Литературная премия «Национальный бестселлер» составила лонг-лист 13-го сезона, в который, в частности, вошли Эдуард Лимонов («В Сырах»), Евгений Водолазкин («Лавр»), Фигль-Мигль («Волки и медведи»), Евгений Гришковец («Письма к Андрею»), Майя Кучерская («Тётя Мотя»), Каринэ Арутюнова («Скажи красный»).

Названы имена финалистов премии за лучшую повесть года. На премию Ивана Петровича Белкина претендуют: Дмитрий Верещагин («Заманиловка»), Дмитрий Ищенко («Териберка»), Ирина Поволоцкая («Пациент и Гомеопат»), Геннадий Прашкевич («Упячка-25») и Владимир Холодов («Шанс»).

Входящий в число самых неоднозначных российских авторов Владимир Сорокин стал номинантом международной Букеровской премии – 2013, которая вручается за роман, написанный на английском языке или на него переведённый. Такой чести Сорокин удостоился за роман «День опричника», написанный в 2006 году и изданный в США под названием «The Days of the Oprichnik» в конце 2011 года.

ЛИТВЫСТАВКА

До 31 марта в Государственном музее А.С. Пушкина проходит выставка «Датские иллюстрированные книги для детей». В экспозицию включили лучшие образцы датской литературы для маленьких читателей. Посетителям представится уникальный шанс ознакомиться с традициями профессионального оформления иллюстраций. Посетители могут воспользоваться игровым каталогом-путеводителем, с помощью которого в интерактивной форме предлагается изучить наиболее интересные экземпляры книг, узнать дополнительную информацию об авторе и художнике-оформителе.

ЛИТИНИЦИАТИВА

В Санкт-Петербурге подготовят свой список «100 лучших книг для школьников», решили участники заседания Совета по культуре речи при губернаторе Северной столицы. Чем этот список будет отличаться от общенационального, принятого по инициативе Президента России Владимира Путина с целью установить «общефедеральный канон» литературного образования, пока неизвестно.

ЛИТКОНКУРС

По всей России стартовали школьные туры II Всероссийского конкурса юных чтецов «Живая классика». Проект, проводимый при поддержке Министерства образования РФ, Министерства культуры РФ, Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, правительств Москвы и Санкт-Петербурга, призван вернуть молодое поколение к книге. С нынешнего года конкурс стал международным. Помимо российских конкурсантов, в нём примут участие ребята из других стран: Украины, Молдовы, Азербайджана, Армении, Киргизии, Польши, Турции. «Живую классику» в этом году сопровождают три конкурса-спутника: один из них новый – «Чтение под одеялом», а другие остались прежними – конкурс на лучший фотоснимок и конкурс региональной прессы.

ЛИТУТРАТЫ

Скончался Григорий Соломонович Померанц – философ, культуролог и писатель. Ему было 94 года.

В Германии в возрасте 80 лет скончался Фридрих Незнанский. Его детективы, в том числе написанные в соавторстве с Э. Тополем, переведены более чем на 10 языков.

12 марта в ЦДРИ состоится вечер памяти В.В. Веселовского, на котором выступят соратники и ученики Виктора Васильевича. Начало в **19 часов**. Вход по пригласительным билетам.

Издательство «Вече» приносит свои извинения Виорелю Михайловичу Ломову, автору книги «100 великих меценатов и филантропов» за допущенную ошибку в выходных данных издания. Вместо «автор-составитель» следует читать «автор».

МЕСТО ВСТРЕЧИ

Центральный Дом литераторов
Комната за сценой

21 февраля – семинар детских и юношеских писателей. Руководители – Владимир Майоров и Александр Преображенский, начало в **17.00.**

Малый зал

22 февраля – к 100-летию со дня рождения Эммануила Казакевича. Вечер ведёт Евгений Сидоров, начало в **18.30.**

23 февраля – «Лютня Ориолы» представляет... Литературно-философский вечер «От Сведенборга до Монро, или Эзотерики мира о посмертных состояниях человека», ведущий – Леонид Володарский, начало в **17.00.**

25 февраля – вечер памяти поэта Николая Тряпкина, начало в **18.30.**

27 февраля – секция драматургии «Образ», начало в **14.00.**

«ПИСАТЕЛЬ. ЛИЧНОСТЬ. XXI ВЕК», ведущий – Владимир Бояринов, начало в **18.30.**

Дом-музей Марины Цветаевой
Борисоглебский, 6

21 февраля – презентация восьми новых поэтических книг Льва Готгельфа, начало в **18.00.**

Литературный салон Андрея Коровина в «Булгаковском доме»
Б. Садовая, 10

27 февраля – творческий вечер прозаика Даниэля Орлова. Презентация романа «Долгая нота», начало в **20.00**.

Музей Маяковского
Лубянский пр., 3/6

25 февраля – презентация книги Тимура Зульфикарова «Золотой песок мудрости», начало в **19.00**.

РОСНЕФТЬ

«ЛГ» совместно с ОАО «НК «Роснефть» возобновляет приложение «Многоязыкая лира России», посвящённое литературе больших и малых народов нашей страны

СЕВЕРНАЯ СТРАНИЦА

Эвенкийские тропы

Двадцатый век породил множество феноменов в области культуры. Один из таких феноменов – литературы коренных малочисленных народов Севера. Правда, ещё недавно учёные рассматривали эти литературы, так сказать, скопом, зачастую без учёта особенностей конкретных этносов. Исследователи отмечали общий для всех младописьменных литератур Севера путь: от бесхитростных рассказов, построенных по принципу «прежде и теперь» и предусматривавших охаивание дореволюционного уклада, до восхваления новой власти, через освоение автобиографической прозы к романному эпосу.

Вместе с тем культура каждого народа Севера имела и свои существенные различия, которые специалисты раньше по разным причинам игнорировали. Пришло время исправить эту несправедливость и по-новому взглянуть на процессы формирования и становления отдельных литератур, выявить как общие закономерности, так и особенности, присущие только тому или иному этносу.

Начнём с эвенков. До войны в литературе народов Севера тон во многом задавали именно они. Здесь стоит вспомнить творческие искания молодого охотника из Приангарья Алексея Салаткина, кочевника с берегов Тунгира Никиты Сахарова, братьев Савиных с Дальнего Востока, уроженца Сахалина Григория Чинкова и Григория Маркова с реки Зеи. Все они в 30-е годы минувшего столетия прошли через Институт народов Севера, а в литературу всех их привела выдающийся тунгусовед Глафира Василевич. Кстати, она же помогла своим ученикам подготовить в 1938 году и первый эвенкийский альманах «Раньше и теперь». Перед самой войной всерьёз изучением творчества зачинателей эвенкийской литературы начал заниматься также Михаил Воскобойников, который потом вырос в крупнейшего фольклориста.

Эвенкийский художник и писатель Семён НАДЕИН (1929–1981)

Уже в 1960–1980 годы в эвенкийской литературе, можно сказать, царствовал Алитет Немтушкин. Практически все остальные эвенкийские литераторы (это Владимир Лоргоктоев и Василий Доколев из Бурятии, Семён Надеин с Сахалина, Николай Оёгир, Иван Удыгир, Анастасия Салаткина из рода Вакувагир и Ксения Воронина-Салаткина из Эвенкии, Дмитрий Апросимов из Якутии, да и многие другие талантливые эвенки) долгое время пребывали как бы в его тени.

Отдельно стоит сказать о том, что в постсоветское время сформировалась целая плеяда новых исследователей эвенкийской литературы. В Санкт-Петербурге ею занимаются Эльвира Иванова и Наталья Захарова, в Якутске – Юлия Хазанкович, в Бурятии – Елизавета Афанасьева и Анфиса Воронина.

А что происходит в эвенкийской литературе сегодня? Попробуем вместе разобраться.

Вячеслав ОГРЫЗКО

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ

Кэптукэ – выслеживание зверя

Из печати выходит очень много книг. И говорят, что это хорошо. Но большую часть этих книг читать нельзя, потому что это вредно для душевного здоровья. В принципе можно совсем не читать новых авторов. Ведь в каком-то смысле это даже странное и пустое занятие – чтение новых авторов. Рассчитывать на обнаружение в художественной литературе каких-нибудь свежих идей и мыслей вряд ли стоит всерьёз. Как неоднократно замечали (в частности, крупнейший мистик современности Хорхе Борхес), существует не так много сюжетов, и все они многократно использованы. Борхес нашёл всего четыре сюжета (в новелле «Четыре цикла»): об укреплённом городе, о возвращении, о поиске, о самоубийстве бога. Во-вторых, новые идеи, наверно, стоит искать не в беллетристике, а, скажем, в научной или, на худой конец, в философской литературе (хотя и здесь они не очень-то новые, скорее, это свежие интерпретации идей старых). В-третьих, и это самая важная причина, почему не стоит читать новых авторов, заключается в том, что уже существует такое количество шедевров мировой литературы, на прочтение которых не хватит всей жизни.

Вальтер Беньямин («Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости»), вероятно, полагал, что причиной тому развитие техники, сделавшее возможным превращение почти любого читателя в писателя. В самом деле, грань между писателями и читателями очень зыбкая – вчерашний читатель может вдруг взять и заявить о себе как писатель, и, хотя другие писатели будут стараться не замечать его, не принимать его в своё сообщество, оснований для этого у них не будет никаких. Потому что, скорее всего, он будет писать ничуть не хуже, чем они, а точно так же – плохо.

Исходя из этих размышлений, будет справедливо сразу заметить, что большая часть литературы малочисленных народов Севера – это нечто совершенно ужасное, кошмар, который ни в коем случае нельзя было издавать. Если бы это были труды, претендующие на научную информативность, сохраняющие и передающие ценную информацию о быте, фольклоре, мифологии народа, то да, они бесспорно были бы важны. Но дело в том, что это художественная литература (то есть с претензией на эстетическую ценность), в большинстве случаев, по известным всем печальным причинам, неумело воспроизводящая сюжетные шаблоны литературы соцреализма.

Но в данном случае речь пойдёт об исключении из этих унылых правил.

Встречаются книги, после прочтения которых остаётся тяжёлое и печальное чувство, как будто навсегда расстаёшься с чем-то очень важным и дорогим, что уже успело стать частью тебя и что, возможно, ценнее всего остального, что у тебя есть и будет. Как будто тот мир, который создаётся книгой, реальнее – в том смысле, что он кажется предпочтительным для существования. Как раз такая книга – повесть эвенкийской писательницы Галины Кэптукэ «Имеющая своё имя, Джелтула-река».

В значительной степени своим очарованием эта книга обязана форме – она написана от лица маленькой девочки. Вообще жанр детских воспоминаний занимает особое место в литературе – по какой-то причине истории детства часто волнуют сильнее. «Дэвид Копперфильд» Диккенса, «Приключения Тома Сойера» Твена, «Детство» Толстого, «Вино из одуванчиков» Брэдбери и так далее – во многом успех этих произведений обусловлен детской тематикой. Сложно понять до конца, чем это вызвано, но очевидно, что детство воспринимается как крайне важный, самый значимый период жизни, к которому хочется (хотя бы в памяти) возвращаться вновь и вновь. Это время надежд, которые ещё не обернулись разочарованием. Конечно, литература о детстве только в том случае вызывает интерес, если достаточно умело воссоздано мировосприятие ребёнка, если передана окружающая реальность так, как он её видит. Это в полной мере удалось Галине Кэптукэ. Наверно, говоря о северной литературе, самую близкую параллель можно провести с книгой хантыйского писателя Еремея Айпина «У гаснущего очага» (кто бы мог подумать тогда, что этот талантливейший автор выдаст впоследствии «Божью матерь в кровавых снегах»? Но с кем не бывает!) Эти две книги: «У гаснущего очага» и «Имеющая своё имя, Джелтула-река» имеют много общего, несмотря на принципиальные этнические отличия. И там, и там специфика традиционного быта северного народа на примере одной семьи описывается глазами ребёнка, через его непосредственный, искренний взгляд.

Галина Кэптукэ

Параллель другого плана можно провести с «Записками охотника» удэгейца Николая Дункая (если, конечно, опять же иметь в виду только литературу народов Севера). В данном случае тексты Кэптукэ, Айпина и Дункая объединяет тема шаманизма, точнее, признание позитивной значимости шамана и его силы в бытии народа, признание «иного мира» – мира духов, которые постоянно взаимодействуют с нами. В самом деле это очень важная черта: литература северных народов, практически для всех из которых шаманизм был важнейшей жизненной основой, теряет смысл при попытках вычеркнуть или осмеять его.

Повесть «Имеющая своё имя, Джелтула-река» соединяет в себе как описание мира мифологии эвенков, эпические сюжеты и магию, так и повседневную реальность, гармонично их сочетая. Кэптукэ не противопоставляет мир «непосредственной действительности» и мир духов, нет деления на сказку и реализм, оказывается, что то и другое сосуществует без всякого противоречия. Тут, конечно, нужно оговориться, что для эвенка, вовлечённого в его коренную культуру, само это противопоставление объективной, «непосредственной действительности» и магической реальности лишено смысла – потому что это одно и то же. Но для современного европейского читателя разница очевидна – мы привыкли, что магический реализм противопоставляется классическому реализму: либо одно, либо другое. У Кэптукэ удивительным образом соединяются советская власть, заурядные бытовые проблемы, голод и нужда с магическим повествованием, в котором раскрывается подлинная реальность (можно было бы обнаружить любопытные параллели прозы Кэптукэ с магическим реализмом Маркеса и некоторых других латиноамериканцев). Подлинная реальность – эта та, которую видят шаманы и которая является даже обычным людям в виде определённых знаков, духов, магических символов.

Так, с обезоруживающими искренностью и прямотой (кстати, это одна из наиболее характерных и притягательных черт манеры письма Кэптукэ) в начале повести рассказывается о волшебном насекомом сингкэне. Это насекомое приносит удачу охотнику. Если вдруг оно явилось перед ним, то нет сомнений – скоро на тропе попадётся лось. Отец девочки давно уже ничего не добывал на охоте, небо не посылает ему удачу. Девочка молится небу часами, а может, и днями, но ничего не происходит, что не вызывает у читателя никакого удивления и даже настраивает на определённый пессимистический лад. Такое начало как бы предполагает, что эта повесть будет о невзгодах и тяготах тяжёлой охотничьей жизни, о наивности эвенков, списывающих свои удачи и неудачи на несуществующий и потому безразличный мир высших потусторонних сил. В какой-то момент девочка вспоминает, что если прилетит сингкэн, то охота станет успешной, правда, нужно его не прозевать. Вместе с сестрой они караулят насекомое. И оно в самом деле прилетает. А их отец вскоре возвращается с охоты – с убитым лосём.

Рассказано это так, что правдивость событий не вызывает сомнений и произошедшее чудо воспринимается как некая логическая закономерность. Кэптукэ как бы убеждает читателя в своих историях: магия – это нечто похожее на закон природы, то, что должно случиться с необходимостью при стечении определённых обстоятельств и совершении специальных действий.

В другой истории рассказывается о кочевании семьи Кэптукэ в поисках хороших мест для охоты. Как-то они переходили через перевал, на котором был захоронен дедушка героини – Пэскэнэ. Он был шаманом. Перед смертью сказал, чтобы всякий раз, проходя мимо, на его могилу клали табак, и тогда он пошлёт охотнику добычу. А тому, кто решится лечь на землю, под которой он похоронен, откроет срок смерти. Разумеется, преодолев перевал, отец Кэптукэ убил лося.

Отдельно стоит отметить, как мастерски автор описывает события. Лаконично, без лишних слов, но так, что картина встаёт перед глазами читателя во всей своей полноте – словно он является свидетелем этих событий. Посланники из мира духов, превращение отца девочки в шамана, его помешательство и отождествление себя с кукушкой, камлание (общение шамана с духами), охота, переезды и прочие происшествия описаны с особенной художественной силой. Таёжные пейзажи так же отлично удаются Кэптукэ – вероятно, помимо хорошего владения языком, необходимый эмоциональный эффект достигается за счёт того, что она описывает родные места и те события, которые на самом деле происходили.

В конце повести содержится эпизод, в котором девочка невольно становится участницей шаманского камлания, – она попадает в загробный мир. Чэриктэ, старый шаман, пытается спасти её отца и с этой целью совершает специальные магические ритуалы.

«Мальчик, проткнутый острыми длинными палками с обеих сторон в грудь, уже мёртв. ...Голова Мальчика повёрнута на восток. Глаза открыты, большие глаза. Но они теперь ничего не видят. У меня совсем нет сил: голова моя раскалывается, тошнит, перед глазами плывут круги. Я падаю. Я падаю и падаю в темноту. Долго лечу куда-то вниз. Всё вниз и вниз. Всё темнее и темнее. Куда я лечу? «Я не хочу вниз, – хочется сказать мне. – Ведь внизу нижний мир Хэргу Буга, почему я лечу туда?» ...Лишь вверху, далеко-далеко, светит то ли звёздочка, то ли искорка. Я очень долго лежу и смотрю на далёкий свет. ...Я иду по вязкой глине, нахожу тропку. Шагаю по ней. Осматриваюсь. Как бедна эта земля: чахлая жёлтая трава, бледная повядшая листва на тонких деревцах. И везде большие зелёные кузнечики. Их так много здесь. Неужели мне придётся есть их? Но что это? Впереди горит огонёк. Это костёр. Седая древняя старушка сидит у огня. ...«Откуда корнем-кровью, гостья, будешь?» – спрашивает она меня. «Бабушка, ты, наверное, сама знаешь, – говорю я ей. – Ведь это ты хранительница дороги в нижний мир?» «Это я и есть. А спрашиваю потому, что тебя-то я и не должна пускать туда. Вчера я не пропустила душу твоего отца. Оба вы раньше времени явились. ...Только погоди, видишь, искры от моего костра? Среди них есть искорка Пэскэнэ. Вот она, самая яркая и большая. Лови её и неси на землю». Я хватаю рукой самую яркую и большую искру, зажимаю в руке и иду назад по дороге. Искорка жжёт руку, но я не раскрываю ладони, чтоб она не ускользнула от меня. Я донесу её на землю, и мой отец станет нимнакаланом[1]. Вдруг слышу далёкое пение. Далёкое пение и звук бубна. ...Да ведь это голос Чэриктэ и его бубен звучит. Он зовёт меня своим пением и звуками бубна из этого мира назад, домой, на среднюю землю Дулин Буга. Он то поёт, то курлычит журавлём. ...Я открываю глаза. Мать, бледная и осунувшаяся, смотрит на меня и радостно вскрикивает: «О, Мать-Айихит! – говорит она. – Вернулась на эту землю моя птичка-оми. Благослови нас!» ...«Мама, у меня в кулаке была искорка Пэскэнэ. Ты не видела её в моей руке?» ...«Видела, видела, – отвечает мать. – Она теперь в сердце отца живёт. Отец поправляется, он завтра начнёт рассказывать свой первый нимнакан[2]».

Вначале я упомянул о четырёх сюжетах, которые, по мнению Борхеса, составляют основу литературы. Какой же из этих сюжетов лежит в основе повести Кэптукэ? Наверное, сразу два – о возвращении и о поиске. О возвращении, потому что эта книга – это путь к детству, к себе, и более широко – к истокам своей культуры. О поиске (сюжет, который, кстати, Борхес считал вариантом сюжета о возвращении), потому что это поиск идентичности, самого себя и, может быть, основ бытия. Борхес считал, что в современной литературе поиск заканчивается поражением героя. По той причине, что «мы так бедны отвагой и верой, что видим в счастливом конце лишь грубо сфабрикованное потворство массовым вкусам». Но поиск Кэптукэ заканчивается счастливым концом.

Иван ГОБЗЕВ,
кандидат философских наук, автор романа «Зона правды»

[1]Нимнакалан – сказитель
[2]Нимнакан – сказка

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Лоскутное одеяло

Юлия ХАЗАНКОВИЧ – одна из самых авторитетных специалистов в России по эвенкийской литературе. Она – доктор наук, автор более десяти монографий и учебных пособий, преподаёт в Якутском университете и, помимо всего прочего, изучает также православные мотивы в литературах народов Севера.

– Юлия Геннадиевна, разделяете ли вы мнение о том, что в нынешней ситуации, когда многие этнические группы эвенков продолжают жить разбросанно – от Енисея и Байкала до Приамурья и Сахалина, не всегда даже понимая язык друг друга, именно литература может стать для этого народа связующим и, более того, консолидирующим звеном?

– Я разделяю мнение о том, что литература может стать связующим звеном для всех эвенков России. Сейчас активно идёт процесс самоидентификации представителей «малых» этносов, но велика проблема социокультурной разобщённости эвенков. На текущий момент не хватает даже элементарного общения и знания друг о друге – и его нехватка компенсируется Интернетом. Так, по инициативе Александра Варламова «ВКонтакте» создана группа и сейчас в ней почти одна тысяча эвенков из всех регионов России. В любом случае – эта одна из форм объединения людей. Но не забуду радости эвенков Якутии, узнавших на республиканском Дне эвенкийской литературы в 1998 году о забайкальском эвенке, первом русскоязычном романисте и драматурге Гамаллиле Гантимурове, возвращение творчества которого отодвинуло официальные рамки зарождения эвенкийской литературы на несколько десятилетий. Отрадно, что именно в Якутске прошли торжества в 2004 году по поводу столетия выхода его романа, инициированные писательницами – эвенкийкой из Синска Варварой Даниловой и амурской эвенкийкой из древнего рода Бута Галиной Кэптукэ. И это культурное событие свидетельствует, что литература тоже может являться связующим элементом разрозненных территориально эвенкийских родов и групп.

– Каковы особенности современной эвенкийской литературы?

– Об особенностях эвенкийской литературы начала 1990 – 2000-х годов я высказывалась в своей небольшой книге «Эвенкийская литература». Сегодня, как мне кажется, литературного процесса не наблюдается – эвенкийская литература похожа на лоскутное одеяло, причём не совсем качественное. Продолжают работать прозаики Галина Кэптукэ, с характерными для неё автобиографическими повествованиями (1-я часть повести «Мой папа Санта-Клаус»), Александр Латкин с социально-психологическими рассказами и повестями («Аса», «Эпкачан» и др.), поэты – русскоязычная Варвара Данилова и сахаязычный Николай Калитин. Варвара Данилова, профессиональный литератор и выпускница Высших литературных курсов, «маринист и баталист», издала в последние годы книги «Рыжий мир» и «Райский ад». Туда вошли не только поэтические опыты, отразившие её поиск Бога и искры божьей в окружающем мире и самой себе, но и литературные эссе и публицистика. Сейчас она готовит новую книгу стихов (из суеверия воздержусь от озвучивания её заглавия!).

К сожалению, ярких имён за последние годы не появилось. И следует констатировать, что сегодня смены поколений не случилось, как то было в 1960–70-х годах, второй половине 1980-х. Быть может, ещё не пришло время пассионариев в литературе? Литература буквально теплится – кто-то изредка печатается, пропадает, а потом вновь появляется... Литературная общественность и специалисты затрудняются назвать имена авторов, которые могли бы считаться хотя бы хорошими беллетристами... Увы, нет. И их обнаружению, к сожалению, даже не способствуют региональные семинары молодых писателей (в том числе и выездные), проводимые под кураторством северных писателей – эвенка Андрея Кривошапкина, юкагира Николая Курилова, эвенков Варвары Даниловой и Николая Калитина.

Подвижническую работу в поисках и публикации новых авторов-эвенков проводят редакция газеты «Илкэн» (редактор Андрей Исаков) и литературный альманах «Хальархад» (редактор Варвара Данилова) Ассоциации коренных малочисленных народов Севера Якутии. Так, дебютировал с сахаязычными стихотворениями Андрей Апросимов (сын покойного эвенкийского писателя Дмитрия Апросимова), русскоязычный Александр Варламов, Дмитрий Кронгауз, представивший свои рассказы на русском языке («Старая брошь»), равно как и двуязычная Людмила Геван. На эвенкийском языке создаёт свои стихи жительница п. Иенгры Октябрина Наумова. Носители эвенкийской культуры отмечают напевность её поэзии, указывая на «возрождение древней песенной традиции» эвенков. К сожалению, её тексты до сих пор не увидели свет.

Говоря о тенденциях, отмечу, что в поэзии новые авторы тяготеют к песенности. В пример приведу этнопевицу Синильгу (с её эвенкийскими текстами работала выдающаяся эвенкийская фольклористка Анна Мыреева).

Другая тенденция – увлечение некоторых эвенкийских авторов автобиографическими этюдами. И здесь я бы в первую очередь упомянула Людмилу Попову-Буркааньа. Она с Жиганского улуса, пишет по-эвенкийски, у земляков получил признание её цикл рассказов «Дети кочевых эвенков».

Стоит отметить литературный талант журналиста Василия Константинова, уроженца Аяно-Майского района, у которого в 2001 году вышла книга эвенкийских новелл «Земля вечной любви». Сочетание художественного и публицистического – отличительная черта его новелл.

Качественная мемуарная проза представлена книгой «Оленьими тропами – к месторождению алмазов», автором которой является уроженец Оленёкского улуса, а ныне доктор медицинских наук, хирург-пульмонолог Винокуров Иннокентий из Якутска. Сегодня именно эти авторы определяют лицо эвенкийской литературы, а вот останутся ли они в её истории– покажет время...

– На каких языках и диалектах сегодня создаётся эвенкийская литература?

– Языком творчества довольно большого количества эвенкийских писателей является всё-таки русский язык, часть пишет на якутском языке. Очень немногие на эвенкийском языке, при этом используют зейский диалект (Г. Кэптукэ), иенгринский диалект (О. Наумова).

– Есть ли перспективы у эвенкийской литературы?

– Старшие коллеги довольно скептичны в этом вопросе, но я работаю со студентами, в том числе и северного отделения. В последние два-три года появились очень интересные ребята – пытливый ум, неравнодушные, умеющие думать и размышлять. И у меня появилась надежда на преодоление тенденции «безголосия», мне кажется, надо, как говорит Александр Латкин – эвенкийский охотник, надо затаиться, подождать, и «зов крови» сделает своё дело – прорвёт, сейчас, вероятно, копится эта энергия, и обязательно случится её выброс.

Беседу вёл **Вячеслав КАЛМЫКОВ**

ПЯТИКНИЖИЕ

ПРОЗА

Юрий Вяземский. **Бедный попугай, или Юность Пилата. Трудный вторник:** Роман-свасория. – М.: Астрель, 2012. – 410 с. – 5000 экз.

Свасория – это вымышленная речь высокого духовного напряжения. Свасорию вкладывают в уста тем, чьи мысли и чувства могли бы захватить воображение слушателей и лишь за давностью лет и по несчастливому стечению обстоятельств не дошли до потомков. Таков в мастерской стилизации Юрия Вяземского не названный, но прозрачно подразумеваемый великий древнеримский поэт Публий Овидий Назон. Античная литература умела быть содержательно эротической, оставаясь формально благопристойной. Этим провокационным искрящимся свойством сполна наделён ироничный роман Вяземского. Неспешная поступь описательной прозы, обилие вставных новелл мало имеют общего с захватывающими сюжетами. Читатель не встретит здесь исторических головоломок и тайн роковых. Зато, возможно, почует порыв ветра из другого мира – грешного, яркого, напоённого поэзией Вечного города и сонных провинциальных окраин его разношёрстной империи.

КРАЕВЕДЕНИЕ

Е.Н. Ашихмина. **В этом странном городе… В 3-х книгах.** Кн. I. Орёл, в котором рос Лесков. Кн. 2. Ранние годы. Гимназия. Кн. 3. На службе. Родом из Орла: герои и сюжеты. – Орёл: Издательский дом «Орлик», Орёл: Издательство А.В. Воробьёва, 2012. Т. 1 – 80, Т. 2 – 130, Т. 3 – 122 с. – 1000 экз.

Литературное краеведение – одна из самых интенсивно развивающихся областей современной филологической науки. Интерес к региональной литературе связан прежде всего с тем, что в обществе возникли потребность в осознании национальной идентичности и необходимость формирования национальной идеи. В книге краеведа кандидата филологических наук Е.Н. Ашихминой в популярной форме рассказывается о городе Орле середины XIX века, о детских и юношеских годах Н.С. Лескова, проведённых в Орле. Книга содержит разнообразные сведения о хозяйственной, образовательной и культурной жизни города, о происшествиях в Орле, о быте и досуге горожан, многие из которых стали прототипами персонажей Лескова. Книга ознакомит читателя с семьёй и окружением писателя ранних лет его жизни; она поможет войти в культурно-бытовую среду, в которой вырос классик русской литературы. В основу текстового материала положены документы Государственного архива Орловской области, большинство из которых представлены впервые.

ИСТОРИЯ

С. Экштут. **Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи Великих реформ до Серебряного века (Живая история. Повседневная жизнь человечества).** – М.: Молодая гвардия, 2012. – 428 с. – 3000 экз.

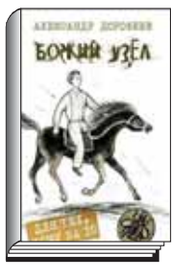
Книга о быте русской интеллигенции получилась неожиданно актуальной. Семён Экштут, доктор философских наук, социолог, историк, автор многих книг, представляет на суд читателей своё исследование от эпохи Великих реформ 1860-х годов до начала Серебряного века. Это время слома векового уклада русской жизни и активизации революционно-демократического движения, сексуальной революции и отпадения от Церкви, борьбы сословных «предрассудков» и «передовых» идей, промышленного переворота и бурного роста капитализма. Все эти темы автор рассматривает на примерах литературы, искусства, философских доктрин, социологических исследований, мемуарной литературы, исторических трудов, личных переписок. Многие авторские суждения полемичны и провоцируют на споры. Так, к интеллигенции он причисляет и дворянство, и офицерство, и промышленно-торговые круги, и «новых людей», объединяя их понятием «образованное общество», пересматривает и отношение к традиционному толкованию феномена русской интеллигенции.

АНТРОПОЛОГИЯ

О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв. / Под ред. Е.Б. Смилянской. – М.: Индрик, 2012. – 472 с. – 800 экз.

В коллективной монографии на материалах полевых и архивных записей исследуются проблемы биографического повествования как специфического речевого жанра, а также анализируются устные интерпретации текстов вероучения и правил жизнеустроения. В книге четыре раздела, содержащих анализ и публикации текстов устных повествований, а также автобиографических документов второй половины XX – нач. XXI в., собранных авторами в Тверской, Вологодской, Томской, Брянской, Кировской областях, в Пермском крае, Республике Коми и Удмуртской Республике. В книге также изучаются мировоззренческие и жизнестроительные функции фольклорного репертуара в его взаимосвязи с меняющейся социальной реальностью, рукописной и книжной традицией. Духовная культура русского сельского населения рассматривается в её динамике на протяжении 1970–2010 гг. с учётом многообразия традиций русской культуры и фольклора, а также иных этнических общностей (карельских и коми).

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА



Александр Дорофеев. **Божий узел.** – М.: ЖУК, 2013. (Серия: Для тех, кому за 10). – 232 с. Тираж не указан.

В этой серии писатели рассказывают смешные и грустные истории, в которые они попадали, и делают это так живо и увлекательно, что истории эти можно рекомендовать как хороший перевод с взрослого на детский для всех ребят, которым любопытны не столько выдумки, сколько настоящая, реальная жизнь. Александр Дорофеев – писатель, художник и путешественник. Десять лет он прожил в Мексике. Общий тираж книг Дорофеева перевалил за миллион экземпляров. По сюжетам его рассказов и сказок снимались передачи «Спокойной ночи, малыши!» Кроме того, он автор книг о Шишкине, Кустодиеве и Врубеле. Рассказы Дорофеева похожи на истории об открытиях новых миров, только миры эти находятся не на других планетах, а совсем рядом: в жизни собственного дедушки и родной тёти, в своей семье. Дорофеев – мастер рассказывать такие истории: слова его нарядны и красочны, фразы напоминают гирлянды, словно писатель не просто сказки сказывает, а вместе с вами ёлку наряжает.

КНИЖНЫЙ РЯД

Сталин в аквацентре

Козлов Ю.В. **sВОбоДА:** Роман. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013. – 304 с. – 2000 экз.

Многие современные романы – лёгкая вода. Читаешь, сокращая объём быстрым перелистыванием страниц, и чувствуешь: ничего не упустил, всё важное постиг. Иначе устроена «sВОбоДА» Ю. Козлова – мутное, загадочное озеро, в котором рыбы-герои плавают тёмными маршрутами, хотя и всегда готовы произнести слово о природе власти, о состоянии нашего общества и его перспективах. Врач-психиатр Егоров, бизнесвумен Аврелия, Шеф и его помощник Вергильев теряются на фоне коллективного героя – безликой российской элиты, которая хочет денег и боится лишь Сталина и смерти.

Целостный мир «sВОбоДЫ» держится на двух сценах, воплощающих мотив успешной охоты. Сначала Вергильев вспоминает о посещении канадской снежной пустыни, где Шеф в сопровождении егеря Славы идёт по следу белого медведя. Волевой, заряженный на победу Шеф объясняет, что этот зверь-паразит уже оставил потомство и теперь, поигрывая сохраняющейся силой, живёт в своё удовольствие, отгоняет от медведиц молодых, неокрепших самцов. Охота за полярным кругом успешно завершена. Медведь убит, посмертно кастрирован, гениталии – в пакете, как положено.

Вторая сцена – в финале. Снова Шеф, он – вице-премьер, и Слава – теперь Святослав Игоревич, один из влиятельных организаторов московской «Республики воды». Под землёй проложена подземная трубопроводная система, сделавшая возможной повсеместную установку мобильных туалетов и прекрасных бассейнов. На открытие приехал Президент. Начался страшный ливень, будто небесная вода рухнула вниз, порождая неконтролируемое движение толпы. Президент укрылся со свитой в подземном аквадворце. И всё было бы сносно, да вот священник Драконий бросил копьё, пробил пульт и привёл в действие механизмы «водяного дыма». Итог, как подсказывает автор, иррационален и логичен одновременно: все сошедшие вниз исчезли навсегда, растворились в дыму; президентом объявлен Шеф, вновь поохотившийся результативно.

Голоса, звучащие в романе, образуют хор, исполняющий масштабные композиции на историософские и политологические темы. Сейчас Россией правят люди, которые хотят только денег. Они знают, что единственная гарантия сохранения собственности – нескончаемое пребывание во власти. Воры недостойны свалившегося на них богатства. Обворованные, увы, достойны своей участи. Многое определяют «люди без мнения»: они не до конца осуждают преступления Сталина и не вполне уверены в его величии. Это не значит, что всё останется как есть. Сталин, которого один из персонажей называет единственным модернизатором в России ушедшего столетия, зреет как атмосферное явление, грозящее уплотниться до местного апокалипсиса. Чем громче «музыка денег» и навязчивее «наркотик власти», тем очевиднее вода перемен. Скоро Господь отнимет страну у нечестивых сынов, смердящих жаждой обогащения, смоет их новым потопом.

Оптимизм? Нет, конечно. На первый план в романе выходит дикая сексуальная энергия. Сообщается, что русская история, воплощая низовую женскую мудрость, может переспать с Керенским или Горбачёвым, но замуж выходит только за сильных – за Ленина или Сталина. Так как кругом видны признаки импотенции, революции не избежать.

Ю. Козлов указывает на неизбежную двойственность, угрюмую бессолнечность грядущих правителей. Шеф, которому суждено стать президентом, собрал пыль и грязь всех дорог, ведущих к вершине. Святослав Игоревич – память о древнерусском князе, победившем хазар и оставшемся жестоким язычником. Тангейзер, о котором часто говорят в «sВОбоДЕ», связан не только с цветущей сексуальной силой, но и с образом оправдания экзотического грешника. Ясно, что Сталин, о котором автор помнит с первой до последней страницы, не лишний в этом ряду.

Есть в позитивной катастрофе, воссоздаваемой в романе, рациональное начало: Шеф пишет стратегическую статью, предлагающую ограничить размеры банковского счёта, ввести свободное от коррупции «электронное правосудие» и заставить потенциальных политиков жизнью платить за провал их идеологических проектов. Но дионисийского в «sВОбоДЕ» значительно больше. Неслучайно смена власти происходит под музыку вагнеровского «Тангейзера» в контексте группового совокупления, устроенного молодыми россиянами на Пушкинской площади.

Из дионисийского мира приходит козловский Сталин, в аквацентре отправивший правителей в смерть. Его образ благословляет смену режима и обещает нескучную суровость, способную произвести на свет новый мир. Никакой свободы здесь не видно. В романе совсем нет тех, кто был бы её достоин. Есть *вода* денег, власти и возможной войны. Сталин, судя по современной русской словесности, может стать одним из главных мифов ближайшего будущего.

Алексей ТАТАРИНОВ

«Ищу своих по духу»

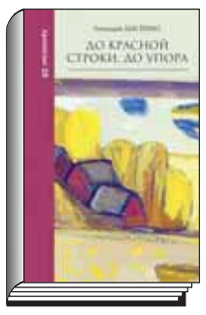
Первые два сборника Геннадия Лысенко – «Проталина» (Владивосток, 1975) и «Листок подорожника» (М.: Современник, 1976) я, как это ни странно, купил в середине 80-х в букинистическом отделе одного из книжных магазинов Белгорода. Книги сохранились. На последних страницах обложек прежние цены перечёркнуты, стоят новые – 18 и 20 копеек соответственно. Третью книгу поэта «Счастье наизнанку» мне прислал Александр Колесов, главный редактор издательства «Рубеж», в котором она вышла в 2010 году. И вот ещё одна книга поэта, ушедшего из жизни по собственной воле 31 августа 1978 года. Если бы не то роковое решение, в минувшем сентябре мы бы могли отметить 70-й день его рождения.

Истинной поэзии присущи два качества: с годами она, как драгоценный металл, становится ещё дороже и, как доброе вино, крепче. Сегодня, перечитывая стихи Геннадия Лысенко, понимаешь, что лучшие из них как раз обладают этими качествами: они, как говорится, пережили время и приходят к нынешнему читателю так, словно написаны в наши дни.

Ищу своих по духу,
ищу своих средь живших и живых,
чтоб поделить корявую краюху,
а в ней – и хлеб, и лебеда, и жмых.
Она на вкус немного горьковата,
она не всем сегодня по зубам,
и в том судьба отчасти виновата,
но больше всё же виноват я сам…

В этих строках, в общем-то, вся судьба, жизненная и поэтическая, Геннадия Лысенко и даже, зная сегодня её завершение, предсказание трагического будущего.

...Мы познакомились в июне 1974 года, в Иркутске, где проходило совещание-семинар молодых литераторов Сибири и Дальнего Востока. Наша амурская делегация (тогда я жил в Благовещенске) поселилась в одном гостиничном номере с частью приморской делегации, в частности, с прозаиком из города Артём Александром Плетнёвым. Он-то и привёл в один из вечеров в наш номер на вид несколько нескладного и застенчивого парня, сказал, что тот тоже из рабочих (Плетнёв был шахтёром), что во Владивостоке и Москве у Геннадия готовятся к выходу сборники, что совещание рекомендовало принять его в Союз писателей и что этот радостный повод стоит отметить.



Геннадий Лысенко. **До красной строки, до упора:** Книга избранных стихотворений. – Владивосток: Изд-во «Рубеж», 2012. – 234 с. – (Серия «Архипелаг ДВ»). – 2000 экз.

После того как призыв Плетнёва был осуществлён, Геннадий Лысенко словно раскрылся, разговорился, стал читать стихи. Тогда мне запомнились такие строки о Владивостоке:

И у меня есть город,
весною, рано-рано,
распахнутый, как ворот,
на горле океана.

Как видим, в далёком 1974 году у Геннадия Лысенко всё было хорошо, всё шло, как надо, слом, вероятно, произошёл несколько позже, когда он, казалось бы, уже достиг многого, но в судьбе внешнее не всегда соответствует внутреннему состоянию души, особенно если это душа поэта.

Книгу «До красной строки, до упора» составил и сопроводил обстоятельной и умной статьёй владивостокский критик Александр Лобычев. Он, в частности, пишет: «В общем, сказать, что поэт остался и при жизни, и после смерти без издательского и читательского внимания, конечно, нельзя. Как и нельзя утверждать, что этот крупнейший поэт Тихоокеанской России в полной мере открыт и узнан читателями современной страны».

Что ж, будем надеяться и верить, что новое издание стихотворений Геннадия Лысенко привлечёт к его творчеству современных читателей, тех, чьи сердца открыты для настоящей поэзии. А мы, те, кто знал его, любил и любит его стихи, перечитаем их ещё раз.

Валерий ЧЕРКЕСОВ

ЛИТПРОЗЕКТОР

С дыриной в боку

Екатерина Великая наказывала провинившихся придворных чтением поэмы Тредиаковского «Тилемахида» (знаменитое «Чудище обло, озорно, стозевно и лаяй» – оттуда). В этом отношении исторический роман Георгия Давыдова «Крысолов» позволяет нам в полной мере ощутить себя царедворцами галантной эпохи.

Листая многослойный текст, действие которого развивается примерно с 1884 по 1984 год, испытываешь чувство некоторого недоумения, навроде того, когда в начале нулевых, поддавшись хвалебным отзывам, берёшь остромодный иронический детектив Дарьи Донцовой, читаешь и всё вот ждёшь: когда же в конце концов будет по-настоящему иронично?

Есть в звучании «Крысолова» что-то чрезвычайно знакомое, где-то ранее слышанное. Оцените: «Она не смотрит из фонаря вниз – ей не хочется видеть, как пыхтит и прыгает через куртины, наддавая назад руками, жирный Булен, ей не хочется видеть – не дай бог, не дай – как зелёный в прыщах, изловчившись, прёт сквозь крапиву (не жжёт?), не хочется – как Илья – тоже, скажите на милость, соревнователь – прискоком к умильной радости взрослых, желтеющих на подставленных солнцу плетёных креслах, итак, прискоком, поднимая песчаные дождинки, летит к крыльцу (пусть упадёт на второй – которая шатается – ступени), но ей хочется, хочется видеть, как великан Плукс в два шага бьёт побегунчиков».

Нет же, позвольте, произведения Набокова «Подвиг» и «Дар» мы проходили ещё на втором курсе лесомеханического техникума! Из того, пожалуй, могла бы выйти остроумная пародия на изобретателя нимфетки, если бы не звериная серьёзность российского интеллектуала, с какой «Крысолов» воспроизводит приёмы Владимира Сирина (Марселя Пруста, Саши Соколова) и прочих постмодернистов. Переусложнённый синтаксис, вычурная гладкопись, нелинейное повествование, когда в одном протяжённом абзаце внутренний диалог соединяет разделённые четвертью века события... За – без иронии – виртуозным пером Давыдова интересно следить первые 15–20 страниц, но одолевать десяток написанных в таком ключе авторских листов – то же самое, что на завтрак-ужин есть только устрицы «Фин де Клер»: вроде и наслаждение, но к концу дня всё же хочется борща.

Хотя что мы всё о языке – ведь не только бедность или богатство стиля делают произведение хорошим (плохим). В твоей душе найдут отклик и неуклюжая мощь Державина, и грубоватый говор казаков Шолохова, и глагольные рифмы Блока. Значит, помимо филигранности формы, для настоящей литературы нужно и что-то ещё?

Нам предлагается история жизни образцового русского интеллигента Фёдора фон Буленбейцера, а также нескольких друзей его юности на фоне исторических катастроф XX века. Утраченный рай дачного детства на Каменном острове; ужасы первых революционных лет; напряжённая духовная жизнь среди нищедушной эмиграции; любовный треугольник с вершинами в Париже–Праге–Ленинграде; литературные опыты героев: стихи (приведены в тексте), очерки с критикой Чарльза Дарвина (приведены в тексте); экспедиция одного из персонажей на Памир в июне 1917-го... Но договорились же: ни слова о Владимире Н.!

«Академик Павлов, скромно расковыривавший дырочку в подбородке у собак»; «Урицкий с дыриной в боку»; «интуиция засвистела, как верный сигнал будильника»; «любили до выпученных глаз», – интересно, как бы оценил всё это сам русско-американский писатель, обогативший английский язык словом «poshlost»?

Шероховатости стиля – отнюдь не основная претензия к роману, для которого, пожалуй, более подошло бы название не «Крысолов», а «Крысобой» (буквальный перевод фамилии героя). Итак, маленький Федя Буленбейцер ненавидит крыс. Убивает их всеми доступными способами (подробное, смакующее описание). Став мужчиной, живёт в эмигрантском Париже. Дворянин строгих правил: запрещает жене «появляться на каннском пляже с нагим животом». По жизни занимается тренировкой боевиков для дальнейшей переброски в Россию с целью подрывной деятельности. Орудия убийства коммунистической нечисти – бомбы, ампулы с ядом и даже заражённые венерическими болезнями проститутки. (То, что от такого букета могут пострадать не только крысы-комиссары, но и невинные люди, почему-то никого не волнует.) Сама ненависть к коммунизму – законченная, убеждённая, зоологическая. Полное ощущение, будто роман создан чуть ли не одновременно с «Окаянными днями», а впервые напечатан лет 25 назад, во времена тотального перестроечного «срыва покровов». Весьма сложно понять, как вообще в 2012 году писатель в здравом уме и на полном серьёзе может посвятить несколько пропитанных злобой страниц тому пусть и бесспорному факту, что вес мозга Ленина меньше среднепопуляционного показателя.

И всё бы ничего: в конце концов Давыдов и Буленбейцер имеют полное право не только ненавидеть Советскую Россию, но и постоянно, с наслаждением переименовывать её по тексту в «Крысию» (а также Москву – в «Крыскву», Ленинград – в «Крысоград», а никак не питающего симпатий к большевизму Ивана Бунина – в «видите ли, русского писателя Вано Бунивяна»). Имеют право и отпускать опусы вроде этакого: «Из одной норы выскочил укушенный больной блохой пасюк Ульянов. Теперь его крысятки выставили трупик на всеобщее поклонение, а кличку налепили на русские города так, как грызуны обгаживают комнаты чёрными рисинками испражнений». Ну не любит товарищ советскую власть, так Господь бы с ним; наша литература благополучно забывала и не такие «шедевры».

Но вообразим невозможное: роман Давыдова найдёт и прочитает до конца современный молодой человек. Какой вывод сделает паренёк, знакомый с историей XX века в лучшем случае по американской компьютерной игре «Call of duty» и не умеющий отличать правду факта от правды вымысла? Что антисоветская оппозиция в своём омерзении превосходила большевиков? Что Россия – это «Крысия»? А если моральные уроды вроде Буленбейцера не только существовали, но и действительно, как описывает автор, готовили и посылали из-за границы десятки террористов для диверсий в СССР – значит, сталинские чистки оправданы?

Каков же итог? Автор великолепно знает исторические реалии, однако не помнит о демократах-перестроечниках, которые, подобно ему, прекраснодушно боролись с коммунистической диктатурой, а чуть не убили – Россию. Блестяще владеет литературной формой, но не создал ни одного абзаца, чтобы можно было сказать: вот индивидуальный стиль Георгия Давыдова, а не кого-то ещё.

Я мог бы сравнить автора с молодым художником, который, набивая руку, талантливо копирует «Джоконду», и перед его будущими творениями два равно вероятных пути: либо сбывать картины в подземном переходе на Крымском Валу, либо, сотней метров севернее, составить компанию лучшим образцам современной живописи в Новой Третьяковке.

Но дальнейшая судьба романа «Крысолов» очевидна: высокобюджетная экранизация за бюджетные деньги, показ в прайм-тайме центрального телевидения, снисходительное одобрение высоколобых интеллектуалов западных фестивалей: у теперешних кинобарышников такие сюжетцы, уж извините за выражение, в тренде.

Эдвард ЧЕСНОКОВ

Георгий Давыдов. **Крысолов**: Роман. Журнал «Знамя», № 1–2 (2012).

А МУЗЫКА ЗВУЧИТ

Паутина

О роли и судьбах «негров» в современном российском искусстве – музыкальном, и не только.

Размышления эти начались прямо на одном из концертов, проходившем в конце ноября прошлого года в Большом зале Московской консерватории. Основное действо называлось «Семь песен о Боге» и представляло собой ораторию для солистов, хора и оркестра. Состав участников впечатлял – Российский национальный оркестр Плетнёва, тройной состав хора, куда вошли Патриарший хор храма Христа Спасителя, Московский Синодальный хор и монашеский хор «Филафонитэ», специально прибывший с Афона, Наира Асатрян и Станислав Мостовой в качестве солистов. И вся эта исполнительская рать призвана была, дабы украсить песни Бориса Гребенщикова, которые переложил для вышеупомянутого состава московский композитор Андрей Микита. Причём переложил, скажем прямо, вполне талантливо и профессионально: по крайней мере увертюра и все интерлюдии между песнями звучали убедительно и абсолютно симфонично – пожалуй, это были лучшие места в оратории. Что же касается самих песен, то об этом разговор особый. Во-первых – тексты. Не стихи, а именно тексты, во многих из которых просто выпирает этакое подростковое самодовольство от сознания собственной эрудиции, которой автор приглашает полюбоваться: а вот – смотрите, а я знаю, кто такой Престер Джон, а вот я упомянул Озиманда. А в заключение – удивительный по своей глубине вывод: Бог есть Свет, и в нём нет никакой тьмы. Музыка – под стать текстам, примитивные даже не мотивы – попевки, тысячекратно слышанные ещё со времён «Битлз». И если первые двадцать минут мощь и глубина симфонического звучания вкупе с хором как-то скрашивали эти качества творений БГ, то постепенно красота отходила на второй план, оставляя на сцене откровенную попсовость и пошлятину, которая чувствовалась особенно остро на фоне, казалось бы, серьёзных затрагиваемых тем – взаимоотношений человека и Бога. И не спасали ни дополнительные контрапункты, ни вокальные старания солистов, ни сдержанность афонских монахов – со сцены продолжала звучать пошлая попса. Вот тогда и подумалось: а ради чего? Нет, никто не против Гребенщикова и ему подобных, но не здесь. Для этого есть специальные места – клубы, арт-кафе, рок-подвалы, где всё звучит вполне органично. Но ради чего собраны такие гигантские исполнительские силы, арендован один из престижнейших залов мира, привлечено множество журналистов? Ведь результат получился, мягко говоря, не очень убедительным – добрая половина слушателей расходилась в недоумении: что это было (судя по случайно услышанным репликам и обмену мнениями с рядом знакомых и коллег)? Не лучше ли было представить в том же составе музыку того же Андрея Микиты – композитора, судя по оркестровке, талантливого и профессионального? А тогда бы на концерт не пошла публика, ответил Микита.

Андрей Микита

И здесь мы упираемся в проблему, которая давно уже набила оскомину, – как бы ни был талантлив и обучен человек, в сегодняшней России без привлечения медийных, узнаваемых лиц невозможно достучаться до массового зрителя. И не важно, что высокое искусство всегда было уделом немногих, – всё равно человек творческий хочет признания как можно более широкой аудитории, лишь единицы способны нести свой крест в одиночку или с небольшой группой единомышленников. Это в XIX веке спонсоры были аристократами не только духа – поэтому и остались в веках их имена рядом с именами Чайковского, Вагнера или Бетховена. А сейчас? Отрыжка 90-х, когда достаточно большие деньги попадали в руки людей, не слишком обременённых культурой и воспитанием, сделала своё дело – вкусы этого рода публики стали навязываться всей стране. Поэтому нечего удивляться тому, что мы имеем сейчас. Трудно себе представить, что баронесса фон Мекк согласилась бы спонсировать, допустим, Стаса Михайлова, а граф Разумовский (которому Бетховен посвятил ряд своих крупных сочинений) – Бориса Моисеева или Жанну Фриске. Более того, меценаты прошлого ничего не требовали за свои деньги – только творите, господа. А нынешние за свою копейку три шкуры спустят. Главный критерий для них – не талант, который они не в состоянии оценить, а известность, «раскрученность» – видеть рядом с собой популярную личность, которая ублажает меня, любимого? – абсолютная психология быдла! Вот и приходится продюсерам приглашать в театральную антрепризу фигуристов из «Ледникового периода» для игры на сцене, превращая постановку в китч, мучительный и для актёров, которым приходится закрывать собой некомпетентность спортсменов, и для зрителей. Зато под такое имя сразу дадут деньги. То же самое – в большинстве телепроектов, сериалов и даже радиопрограмм. И ладно бы медийная «обезьяна» (ничего оскорбительного – просто такой термин, идущий от Средневековья, когда на диковинное животное собиралась поглазеть вся округа) действительно была спецом экстра-класса, уровня, допустим, Марии Каллас или Майкла Джексона – таких и обслужить-то за честь. Но применительно к российским звёздам ни у кого из «негров» нет никакого пиетета – все всё понимают. Иногда происходят чудеса и удача улыбается бойцам второго эшелона – их узнают и хотят уже самих по себе, без «обезьянего довеска» (как это, кстати, случилось с композитором Микитой – после премьеры в Москве ему уже как самостоятельному композитору заказали кантату), но это, скорее, исключение, подтверждающее правило. А вот как выстроить систему выявления и поддержки настоящих, талантливых профессионалов – тема отдельного, надеюсь, будущего разговора.

Юрий АЛЯБОВ

ПРЕМЬЕРА

На грани добра и зла

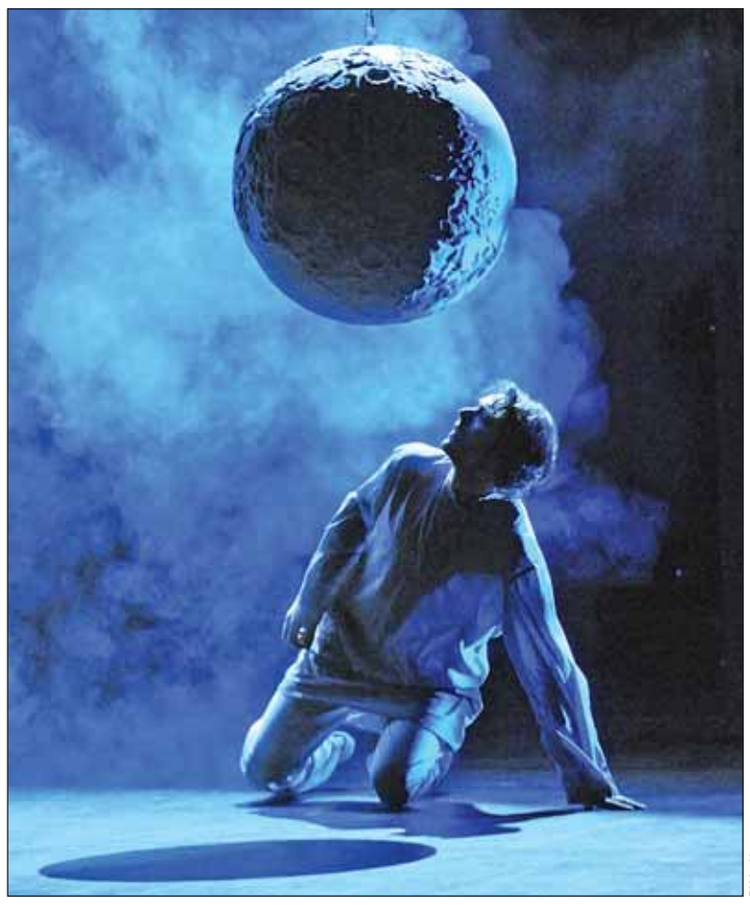
Спектакль «Р.Р.Р.» по роману Фёдора Достоевского «Преступление и наказание» в Театре им. Моссовета

Доминанта единой сценографической конструкции – петербургские мосты с фонарями. По ним идёт движение персонажей, с них спускаются на тротуары, заходят во дворы, дома, квартиры и комнаты. Жизнь многофигурного романа на сцене Театра им. Моссовета рассредоточена по нескольким местам действия, но и вместе с тем участники драмы, даже не знакомые друг с другом, так или иначе тесно связаны между собой. До поры не подозревая о том. Удивительная механика – взаимозависимость людская через страдание, через маленькую радость, через преступление и через избавление от тяжкого морального груза за него. Здесь наибольшая удача спектакля Юрия Ерёмина. Здесь им воспроизведены коллективный характер русской драмы, всеобщее обращение и распределение поровну тяжкого греха и его прощения. Сопричастность маленького человека бытийным вопросам, в кризисный момент – его порыв на площадь с малыми детьми, чтобы распахнуться на людях, умереть там от переполняющего душу страдания, как это делает Катерина Ивановна. Или выйти на перекрёсток, стать на колени перед людьми, поцеловать землю и сказать – я убил, как предлагает бедная Соня студенту Раскольникову.

И, конечно, через него, этого высокого молодого человека, всё окружение втянуто во взаимосвязь причин и следствий. Даже не через него как такового, а идею, зародившуюся в его миловидной голове. Мы впервые в театре Достоевского видим, как идея визуализирована в сценографии самого Ерёмина. На разных плоскостях, служащих в нужное время экраном, наносится бегущий шрифт старинной пишущей машинки, с буквой «ять». Буквы строчат, складываются в слова, те в предложения, и они уже – в Идею разрешённого убийства. Вот она, первая материализация мысли героя о том, что убивать можно, коли цель высока. Зерно романа этим приёмом схвачено настолько зримо и одновременно просто, что воспринимаешь бегущий текст не только инновационным шагом режиссёра (он любит технику на сцене, вспомним его ростовский «Аэропорт», являвшийся для своего времени, 1980-х, театром невозможного). Формальный приём здесь откликается новизной содержательной.

Как в театре показать рождение мысли, не облечённой в звучащее слово, только вынашиваемой, да ещё такой – вызревание убийственного плана? Как опредметить внутренние дискуссии, обоснования и оправдания рокового шага? Обычно через слово, физическое действие, настроение, атмосферу, музыку и т.д. Процесс, захватывающе интересный у Достоевского, держащий в напряжении и читающего и смотрящего уже больше века, не ослабевает, скорее, нарастает год от года. И сцена продолжает искать вариации объёмной темы.

Постановка членится на две части – преступление и наказание. Подход режиссёра почти декларативен, в какой-то степени рационалистичен, но позволяет течь в нужном направлении нашему внутреннему следствию. Первое действие настолько динамично и плотно «застроено», что реальные люди, подчинённые заданному ритму и движению, в нём несколько теряются, не успевают что-то о себе поведать. Чаще наоборот: текст автора, произносимый старательно, с надеждой на полноту раскрытия, в конце концов текстом и остаётся, погребает под собой живое развитие спектакля. В «Р.Р.Р.» же стремишься заглянуть в лицо людям, особенно этому молодому человеку, зашифрованному в трёх буквах – Родиону Романовичу Раскольникову. Но люди и он до поры уклоняются, стремительно уходят от общения в свои мизансцены, почти растворяются в постоянно движущемся пространстве. Тут первый и, возможно, главный изъян спектакля. Он в какой-то степени компенсируется к финалу, в разделе «наказание», там персонажи получат более протяжённые эпизоды для прямого общения и самораскрытия. Детективный сюжет как бы притормозит бег – самое страшное совершилось, два удара топора, оставленного дворником, обрушились на головы жертв, и орудие убийства вернулось на место, вонзилось в бревно... И начнётся следствие по делу, в которое мы втянуты.



РИА «Новости»

Алексей Трофимов в роли Родиона Раскольникова

И тогда мы присмотримся к герою – его играет Алексей Трофимов (сын Александра Трофимова, тоже Раскольникова из знаменитого в своё время «Преступления и наказания» Юрия Любимова в Театре на Таганке). Его обаяние спорит с его кровавым поступком, почти невероятным; его трогательное незнание жизни и быстрый слом более достоверны и указуют на раннюю, ещё никак не сформированную позицию и характер идейного, так сказать, борца со злом и современного мыслителя. Порфирию Петровичу не составляет особого труда «расколоть» этот псевдоним «Р.Р.Р.». Следователя представляет Виктор Сухоруков и делает это исключительно на концентрации игрового, нередко юмористического. Он делает это мастерски, очень технично, неожиданно. Но радости это не прибавляет, ибо такой Порфирий оказывается не столько разумным началом интеллектуальной драмы, сколько его игровым, почти трюковым началом. Как же так? Если не Порфирий, то кто не подвигнет, спровоцирует сознательное раскаяние Раскольникова? Вы скажете, каждый в меру – Соня, Дуня, мать, Катерина Ивановна, Митя Разумихин, эпизодический красильщик, ближе всех бывший к месту преступления. Но Соня прежде всех. В романе – да, она несчастная, мученица, принявшая страдания не за одну себя, но и за окружающих, читающая Евангелие и черпающая из него нравственную силу. В спектакле – нет. Здесь мы сталкиваемся с недобором внутреннего состояния (у актрисы Анастасии Прониной), с недомасштабом, о котором в иные времена на этой сцене речи бы не шло. Порфирий Сухорукова почти шутя проходит через спектакль и оставляет, таким образом, его протагониста и других фигурами не исключительными. А весь случай не вопиющим, но вполне уголовным. И только. Для романа под названием «Преступление и наказание» и для наших ожиданий от новой версии его чтения этого мало. Этот роман просто так не проговаривают.

Может быть, здесь сказалась новизна подходов – не грузить морализаторством, не впадать в пафос осуждения, доверить зрителям вести собственное душевное расследование, не расставляя более резких акцентов, на гранях добра и зла и пр. Известные инсценировки предлагали довольно схожий порядок диалогов и сцен. Ерёмин сбивает ожидания, берёт из текста Достоевского много того, что ранее на сцену не выводилось, скорее, опускалось как боковое, не значащее, периферийное. Нет чтения Евангелия и долгих разговоров Раскольникова с Соней; нет скандала с Лужиным на поминках по Мармеладову, когда его подлая сущность становится особенно ясна; нет диалогов с самим Мармеладовым, нет их несчастных детей, нет ни Амалии Карловны, ни Лебезятникова. И т.д.

Обновление восприятия текста и его образов, безусловно, заметно и оценено нами. «Старая ведьма Алёна Ивановна» вовсе не старая ещё, наоборот молодящаяся, кокетливая стерва в чернобурке и с бокалом шартреза, соединяет в себе трезвый ростовщический расчёт и порядок в делах с кокетством и, возможно, тайным пороком (Юлия Чирко). Хорошо, что всё бóльшее значение приобретает в последнее время Дмитрий Разумихин (на сцене и на экране); хотя, опять-таки в исполнении Андрея Смирнова, он просто милый, с характерными чёрточками молодой человек, а не «абсолютно прекрасный человек», которого искал писатель и который бы мог при ином, более пристальном чтении составить ещё одну нравственную альтернативу «Р.Р.Р.» Относительно нов Свидригайлов – в игре Александра Яцко преобладают зов плоти, его тяга к Дуне (Анна Михайловская), которую он, как ему кажется, когда-то «взволновал». И он недвусмысленно повторяет попытку. Больше он не хочет ничего. Он намеренно деидеологизирован, ему не приписано инфернальных черт русского чёрта и особых душевных бездн. Катерину Ивановну играет Нина Дробышева – и чем-то ушедшим, далёким веет от её голоса, какое-то эхо в её интонациях, когда она перебирает в памяти былые победы на балах, перед губернаторами и генералами, благородными дамами и кавалерами. Но сейчас этого прошлого даже некому рассказать, стоя на мосту в предсмертном безумии.

Одинокая и надрывная беспомощность героини Достоевского по контрасту ещё более обостряет общую проблему новой работы театра им. Моссовета – отсутствие объёма, который бы сам собой наполнил режиссёрскую конструкцию, одухотворил движение механизма единым и острым эмоциональным переживанием трагедии.

Итак, «стань на перекрёстке, поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету...», эта знаменитая искупительная фраза, кажется, не произносится Соней. Но вместо неё герой берёт на руки девушку как маленькое дитя и идёт сквозь металлическую вязь решёток. А они крутятся на запущенном театральном круге, меняются их ракурсы, свет. Вослед ему, или навстречу, или попутно – как бы изо всех петербургских щелей являются живые и мёртвые герои романа. И те, кого он убил; и те, кого не убил, но их другие убили; или они убили себя сами; или убили свою душу... Словом, «все жизни, все жизни», разбросанные по пространству романа-спектакля, вышли провожать юношу, уже не анонима «Р.Р.Р.», а бедного Родю на его крестный путь. Ерёмин обходится без креста, и даже без его узнаваемого образа. Он уводит героя с Соней на руках в туманную театральную даль – клубится дым по полу, сверху спускается некий белый шар, раскачивающийся, как маятник. И вся история, начавшаяся документально, смещается из реального переживания в абстракцию. Несколько картинно, даже назидательно, зато понятно. Мировое зло разрастается из души одного. Мировое добро – также. Вот в чём на этот раз лирический апофеоз «Преступления и наказания», оказавшийся близким нам.

Александр КОЛЕСНИКОВ

ФЕСТИВАЛЬ

Кто поедет в Суздаль?

При поддержке Министерства культуры РФ в Суздале с 27 февраля по 4 марта пройдёт XVIII Открытый фестиваль анимационного кино. За всю историю своего существования он зарекомендовал себя настолько профессионально, что в Суздаль специально за «русскими мультфильмами» приезжают отборщики ведущих международных кинофестивалей. Ежегодно смотр собирает на своей площадке более 400 режиссёров, художников, сценаристов, звукорежиссёров из 20 студий страны. Как зеркало, он отражает все изменения в отрасли отечественной анимации, которые проявляются в его программе. Да и разновозрастные зрители съезжаются со всей страны, штурмуя билетные кассы...

Впервые на фестивале будут работать три состава жюри: авторской анимации (короткометражные фильмы), коммерческой анимации (полный метр, сериалы и образцы прикладной анимации, ролики, клипы) и питчинга (отбор сценариев на проекты).

За прошлый год появилось полнометражных фильмов больше, чем когда-либо раньше, что позволило организовать для них собственный конкурс. *«Пусть в мировых масштабах не гигантская цифра – всего пять картин, но это, безусловно, явление для отрасли»*, – считает директор фестиваля Александр Герасимов.

Фестиваль охватит почти 100 городов и посёлков России! Показы пройдут в Московской, Белгородской, Самарской, Оренбургской, Курской, Нижегородской, Магаданской, Свердловской, Калужской областях. География «Большого фестиваля» включит в себя Ямало-Ненецкий автономный округ и Республику Адыгея, Красноярский и Ставропольский края. На многих площадках Ханты-Мансийского автономного округа – в таких городах, как Югорск, Ханты-Мансийск, Сургут, Когалым и других населённых пунктах. Традиционные показы – во Владимирской области в городах: Владимир, Юрьев-Польский, Судогда, Гусь-Хрустальный, Александров, Муром, Гороховец, посёлках Мелехово и Садовый дети и взрослые согреются в первые весенние дни теплом суздальских мультфильмов.

7 апреля, к дню рождения российской анимации, во многих регионах начнётся «эхо» Суздаля – эта совместная акция кинопоказов будет проводиться Ассоциацией анимационного кино и дирекцией Открытого российского фестиваля анимационного кино.

Арина АБРОСИМОВА

ЭПИТАФИЯ

Не стало нашего ангела-хранителя

На 95-м году жизни скончалась народная артистка РСФСР Ирина Масленникова.

Ирина Ивановна Масленникова родилась 3 июня 1918 года в Киеве, с отличием окончила Киевскую консерваторию.

В 1943 году она дебютировала на сцене Большого театра (филиал) в партии Джильды в опере «Риголетто». Затем были Снегурочка, Антонида в «Иване Сусанине», Людмила в «Руслане и Людмиле», Марфа в «Царской невесте», Виолетта в «Травиате», Мими в «Богеме» и многие другие работы на главной сцене страны. Её чарующее лирико-колоратурное сопрано, обладающее необыкновенно красивым серебристым тембром, способное передавать тончайшие нюансы чувств, покорило не одно поколение зрителей. Те, кому посчастливилось видеть эту удивительную артистку – такую очаровательную, артистичную, – на сцене, навсегда сохранили в памяти её разнохарактерных героинь. Практически каждый образ, созданный Ириной Ивановной в Большом, становился эталонным и пополнял «золотой фонд» классики мировой оперной сцены.

Завершив сценическую карьеру в 1960 году, Ирина Ивановна посвятила себя преподавательской деятельности: сначала в ГИТИСе, затем в Московской консерватории, а позднее в Центре оперного пения Галины Вишневской и Камерном музыкальном театре. Почти за сорок лет работы Ирина Ивановна стала одним из самых уважаемых и авторитетных профессоров консерватории и создала свою вокальную школу, сочетающую лучшие русские и европейские традиции. Её ученицы выступают на лучших сценах России и мира, продолжая дело своего великого педагога и поддерживая славные традиции русской оперной школы.

После разрыва с первым мужем, блистательным солистом Большого театра Сергеем Яковлевичем Лемешевым, Ирина Ивановна более чем на полвека связала свою судьбу с великим оперным режиссёром Борисом Александровичем Покровским. Она стала для него верным спутником жизни, другом, коллегой, единомышленником. Она помогала Борису Александровичу в главном деле его жизни – «строить» Камерный музыкальный театр. Для него Ирина Ивановна создала русские либретто целого ряда опер, в том числе «Семь смертных грехов» К. Вайля, «Давайте создадим оперу» Б. Бриттена, «Пимпиноне» Й. Гайдна, «Севильский цирюльник» Дж. Паизиелло и другие, написала либретто оперы В. Тарнопольского. «Ох, эти русские...». Ирина Ивановна была музой режиссёра, ангелом-хранителем его театра и домашнего очага.

И вот теперь её не стало...

Коллектив Камерного музыкального театра им. Б.А. Покровского.

E-mail рубрики – gam@lgz.ru

На иск нарываетесь?

Кому мешает правовая грамотность

ДЕРЖАТЬ И НЕ ПУЩАТЬ

Странно, но написать о массовой правовой безграмотности на основе судейской практики оказалось не так просто. Пресс-секретарь Омского областного суда отказала мне во встрече с его председателем Владимиром Ярковым, между прочим – ещё и руководителем регионального отделения Ассоциации юристов России, довольно резко:

– Нелепая тема. Кто придумал?

– Дмитрий Медведев, – бодро отрапортовала я. – Ныне председатель правительства, а в недавнем прошлом президент России. Будучи президентом, он предложил реформировать систему юридической помощи – расширить права граждан в сфере получения бесплатных юридических консультаций от государственных и негосударственных организаций. Этим, кстати говоря, должна заниматься та самая Ассоциация юристов России, руководителем отделения которой является Владимир Ярков.

– Не знаю об этом. Никто – ни Ярков, ни наши рядовые судьи – говорить об этом не будут... Это обидит граждан, обвинённых в правовой безграмотности... И вообще – зачем тогда мы, правоохранители, нужны, если все станут юридически грамотными?

...Когда-то с этим пресс-секретарём я работала в одной острой омской газете, и тогда она нисколько не боялась обидеть граждан – за дело, конечно. Но если даже глава правительства непрестанно говорит о необходимости изживать правовую безграмотность населения, то почему работница суда, обязанная помогать этому процессу и крепить контакты с прессой, поступает прямо наоборот?.. Я попыталась было объяснить бывшей коллеге: когда человек знает, на что он имеет право, что обязан делать и за что будет наказан, жить в современном динамичном мире ему значительно легче.

Пресс-секретарь не поверила:

– Не знаю, не знаю. Не уверена. И не собираюсь рисковать своим местом.

Удивительное у неё оказалось представление о функциональности «своего места». Неужели начальство очертило её обязанности словами – «держать и не пущать»?!. Хотя с другой стороны – мало ли, какие у них, пресс-секретарей, понятия о том, что такое хорошо и что такое плохо, могут же и они заблуждаться...

И я отступилась от этой твердыни нашего омского правосудия. И обратилась к профессору, доктору юридических наук, заведующему кафедрой государственного и муниципального права университета, практикующему адвокату с вопросом, как нужно поднимать правовую грамотность живущих в глубинке россиян. Александр Николаевич сгоряча назначил мне встречу, но подумал и на следующий день перезвонил со словами: «Не хочу обижать свой народ». Отказался! Потом ещё трое солидных адвокатов дружно, хотя и в разное время, отказались общаться со мной, мотивировав тем же – *любовью к народу*.

Сговорились, что ли? Хотя, конечно, скажешь, а оно, население, осерчает и впредь к адвокату не пойдёт. Да и незнаек любить проще, они повышают твою самооценку. И – манипулировать ими легче.

Но мировых судей для беседы я всё же нашла. Две молодые женщины, истово относящиеся к своему делу, согласились поделиться своими соображениями с журналистом, видимо, не охваченные ещё негласной инструкцией – «Никаких ни с кем бесед!» На вопросы отвечали честно и весело. Скандал грянул, когда я отправила им готовый текст на визу. Они показали интервью своему начальству, а то начальство – своему. По ступенькам! И вдруг выяснилось, что судьи вообще не имели права гласно размышлять о правовой непросвещённости.

Почему? Я же не выпытывала у них подробности ещё не законченных дел! Не интересовалась закулисной жизнью суда! Хотела лишь узнать, с какими проблемами приходит к ним народ. Оказалось – нельзя! Такая вот у судейского сообщества особенность... Дамы-судьи, неосторожно давшие мне интервью, плакали в трубку, умоляя не публиковать их речи, (кстати, зафиксированные диктофоном), не называть имён, а их начальница, когда я ей позвонила, спросила меня строго:

– Вы что, на иск нарываетесь?

– Какой иск? – не поняла я. – Я же ничего не нарушаю. А гласность судопроизводства, кажется, ещё никто не отменял.

– Хоть какой-нибудь иск да организуем! – пригрозила начальница.

ПОКА ВОЮЮТ СОСЕДИ

Здание мирового суда на окраине Омска возвышается над убогими домиками района, издавна считавшегося неблагополучным. Живут на участках судей Натальи Буевой и Виктории Тусуги (назовём их здесь – по их просьбе – условными именами) в основном работяги с железной дороги или оттуда же давным-давно сокращённые. А потому основная масса дел – семейные распри с драками и битьём оставшейся посуды.

Антон МЕНЬШОВ

Как когда-то в партком, жёны бегут в суд, будучи уверенными, что погрозит судья пальцем – и супруг исправится. Мысль развестись, уйти от семейных дрязг в головы большинства жалобщиц не приходит. Во-первых, им всё ещё кажется, что кто-то всемогущий за них всё решит и расставит по местам. А во-вторых (и это главное!), мало кто из обиженных истиц, жалующихся на мужей, знает, что у них самих и их детей есть права! Вот пример: 40-летний мужчина, живущий на содержании жены-разнорабочей, издевается над общим 10-летним сынишкой – не даёт еды, выгоняет на улицу, называет ублюдком. Мать всё скрывала, пока ситуация не обнажилась в мировом суде, – истица была уверена, что если развестись с мужем, то он их просто выставит из своего дома голыми и босыми. Хотя по закону (о котором она не ведала) и сын, и она имеют право и на жилплощадь и на алименты.

– На каждом канале телевидения кто-то кого-то судит, – говорит мне Виктория Тусуга. – Только это ведь шоу, и правовые нормы там не соблюдаются, хотя вроде бы передачи направлены на воспитание правовой грамотности зрителей. Более того – такое ощущение, что передачи эти делаются для того, чтобы люди поверили – судья мановением руки может решить их судьбу. Будто от самих участников судебных процессов ничего не зависит...

Вот ещё пример: старичок-дачник решил потребовать у соседа половину оплаты за установку забора, который воздвиг в незапамятные времена. Никаких чеков, документов, конечно, не сохранилось, да и сосед-то у старичка новый, причём, как говорили в перестроечные годы, новый русский.

– А с прежней-то соседки что было взять, такая же, как и я, старая! – разоткровенничался в суде расчётливый старичок. – А этот денежный, пусть раскошеливается.

Неоправданная уверенность истцов в своей непросвещённой правоте иногда просто поражает. Мировые судьи Буева и Тусуга объяснили мне: эта уверенность берёт своё начало в юридических консультациях, отнюдь не всегда квалифицированных, которых развелось великое множество. Адвокаты убеждают клиентов «побороться», хотя видят, что надежд на победу никаких. Зато получают свой гонорар плюс оплату за судодень – 800 рублей. А нерасторопным властям, погрязшим в нерешённых проблемах, гораздо удобнее, когда люди требуют соблюдения своих прав не от государства, а друг от друга.

– Нужны бесплатные государственные юридические консультации, – считает Наталья Буева. – Ну хотя бы в газетах какие-то рубрики были, разъясняющие права и обязанности граждан. Мы перелопачиваем груды каких-то бессмысленных бумаг – я за полгода рассмотрела 742 гражданских, 31 уголовное и 245 административных дел. Но ведь почти все они спровоцированы незнанием законов!..

Бесплатные юридические консультации есть – в администрациях округов. Потому что так положено – президент же ещё в 2007 году заговорил об их создании. Кому они служат и почему существуют тихо, себя не афишируя? Я зашла в Кировскую городскую администрацию. Очереди к юристам не наблюдалось, но консультации мне не дали. Один вопрос всё же осветили – с жаром стали объяснять: дабы получить бесплатную услугу, требуется справка об уровне дохода ниже прожиточного... Их бы чиновничий пыл – да в нужное русло!.. Нищие, как свидетельствуют мировые судьи, редко отстаивают свои права – им бы выжить. Или выпить. Что для них одно и то же.

Есть, впрочем, в городе две студенческие юридические консультации, в которых принимают всех. И отвечают на вопросы бесплатно. Там справок о низком уровне жизни не требуют. В среднем в месяц студенты дают более 300 консультаций! Это к тому же отличная практика для будущих юристов.

ЗАБЫТЫЕ СТАРИКИ

– Если горожане и жители райцентров, по крайней мере, обращаются в суды, то чем дальше вглубь области, тем больше не только правовой безграмотности, но и порождаемого ею правового беспредела, – уверен юрист Дмитрий Щекотов из Муромцевского района.

Этот район считается в области аномальным – тут находятся озёра с лечебной якобы водой и село Окунёво, которое адепты разных конфессий почитают за центр веры на Земле. Но Дмитрий Щекотов – явление ещё более аномальное. Юрист на пенсии, правозащитник, депутат сельсовета, в округ которого входят самые заброшенные деревни – Надежинка, Курганка, Карбыза. Нет в них ни магазинов, ни почты, ни медицинских пунктов, ни уличного освещения. Вода из колонок, которую пьют местные жители, по данным Роспотребнадзора, годится только для технических нужд. Живёт тут в большинстве своём старичьё, инвалиды, нуждающиеся в социальной помощи, которую им никто не оказывает. До Надежинки и дороги-то нет, потому даже «скорая» сюда не ездит, а двое пациентов в прошлом году, пролечившись в районной больнице, так и не дошли до дому – умерли по пути. Дров им не заготавливают, как полагается инвалидам, – сами покупают на скудную пенсию.

– Инвалиды и престарелые граждане в Муромцевском районе преждевременно погибают из-за отсутствия ухода за ними социальной службой. Они мрут не только из-за плохого жилья, но и потому, что пьют десятилетиями не пригодную для питья воду, а большую часть года ходят из-за непролазной грязи в резиновой обуви, заболевают ревматизмом, растягивают сухожилия, ломают ноги и рёбра. За 2011 год трое стариков-инвалидов сгорели в своих лачугах, пытаясь согреться. Но равнодушная к нуждам стариков система правоохранительных органов и судейства Муромцевского района не стала искать виноватых. Я предлагаю сельчанам – давайте подавать в суд на власть. Ведь нарушаются ваши конституционные права! Они пугаются: как же можно, а вдруг хуже будет. Хотя губернатору, как царю-батюшке, по старинке пишут. Правда, ответов не получают.

В 2010 году девяностолетняя участница Великой Отечественной войны Вера Конищева предпочла вместо суда суицид, когда местные власти отказали ей в нормальном жилье, обещанном всем фронтовикам. Теперь Щекотов поставил перед собой задачу – обойти в районе всех ветеранов войны, живущих в неблагоустроенных домах, и подать от их имени заявления в прокуратуру. На его избирательном участке таких семеро. Но заброшенных сёл со старичьём в Омской области больше тысячи. Никто не знает, сколько здесь неучтённых ветеранов войны.

– В отношении этих людей, – говорит Дмитрий Щекотов, – нарушается федеральный закон. Люди, которым под 90, пройти бюрократическую волокиту не в состоянии. Все документы на получение жилья обязано им оформлять социальное ведомство, а оно старательно про них забывает.

Так и бьётся Щекотов в одиночку. И – без особого успеха. Социального работника даже ему, слабо видящему, не предоставили, несмотря на решение суда. Начальству как-то спокойнее, когда он из дому выйти не может. Таких юристов, которые искренне и безвозмездно пекутся о народе, в Омской области – раз, два и обчёлся. Они, видите ли, властям жить мешают. Но кто-то же должен защитить тех, про кого власти забыли?

Наталья ЯКОВЛЕВА,
ОМСК

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТЕМЫ:

«Диссертации – липовые, миллионы – подлинные», «ЛГ», № 5

А за корочками – в переход

Больше года назад я защитил кандидатскую диссертацию. Ликованию моему не было предела. Ликовал бы и дальше, но необходимо было в кратчайший срок оформить документы и сдать на утверждение в Высшую аттестационную комиссию – ВАК.

Пока я писал диссертацию, за мной ревностно следил мой дед – кандидат наук. Уж очень ему хотелось, чтобы внучок остепенился. Давал советы и даже помогал вычитывать текст, несмотря на то что он учёный совершенно других наук.

– В ВАКе документы лежат месяца три-четыре, но бывает и полгода, – авторитетно заявил он. – Но кандидатом ты считаешься с момента защиты.

Слова деда утешали, но хотелось иметь на руках документ. Время шло, а утверждение моего научного труда всё не созревало в стенах загадочного ВАКа. В голову лезли тревожные мысли. Наконец, через полгода я увидел свою фамилию в итоговом протоколе. Ликовал почти так же, как после защиты.

И опять потянулось бесконечное время. На мои просьбы выдать диплом меня вежливо просили подождать. Дед стал на меня косо посматривать, подозревая, что работу мне завернули, а я не хочу его расстраивать.

Минуло ещё полгода, и наконец мне сказали, что всё готово и я могу приходить! Стремглав помчался за вожделенным дипломом. Но в коридоре было не протолкнуться. Больше сотни человек томились в ожидании заветной бумаги. А выдают её два дня в неделю и всего по три часа. В следующий день выдачи я приехал заранее. Новоиспечённые кандидаты составляли список очередников. Я оказался семьдесят девятым.

Вспомнил, как дед рассказывал, что в голодные годы, в очереди за хлебом, номера ставили на руке химическим карандашом. Здесь был интеллигентный белый листок. Одним из последних в этот день я был допущен в заветную комнату. Добрая женщина протянула мне тоненький розовый листочек. Я недоумённо вперил в него взор. Видя моё смятение, она с понимающей улыбкой добавила:

– А обложечку купите в фойе подземного перехода, там огромный выбор! Четыреста рублей – не большие деньги.

Где у подземного перехода фойе, я не представлял, но прозвучало красиво.

Дома дед долго и с недоверием рассматривал тоненькую бумажку. Затем нашёл свой кандидатский диплом и, взяв лупу, тщательно сличил.

– Похожа на настоящую. Не расстраивайся, корочки я тебе свои подарю.

Вечером мы с дедом смотрели программу новостей, и вдруг в одном из сюжетов показали арест председателя ВАКа Феликса Имирасланович Шамхалова.

– Вот твои корочки кандидата, – ткнул пальцем в экран дед.

В кадре россыпью лежали удостоверения кандидатов и докторов наук на любой вкус. Но арестовали Шамхалова, как я понял, за то, что он взял кредит на жилую застройку в Одинцовском районе и эти деньги вывел в офшоры. И только вторым пунктом шло обвинение в том, что он поставил производство «липовых» диссертаций на поток. Теперь мне стало понятно, почему тем, кто свои работы писал сам, кто выстрадал учёную степень, корочек не хватило. Они не вписались в рыночную структуру ВАКа.

Ночью мне приснился сон. В Георгиевском зале Кремля проходит награждение. Президент в торжественной обстановке вручает удостоверения и, доверительно склоняясь к герою, шепчет на ухо:

– А орденок себе на вернисаже в Измайлове прикупите. Там на любой вкус и в соответствии с вашим доходом подберёте.

Иван ЕРЁМЕНКО,
кандидат философских наук

«Антиплагиатом» по плагиату

После ареста Шамхалова и скандала с присвоением учёных степеней, о котором писала и «ЛГ», Высшую аттестационную комиссию возглавил Владимир Филиппов, занимавший некогда пост министра образования.

Новый председатель ВАК планирует сократить число диссертационных советов в два раза. Он сразу же заявил, что особого внимания требует работа советов по гуманитарным наукам, и прежде всего по экономическим, юридическим, педагогическим, – здесь плагиат множится и процветает. Состав совета по истории в Московском педуниверситете Филиппов уже заменил полностью, 10 кандидатов и докторов наук лишил степеней.

В соответствии с энциклопедической трактовкой термин «плагиат» (от лат. plagio – похищаю) означает умышленное присвоение авторства на чужое произведение литературы, науки, искусства, изобретение или рационализаторское предложение (полностью или частично). Предусматривается и уголовная, и гражданская ответственность за нарушение авторских и изобретательских прав. Но...

Признак «умышленное» в соответствии со статьёй 25 Уголовного кодекса РФ означает, что лицо, совершающее преступление, осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления (прямой умысел) или не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично (косвенный умысел). Без этого признака речь о плагиате вести нельзя!!!

И второе. С введением электронной системы «Антиплагиат» к плагиату стали приравниваться любые цитаты, которые можно отыскать в сети Интернет, – даже в том случае, если при использовании стоит ссылка на первоисточник. Таким образом, научные дискуссии, в которых происходит анализ существующих точек зрения, а также обзоры литературы и учёт позиций специалистов-классиков становятся попросту бессмысленными...

Да, чиновники на сегодняшний день утверждают, что каждый случай плагиата будет рассматриваться индивидуально. Но не окажется ли «степень объективизма» в прямой зависимости от способности соискателя «договориться» с представителями соответствующих ведомств? Вопрос в очередной раз упирается в благодатнейшую почву правового нигилизма и коррупции как одной из самых распространённых форм его проявления...

Остаётся только гадать, куда приплывёт российская наука, в особенности её социально-гуманитарный сектор.

Александр ЗРЯЧКИН,
кандидат юридических наук,
САРАТОВ

КНИЖНЫЙ РЯД

Кавалерийский блицкриг

Среди зноя и пыли
Мы с Будённым ходили
На рысях на большие дела.
По курганам горбатым,
По речным перекатам
Наша громкая слава прошла.
Алексей Сурков
«Конармейская песня»,
1935 год

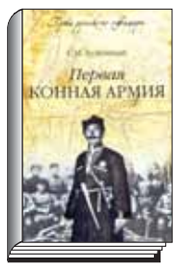
Автор книги – один из виднейших героев советского времени, легенда Гражданской войны, создатель и командир знаменитой Первой конной армии (1919–1921 гг.), сыгравшей значительную роль в боях с войсками Махно, Шкуро, Мамонтова, Пржевальского и Деникина, а в дальнейшем и в войне с поляками. Воспоминания Семёна Будённого вышли в свет впервые в издательстве «Воениздат» в 1958 г. под названием «Пройденный путь». Впоследствии появилось ещё два тома (1978, 1980 гг.).

В нынешнем издании автором подробно рассказывается о своей жизни до революции, об участии в Первой мировой войне. Он полностью излагает ход событий на Дону с осени 1917 года до окончательного разгрома армии Деникина весной 1920 г.

Кавалерийские эскадроны и полки Будённого нападали стремительно и внезапно, всегда искали боя и неизменно обращали в бегство более многочисленного противника. Одним из первых Семён Михайлович стал добиваться создания кавалерийских соединений, которые могли бы самостоятельно решать оперативные и стратегические задачи, и такое соединение – первое во всемирной военной истории – было создано: Первая конная армия. В невероятно трудных условиях она осуществила ряд классических наступательных операций.

В январе 1920 года в составе Кавказского фронта она участвовала в разгроме белогвардейских войск на Северном Кавказе. Совершив в апреле-мае 1000-километровый переход на Юго-Западный фронт, включилась в борьбу с польскими войсками.

Поражает стремительный карьерный рост Будённого. В начале апреля 1919 года он становится командиром дивизии, 26 апреля – командиром конного корпуса. Но тут всё обстоит несколько сложнее, чем обычно бывает с назначениями. Свои части Будённый создавал с нуля! Сформировал дивизию – стал командовать дивизией. Сформировал бригаду – возглавил бригаду. Возможно, именно этим объясняется исключительная сплочённость будённовцев.



С.М. Будённый.
Первая конная армия. – М.: Вече, 2012. – 448 с.: ил. – (Путь русского офицера). – 2000 экз.

Книга интересна особенно сейчас, когда события советского времени и в том числе Гражданской войны стали объектом массированной фальсификации в откровенно антисоветском духе.

Николай ЛЕБЕДЕВ

ЛИТЕРАТУРА В ЯЩИКЕ

«Рассказывал на кухне политические анекдоты»

Повесть об одном коммунисте

В центре фильма «Последнее дело майора Пронина» («Россия», режиссёр Андрей Михеев, закадровый текст читает Сергей Чонишвили) любопытная, полузабытая страница истории советской литературы: популярный герой книг, издававшихся огромными тиражами, а потом и анекдотов – бесстрашный, проницательный чекист майор Пронин, и его создатель – прозаик Лев Овалов. У него головокружительная биография, основные вехи которой воссозданы в фильме: выходец из дворянской семьи Лев Шаповалов (его настоящая фамилия) в 1920 году пятнадцатилетним мальчишкой возглавил комсомольскую ячейку, вступил в партию. Затем учился на медицинском факультете МГУ, одновременно много печатался. В 30-е он – известный писатель, пользующийся уважением именитых коллег, удостоенный похвалы Горького, главный редактор журнала «Вокруг света», житель дома в Лаврушинском переулке, где обитает литературная элита.

В 1939-м выходит (с санкции В.М. Молотова!) рассказ «Синие мечи», где впервые появляется майор Пронин, затем другие вещи с этим героем. И сразу – оглушительный успех, апофеозом которого стал творческий вечер Овалова в Доме культуры МГУ на Моховой 22 июня 1941 года... Это кульминация телерассказа, поскольку через две недели резкая перемена участи: арест. Виновным себя в «разглашении методов работы советской контрразведки» Лев Сергеевич на допросах не признал. Обвинили его в том, что он «рассказывал на кухне политические анекдоты». В фильме также обозначена версия о доносе ревнивой жены писателя: Овалов был известный дамский угодник. 15 лет лагерей и ссылки ему удалось пережить во многом благодаря медицинскому образованию – в местах не столь отдалённых он работал начальником медсанчасти...

После возвращения с новой семьёй в Москву и реабилитации в 50-е годы Овалов много пишет и печатается, занимает ответственные должности, хотя порой не всё идёт гладко. Скажем, его «Повесть об одном коммунисте», где автор пытался честно проанализировать опыт своего поколения, была «удостоена» разгромного Постановления ЦК КПСС. Кстати, когда многие вдруг «прозрели» и пересмотрели свои прошлые политические взгляды, Лев Сергеевич до своей кончины в 1997 году оставался верен идеалам юности.

Публикация романа «Медная пуговица» в «Огоньке» в 1958 году ознаменовала триумфальное возвращение майора Пронина и его автора в литературу – читатели с нетерпением ждали выхода свежего номера журнала, в библиотеках выстраивались очереди...

Понятно, что литература эта – массовая, развлекательная, коммерческая. О бытовании этого феномена в советское время и в наши дни немало говорится в фильме. Издатель Арсений Замостьянов, поименованный почему-то Александром (стоит отметить неряшливость в титрах этого фильма, снятого два года назад), уже в новом веке подготовивший «пронинское пятикнижие» к изданию в Ad Marginem, обратил внимание на сходные черты в поведении нашего супермена и британского агента 007; Дмитрий Быков уточнил: Пронин – это Джеймс Бонд минус сексуальная составляющая, а художник Андрей Бильжо рассказал анекдот, где действуют оба персонажа. Прозвучала мысль, что майор Октябрьский, герой «Шпионского романа» Бориса Акунина, по которому снят недавний фильм «Шпион», – это майор Пронин сегодня. (Подробный анализ этой картины в рецензии А. Кондрашова «Шпион по приколу», «ЛГ», № 16, 2012). Но почему-то о самом майоре фильмов у нас так и не сняли – это действительно странно... Исследователь творчества Овалова Александр Полынкин поведал историю младшего брата Льва Сергеевича – Дмитрия, попавшего в начале Отечественной в плен, а в конце войны освобождённого союзниками. Через четверть века от него пришло письмо, началась переписка, но встретиться братьям было не суждено. Художник-мультипликатор Михаил Зайцев, автор современного мультфильма о легендарном майоре и внуке, продолжающем его дело, рассказал о том, что Лев Сергеевич благосклонно отнёсся к этой затее. С любопытными подробностями о характере и образе жизни писателя поделились его сыновья Скальд и Сергей, в частности, о постоянных многолюдных посиделках в гостеприимном доме писателя.

Между прочим, имя Скальд (древнескандинавский поэт-певец) Овалов дал старшему сыну потому, что преклонялся перед Кнутом Гамсуном. В романе «Медная пуговица» есть глава «Под сенью девушек в цвету», прямо отсылающая к эпопее Марселя Пруста, которого в те годы не очень-то жаловали... А ещё в фильме говорится о том, что в книгах о майоре Пронине заметны признаки стиля нуар и «советского гламура»: главный герой романа «Голубой ангел» носит зелёное пальто, пьёт армянский коньяк, действие разворачивается в шикарной гостинице, модной парикмахерской, престижном театре... Впрочем, во всём этом разберутся специалисты, возможно, более точно определится и место писателя в истории литературы, а мы благодарны авторам картины, рассказавшим о незаурядном, талантливом человеке, в чьей судьбе ярко отразилась эпоха.

Александр НЕВЕРОВ

ТЕЛЕПРЕМЬЕРА

Железное ничто

Политическое ток-шоу «Железные леди» рекламировали в эфире НТВ, в «Московском комсомольце» и где только можно. Особую пикантность придавало анонсам то, что потерявшая эфир Наталья Метлина вбросила в Интернет неполиткорректное название, намекающее на этническую принадлежность Тинатин Гивиевны Канделаки и Маргариты Симоновны Симоньян – «Кавказские овчарки». Ведущая «Метлы» предрекла: «Девочки, предупреждаю сразу, если каждый ваш эфир не будет заканчиваться дракой, то вас закроют». Обсуждение нового шоу в соцсетях получилось довольно бурным ещё до выхода в эфир – шутка сработала.

Телепремьера принесла полное разочарование. А ведь самоуверенные ведущие грозились взорвать эфир, ставили принципиальные условия перед гендиректором Кулистиковым: прямой эфир и полная свобода в выборе тем. Гостями «железных леди», обещали они, будут как представители политического истеблишмента, так и их оппоненты. Ждать удобных вопросов не стоит никому: прямой эфир, мол, диктует жёсткий полемический формат, так называемый hard talk. Первый скучный спецвыпуск был посвящён... тяжёлому челябинскому метеориту.

Повторили кадры, обошедшие все телеэкраны и переполнившие Всемирную паутину, вывели на связь губернатора Челябинской области, который сообщил под аплодисменты, что у него дома стёкла не выбило, нагнали очевидцев, которые не добавили ничего нового, и специалистов, которые повторили, что пока предотвратить подобные катастрофы – невозможно. Успокоили... Послали корреспондента в Челябинск, которая даже удивилась, что люди не угнетены, беспечно шутят. А чем можно напугать народ, переживший российские рыночные реформы, дефолт, кризис и болото стабильности? Девушка ликовала: «Люди восприняли это как подарок – на чём заработать? как привлечь туристов?» В общем, аморальный рынок в действии...

Третья представительница Кавказа Гаянэ Чичакян вещала из Вашингтона на фоне Белого дома: «В США растиражировали заявление Жириновского об американском космическом оружии. Причём ведь они его не знают, и газета «Вашингтон пост» на полном серьёзе писала: «Российский законодатель заявил...» А ещё задают вопрос: почему России смешно?» Потому (надо было трём дивам ответить), что людям, по седому историческому анекдоту, просто уже нечего терять!

А вот «железные леди», если они и дальше будут гнать такую скукотищу и цепляться по мелочам: «Так когда же вставят все окна и стёкла?», получая глубокий ответ: «Идёт осмечивание» – эфир наверняка потеряют. Лично я хотел переключить телевизор на пятой минуте, но посмотрел бездарный выпуск из любопытства: сумеют ли хоть что-то новое сказать леди, столь приближённые к власти, так быстро пробившиеся на телевизионный олимп и в бомонд? Вот, например, Симоньян недавно заявила, что вместе с членами своей семьи занимается строительством двухэтажного ресторана с местной кухней на дороге в Красную Поляну*. Согласитесь, это куда интереснее её дежурных вопросов. А как ведущие державно оделись: Симоньян в синем, Канделаки в красном, а потолок над ними – белый. Ну просто триколор получился!

И такой пшик – не овчарки, а пушистые болонки.

Александр БОБРОВ

* О патологической склонности знатных телевизионщиков к ресторанному бизнесу мы уже писали. А вот о том, как Маргарита Симоньян выполняет свои прямые служебные обязанности на посту главного редактора Russia today, как этот канал защищает интересы России и какой её образ он создаёт и продвигает в мире, мы напишем в одном из ближайших номеров.

ТЕЛЕФИЛОСОФИЯ

Зомби-реальность

Важным для Украины событием (не только телевизионным, но и политическим) стала демонстрация многосерийного документального проекта «1941», в основу которого положены «исторические концепции» Резуна-Суворова. В телестудии эксперты и политики бойко углубляли антисоветскую тему. А показывалось это всё на ТРК «Украина» – канале, принадлежащем Ринату Ахметову, одному из лидеров и спонсоров «Партии регионов».

2013. Украина. Ток-шоу «1941. Запрещённая правда»:

– Вы считаете, что Советский Союз был лучше, чем режим Гитлера?
– Радянський Союз хотив свитову революцию!
– Вы захыщаете людожерський режим!
– У меня два деда воевали!
– Так нам гордиться или стыдиться того, что мы воевали?

Макс Хоркхаймер и Теодор Адорно. «Диалектика Просвещения», 1944:

«Как только начинается фильм, сразу же становится ясно, каков будет его конец, и кто будет вознаграждён, наказан или забыт... От аудитории не ожидается никакого независимого мышления... Любая логическая стыковка, требующая умственного напряжения, тщательно избегается... Уничтожается контекст... Расчленяется идея... Уничтожается личность...»

В своей книге немецкие философы Хоркхаймер и Адорно описали бесчеловечность «индустрии культуры», которая уже после их смерти прирастёт префиксом теле. По сути, впрочем, индустрия эта от новой приставки мало изменится.

Пронизанный логикой рациональности, капитализм, в изложении авторов, становится не «невидимой рукой» успеха, как предвещал Адам Смит, а невидимой рукой человеческих страданий, как настаивал Карл Маркс. Но не потому, что капитализм эксплуатирует труд человека, а потому, что он эксплуатирует человеческую душу, превращая её в товар. Когда каждый человеческий выдох и вдох делается с расчётом на произведённый эффект, рано или поздно становится нечем дышать. Когда уничтожена культурная матрица, рождающая живых людей. Когда есть только «железная клетка рациональности», в которой нет места творчеству, а значит, и свободе. Когда наступает время большого, всеобъемлющего тоталитаризма: «Тирания оставляет в покое тело и атакует душу».

В широком философском смысле для Хоркхаймера и Адорно нет разницы между концлагерями Гитлера и индустрией культуры, уничтожающей человека. И то и другое вытекает из логики капитализма – уничтожить всё, что не поддаётся классификации, упрощению и маркетированию, необходимых для эффективного функционирования рынка. И то и другое – логическое продолжение философии Просвещения, провозгласившего освобождение человечества от мифологии, богов и в конечном счёте от самого человека. Но человек не может без богов. Они «встают из могил» и мстят потомкам. В сумерки погружается разум. Богами становятся «измы». Мёртвыми богами мёртвых людей.

О кризисе западной модели современности кричат манифестанты Сиэтла и Парижа, Берлина и Лондона. О нём спорят академики Принстона и Гарварда, Оксфорда и Мадрида. Спорят не в том смысле, есть ли кризис. Пытаются понять, живы ли люди, способные его остановить.

На фоне растущего осознания бесчеловечной сути капитализма примечательными выглядят изменения в оценке советского наследия. Вот цитата из Мануэла Кастеллса, профессора Анненбергской школы: «В последние годы мы привычно принижали заслуги советской экономики. Мы часто забывали о том, что в течение длительного времени, особенно в 1950-е и 1960-е годы, советский ВВП рос, в общем, быстрее, чем в остальном мире, хоть это и имело цену в человеческом и природном измерении».

А вот Джозеф Стиглиц, нобелевский лауреат: «Советская система, хоть она и не делала жизнь лёгкой, избегала экстримов бедности и сохраняла жизненные стандарты относительно равными, обеспечивая высокий общий уровень по качеству образования, жилищным условиям, здравоохранению и т.д.». Тот же сдвиг: от цены за модернизацию (обычный ракурс времён холодной войны) до успехов этой модернизации.

Дело не в холодной войне и не в её окончании, дело не в отношении Запада к исчезнувшему Союзу. Вопрос не в прошлом – он в будущем. И вопрос не в СССР, а в стремительно глобализирующемся западном «обществе кризиса». Каким ему быть? Миром, где по-прежнему царит капитал? Запад ищет, пытаясь доказать себе и вселенной, что в нём ещё теплится жизнь. Переосмысливая стереотипы, расширяя рамки восприятия, прислушиваясь к «другим» голосам.

В этом смысле «гибридность» советской модели представляет собой немалый интерес. Богу модернизации было принесено огромное количество человеческих жертв. Но СССР всё же сохранил матрицу человечности, не превратил культуру в товар. «Неформальный социализм», в котором жили советские люди – с дружбой, взаимовыручкой, любовью без брачных контрактов, – это по большому счёту и есть тот Союз, который мы помним, ценим и который до сих пор не хотим потерять.

Казалось бы, при чём здесь нелепое шоу «1941 год», с помпой представленное на ТРК «Украина»? При чём здесь мордатый националист в студии, надрывно и прогнозируемо стенающий по поводу «людожерського СРСР»? При чём здесь комичный ведущий этого «шоу», опереточно закручивающий нелепейшие трели типа «Так нам стыдиться того, что мы воевали, или гордиться этим?» При чём здесь сидящие в студии, которые радуются и аплодируют происходящему абсурду?

Шоу «1941» в исполнении ТРК «Украина» – это ярчайший образец зомби-реальности, описанной Хоркхаймером и Адорно. Всё то, чего НЕ БУДЕТ в студии, было известно ещё до включения софитов. Было понятно, что там не будет жизни: поиска истины, серьёзного разговора. Ответы и реакции определены здесь заранее. Действо это будет прекращено только по требованию Эфирного Божества, имя его – Рейтинг, природа его – Капитал.

Отсюда – обезьяньи выходки напоказ ведущего, поставленная безучастность закадрового чтеца, энергичная нарезка видеокартинок и прочая коммерческая требуха. Отсюда – отсутствие живых мыслей, желания искать и потребности по-человечески общаться. Отсюда – смех и радость публики там, где по любым человеческим канонам радости быть не может.

Смех в больном обществе – диагноз, писали Хоркхаймер и Адорно в 1944 году. Когда общество больно, то не над чем смеяться и нечему аплодировать. Это смех смерти. Глядя на происходящее в студии украинского канала, я думаю даже не о том, что авторы «Диалектики Просвещения» были, наверное, правы. Интересует другое: неужели все мы так беспробудно мертвы? И если всё-таки нет, то можем ли мы ради будущей жизни подняться над убогостью навязываемых нам дискуссий? Быть шире во взглядах, чем узколобые националисты? Умнее дешёвых комедиантов? Человечнее торгашей? Вопрос ведь не в них, ненавидящих СССР. Вопрос в нас, его защищающих. Потому что, защищая, мы часто уподобляемся им. Упрощая, отстаивая банальные «истины». Не слушая, не пытаясь понять. В этом – наша уступка им и демонстрация принадлежности к их мёртвому миру.

Советский Союз был большой страной: с большой идеей и не менее большими ошибками. Осмысление его наследия требует размаха – такого же, каким был он сам. Узости мысли – ни украинской, ни русской, ни какой другой – нет места в этом разговоре. Ни один из «измов» не даст ключа к пониманию того, что мы потеряли, и уж тем более к пониманию, что мы ещё можем найти. «Измы» – это наследие западной культуры. Её время проходит. Пора искать новые решения и новые пути. А если мы не в состоянии это сделать, то чем же мы отличаемся от убогих скоморохов, которых в очередной раз собрала на ярмарку хуторского тщеславия «Украина»? Которую от настоящей страны отличает главное – она всегда в кавычках.

Ольга ХАН

А ВЫ СМОТРЕЛИ?

televed@mail.ru

Трудности перевода

Не поленился, заглянул в сетку вещания Первого канала и посчитал: с полудня субботы и до конца суток фестивалю в Сан-Ремо оказалось посвящено более восьми часов (из двенадцати). Зрелище плавно перетекло в ночь с субботы на воскресенье – последовал более чем трёхчасовой эфир финального конкурса итальянской песни. А промоушен четырёхдневного конкурса начался ещё в понедельник (промороликами, сюжетами в новостях). Сан-Ремо рекламировали так, как будто Италия решила выйти из Евросоюза ради вступления в наш таможенный.

И не то чтобы я не любил итальянскую эстраду: Челентано, Джанни Моранди... Но когда и павлин Малахов, и свиристелушка Андреева подхватывают многоголосие пиара, невольно начнёшь раздражаться и задаваться вопросом «кому выгодно».

Мы уже привыкли, что канал Эрнста участвует в промоушене американского кинематографа (в программе «Время» может, к примеру, появиться десятиминутный сюжет о премьере очередного блокбастера). Но столь мощный пиар итальянского музыкального фестиваля – это, пожалуй, новинка. Неужели Первый затеял гастроли итальянских звёзд по нашей стране? Или остались какие-то неосвоенные средства ещё с 2011-го, провозглашённого годом Италии в России, и их потребовалось списать?.. Загадка!..

Что же увидели зрители из этого самого Сан-Ремо благодаря энергичным усилиям Первого канала?

Поучительное зрелище. Мы увидели, как ярко и весело движется великая европейская цивилизация в адский ад свободы и толерантности. Мы увидели искромётных, голосистых, изобретательных, со вкусом одетых итальянцев, которые в своей совокупности объясняют, почему понтифик обречённо ушёл в отставку.

Но у нас есть повод для оптимизма. Переводчик, который помогал Яне Чуриковой вести трансляции из Сан-Ремо, то и дело отказывался переводить двусмысленности, пошлые шуточки ниже пояса, которые позволяли себе итальянские конферансье. Как ни упрашивала изнывающая от любопытства Чурикова, переводчик деликатно, но твёрдо стоял на своём: мне, говорит, воспитание не позволяет произносить такое вслух.

Эта принципиальность и стала самым сильным впечатлением от фестиваля в Сан-Ремо.

Александр ЛОБОДА,
НИЖНИЙ НОВГОРОД

Неразрешённое противоречие

Выпуск «Специального корреспондента» от 12 февраля был посвящён Сергею Полонскому, разорившемуся олигарху, тем не менее прикупившему остров в Камбодже и набедокурившему там. Но не только ему, а и всему нашему крупному бизнесу, его, так сказать, аморальному облику и социальной безответственности. Дискуссия после показа документального фильма Александра Рогаткина «Период полураспада» плавно перешла в вербальное избиение нравов олигархической «саранчи», распространяемой ею «родимых пятен 90-х» и «раковой опухоли» коррупции. Михаил Веллер, Андрей Караулов, Никита Кричевский и другие квалифицированно разоблачали всех вплоть до самых главных чиновных верхов, которых предлагалось судить. Один только главред «Эксперта» Валерий Фадеев страстно защищал предпринимателей: «Это разжигание социальной розни! Надо с большей любовью относиться к собственным гражданам, к собственным бизнесменам!»

Пытались найти пример для подражания и назвать фамилию того, кто достоин любви. Герман Стерлигов вспомнил об одном героически честном и продуктивном бизнесмене-заводчике, но фамилию его так и не назвал. Видимо, боясь навлечь на него неприятности, которых у него и так было много. Единственный пример благотворительности привёл неожиданно Никита Кричевский: «Есть такой предприниматель, его зовут Виктор Вексельберг. За пять лет – это не реклама, это констатация, я это знаю из первых рук – он перевёл 125 миллионов рублей личных средств на поддержку ветеранов советского кино. Об этом никто не знает... У него нет цели делать на этом пиар». Однако пиар за него сделал Кричевский.

Настала пора поговорить о давно возникшей и, кажется, неразрешимой коллизии. В нашей промышленности действительно происходит что-то хорошее, но ТВ об этом рассказывать не может – это будет восприниматься как оплаченная реклама. То есть о тех, кто проворовался, развалил, ограбил, угробил, рассказывать можно, а о чьём-то производственном подвиге нельзя – у нас все предприятия частные, а за пиар надо платить. Не у всех есть на это деньги. Таким образом получается искажённая телекартина – сплошной негатив. Но почему журналисты государственных каналов не могут объективно рассказать о состоянии дел в экономике и говорить о том, что хорошо, рассказывать о тех, с кого можно брать пример? К сожалению, ТВ озабочено не созданием объективной картины состояния дел в народном, как раньше говорили, хозяйстве, а рейтингом, который на позитиве не соберёшь. Неразрешимое противоречие?

А.К.

ТЕЛЕАНОНС

Спешите видеть!

На канале ТВ Центр стартует новая программа «Спешите видеть!» С 22 февраля, по пятницам, в 17.55.

Слово руководителю и ведущей программы Ольге Стрельцовой: «Мы намерены без шаблонов, занудства и скучных речей рассказывать о культуре! В поле зрения – театр, музеи, книги, кинематограф, шоу, классическая музыка, джаз и клубные выступления... В передаче будут отмечаться праздники! В День родного языка лучшие писатели, юные читатели и их учителя честно и не скрывая эмоций дадут ответ на вопрос: как влияет ограничение свободы выбора на самовыражение человека? Этот сюжет выйдет в первой же программе, 22 февраля, а главным экспертом станет писатель, главный редактор «Литературной газеты» Юрий Поляков».

ФЕСТИВАЛЬ

Герои, антигерои и закон

Международный фестиваль детективных фильмов DetectiveFEST в этом году отмечает своё 15-летие. По традиции он откроется в Москве в Доме кино 17 апреля в День ветеранов органов внутренних дел. Полнометражные фильмы, сериалы, документальное кино и даже анимация, имеющие отношение к его тематике, мечтают попасть в конкурсную программу престижного, масштабного и единственного в своём роде форума (в работе предыдущего фестиваля приняли участие 76 полнометражных фильмов из 51 страны мира).

Автор идеи и президент фестиваля, член Союза кинематографистов России Юрий МИТЮШИН 22 года прослужил в Вооружённых силах и 5 лет проработал в Министерстве внутренних дел, кадровый офицер, подполковник запаса, а следовательно, знает тему и круг проблем, с ней связанных, изнутри. В его обойме 15 лет работы продюсером и даже небольшая актёрская роль в сериале «Спецназ по-русски».

– Юрий Анатольевич, в нашей стране детективное кино имеет не столько художественный, сколько социальный оттенок. Стала крылатой фраза «Вор должен сидеть в тюрьме!» – человек сразу реагирует: это замечательный фильм Станислава Говорухина «Место встречи изменить нельзя». Когда эту реплику произносит глава государства, то граждане ассоциативно понимают, о чём речь по одной лишь фразе. Однако с тех пор, как Жеглов ловил преступников, многое изменилось: и следователи слишком часто «ошибаются», и судьи во сне выносят бизнесмену приговор о лишении свободы, и милиция должна была переделаться в полицию...

– Критика должна быть конструктивной. Раньше у нас в стране была коммунистическая идеология, а сейчас – непонятно, какая. Если раньше присваивали звание «Ударник коммунистического труда», то сейчас, что, будем присваивать звание «Ударник капиталистического труда»?.. Идеологии нет, а она на самом деле очень важна! Потому что идеология не терпит пустоты. Если не идёт она к нам со стороны государства в лице его многочисленных структур, то придёт какая-нибудь религиозная или иностранная, хотим мы того или нет...

Когда я был в гостях у шефа Скотленд-Ярда, он познакомил меня с английским продюсером Уильямом Грэйфом. Всю жизнь он снимал сериалы про полицию. Но не про реальную полицию, а про ту, какой она должна быть. Хороший полицейский борется с преступностью, не берёт взяток, не хамит, не совершает противоправных действий, прикрываясь формой и законом, действует во имя и для людей. И над этим «наивным» киношником все смеялись. Но прошло какое-то время, и теперь Скотленд-Ярд практически пришёл к тому результату, идеологию которого проповедовал Грэйф, за что они и по сей день его благодарят. Его игровые сериалы несколько идеалистические, но благодаря им психология столичных полицейских поменялась до наоборот! Он подарил мне документальные фильмы, в которых показан Скотланд-Ярд 30, 20, 10 лет назад и сейчас. Там видно, как постепенно со временем менялась полиция – не в последнюю очередь и под воздействием его телесериалов.

– У нас такое преображение возможно?

– У нас фигура представителя закона весьма своеобразная. Это вооружённый человек, обладающий законной властью. У него сила, но уровень воспитания и психология таковы, что он частенько считает себя гораздо круче остальных. При этом он забывает, что содержится на деньги граждан, на наши налоги. Уровень его заработной платы не всегда соответствует количеству обязанностей и тому рабочему времени, которое он вынужден отрывать от семьи и своего досуга. С другой стороны, много соблазнов по использованию своей власти. Объектом не всегда справедливого воздействия становятся граждане. Отсюда возникает конфликтное идеологическое противоречие между представителями общества и, к примеру, полиции, вплоть до неприятия друг друга. Считаю, что ни в коем случае нельзя допускать силового экстремистского противодействия, оно очень опасно! Но в условиях, когда и граждане, и служители закона плохо знают или фактически не знают законов, их защищающих, произвол с обеих сторон возникает мгновенно. Сейчас зачастую встречаются офицеры, не изучающие новые законы.

– Им неинтересно?

– Им реально некогда! До 40 дел на одного следователя. Именно поэтому и из-за слабой профессиональной подготовки многие дела разваливаются и не доходят до судов. Но есть огромное количество людей в этой профессии, которые искренне хотят навести в стране порядок, который бы служил и обществу, и бизнесу, и власти – всем! Их надо показывать в первую очередь в художественных образах, пропагандировать. Люди в жизни и на экране – это замкнутый круг: с одной стороны, кино отображает реальную, часто негативную жизнь, а с другой, пропагандирует то, какой эта жизнь должна быть.

Вот и выходит, если мы уничижительно относимся к созданию положительного образа представителей закона, то соответственно мы будем иметь таких служителей, которые будут очень далеки от идеала. Если же мы создадим образ лучше и чище, то сделаем эту профессию престижной и уважаемой в обществе. Тем более что на негативе сенсацию делать гораздо проще.

– Но что зависит в данном случае от кинофестиваля?

– В феврале прошлого года я выступал в Совете Европы, рассказал о нашем фестивале. И должен заметить, что за 15 лет существования (хотя это было не просто) DetectiveFEST получил поддержку ООН, Совета Европы, Администрации Президента Российской Федерации, Министерства культуры РФ, МИД РФ, практически всех государственных структур России, представляющих закон. Все основные религии и конфессии поддержали фестиваль. Потому что фактически наш проект – это пиар-проект закона. В этом состоит его уникальная концепция.

– Какую проблему решает ваш фестиваль, который всего лишь показывает то, что делают кинематографисты, не влияя на их изначальный выбор и уж тем более на их гражданскую позицию?

– Поддержать тех авторов фильмов и программ, кто своими работами объединяет общество в борьбе с преступностью и терроризмом, создаёт правдивый образ героя – служителя закона, формирует правовое сознание граждан и создаёт систему взаимного уважения – вот основные задачи нашего фестиваля. И мы во всеуслышание призываем: друзья, если вы не хотите, чтобы существовал произвол чиновников, властей на местах, учите закон, знайте свои права, а не только обязанности! Это в полной мере касается и представителей закона. Они должны грамотно уметь защищать свою позицию законными методами в самых жарких спорах с активными членами гражданского общества.

– Значит, мы говорим не только о жанре, но и об идеологии детектива?

– Конечно. Чем хорош детектив? В классическом детективе тайна всегда разгадана, преступление раскрыто, за преступлением следует наказание, а неотвратимость наказания заставляет людей задуматься о том, чтобы не совершать поступков, связанных с нарушением закона. Закон мешает только тем, кто хочет его нарушить. Получается, что детектив, в общем, и наш фестиваль, в частности, пропагандируют законопослушный образ жизни. Мы поддерживаем тех, кто в годы разочарований, крушения идеалов, цинизма, безнадёжности создаёт положительного, но не идеализированного героя! У нас есть номинация «Герой» – за харизматичное исполнение положительной роли. Если рассмотреть приз нашего фестиваля, то увидим моток киноплёнки, из которого вырастает дерево, превращающееся в некоего человека – безликого, как «лицо закона». Он на вытянутых руках держит линзу-лупу, иными словами, увеличительное стекло.

Когда появился сериал «Бригада» и актёры талантливо сыграли бандитов, то поняли, что имеем дело с опасным перевёртышем. И, словно в ответ на это, ввели номинацию «Антигерой» – за харизматичное исполнение роли отрицательного персонажа. Линзу на этом призе специально сделали двояковогнутой: она не увеличивает, а уменьшает. То есть мы даже в призе сохраняем нашу идеологию. Сергей Безруков за главную роль в «Бригаде» получил тогда этот приз. А когда этот же актёр сыграл принципиального, обаятельного, сердечного, ироничного участкового в сериале «Участок», он получил приз с увеличивающей линзой.

– И всё это происходит внутри одного фестиваля – разве одно другому не противоречит?

– Нисколько! Мы ввели приз «Антигерой», потому что просто не могли проигнорировать прекрасно сделанные актёрские работы. Но ведь и бандиты есть в нашей стране, мы же эту прослойку общества тоже не можем игнорировать! Мы даём оценку не персонажам, а мастерству исполнения! Один из самых популярных брендов на Западе – русская мафия. Как сказал замечательный актёр Валерий Баринов, будущее за тем, что талантливо. И молодёжь с ещё неокрепшим сознанием и пониманием может купиться на соблазны лёгкой жизни и пойти следом за образом «положительного бандита», как ему представляется. Романтизация бандитизма очень опасна и чревата тлетворным влиянием на юные умы.

– Но разве не таково на сегодняшний день состояние морали в нашем обществе?

– Вот именно поэтому наш фестиваль не разделяет понятия художественных достоинств произведения и идеологию. У нас, например, никогда не получил бы приз герой «Крёстного отца» – его идеология идёт вразрез с нашими принципами морали. А вот сам фильм получил бы, потому что это не воспевание мафии, а правдивое отображение жизни людей, живущих по своим внеобщественным законам. Люди так устроены, что пока их закон не ограничивает, они его поддерживают; как только он начинает их напрямую касаться, они сразу проявляют своё недовольство. Вот и идёт тихий саботаж: считается нормальным не нравящийся закон не соблюдать, причём на всех уровнях: начиная от чиновников, заканчивая творческой интеллигенцией. Я знаю об этом очень хорошо. А закон между тем – это осознанная необходимость. Он продиктован и потом, и кровью и выработан опытом множества поколений наших предшественников в исторической ретроспекции. Это всё правила, которые не просто так появились, – без них жизнь превратится в хаос. Значит, без их соблюдения мы не можем считать себя цивилизованными людьми. Да и демократия без порядка и торжества закона – миф!

Беседовала
Арина АБРОСИМОВА

СОБЫТИЕ

В погоне за реальностью

Берлинале: 63-й сезон охоты на «Медведей» был горячим

Сначала о тех, кому «Медведи» не достались. Они не достались австрийцу Ульриху Зайдлю, который привёз в Берлин фильм «Рай: надежда», третью часть трилогии, снятой за год. Каждый из трёх фильмов стал событием на фестивалях в Канне, Венеции, теперь – Берлине. Но Зайдль – без «Медведя». Он не достался Жюльетт Бинош, сыгравшей, на мой вкус, одну из своих лучших ролей в фильме «Камилла Клодель.1915» Брюно Дюмона. И выдержавшей съёмки с реальными пациентами психиатрической клиники. Он не достался Катрин Денёв, которая в фильме «На моём пути» Эммануэль Берко сыграла приключения постаревшей красавицы, отправившейся к внуку и нашедшей новую любовь. «Медведь» не достался ни Билли Аугусту, ни Стивену Содербергу. Ни Борису Хлебникову, который привёз в Берлин фильм «Долгая счастливая жизнь». Что ж, бывает, «Медведи» убегают. Но Зайдль, Дюмон, Содерберг – не самая плохая компания промахнувшихся охотников. Я бы даже сказала – почётная.

«Иногда реальность обгоняет воображение», – заметил Дитер Косслик, директор Берлинале во вступительном слове. Он имел в виду споры уже и в немецком парламенте вокруг новой технологии добычи газа – fracking, после применения которой остаётся буквально мёртвая земля, где птицы не поют, рыбы не плавают, трава не растёт. Споры вокруг несущей экологическую катастрофу разработки недр оказываются в центре внимания нового фильма Гас Ван Сента «Земля обетованная». Но, похоже, отчасти именно потому, что дискуссии в немецком парламенте опередили споры в фильме, «Земле обетованной» ничего не досталось, кроме специального упоминания жюри. Берлинале предпочитает обгонять реальность. Более того, участвовать в создании новой реальности.

Лучшим фильмом назвали румынскую драму «Поза ребёнка» режиссёра Калина Петера Нетцера

КИНО ИЗ ТОРТА

Самый яркий тому пример – последовательная поддержка известнейшего иранского режиссёра Джафара Панахи, которому за «пропаганду против системы» запрещён выезд из Ирана на 20 лет, равно как и съёмки кино. Не прошло и двух лет, как пустое кресло, где должен был сидеть член жюри Джафар Панахи, украшало сцену фестивальной площадки Берлинале Паласт, а теперь в конкурсе появился его фильм «Закрытый занавес» («Серебряный медведь» за лучший сценарий). Правда, у фильма два автора – Панахи и его друг сценарист и режиссёр Камбожия Партови. Естественно, их фильм «Закрытый занавес» оказался в центре внимания. Причём дотошных журналистов, кажется, больше картины интересовало, как её из Ирана вывезли. В одной из статей я прочитала, что её спрятали то ли в торте, то ли в пироге. «Закрытый занавес», в сущности, и есть такой домашний пирог, снятый на dvd-камеру двумя друзьями в доме Панахи на Каспии. В роли актёров – они же, плюс соседи, заглянувшие узнать, не нужна ли какая помощь, плюс знакомая актриса и... собака. Словом, трое в доме, не считая собаки. Камбожия Партови говорил на пресс-конференции, что друзья начали писать сценарий, «потому что работать тяжело, а не работать ещё тяжелее». Особенно когда сидишь фактически под домашним арестом.

Надо признать, пирог получился не просто съедобным, но и с изюминкой. Именно поэтическая интонация, которая пронизывает фильм, превращает его из умозрительного упражнения в пронзительное лирическое высказывание. Здесь печаль, юмор, страх опасности и горечь, шутка и домашний обед от соседей находят своё место в терпком воспоминании о настоящем.

БЕЗ СТРАХОВКИ

Другой способ воспоминания о настоящем – его реконструкция. Реконструкцией событий увлекаются по зову сердца участники ролевых игр, которые в костюмах давних и не очень времён участвуют в судьбоносных для мира битвах, и по долгу службы – следователи, которые привозят пойманного преступника на место преступления, чтобы он в ходе следственного эксперимента рассказал, как было дело. Данис Танович занялся реконструкцией событий, описанных в газетной заметке, от безысходности и злости. Безысходности, потому что было понятно, что даже он, человек, у которого в бэкграунде фильм «Ничья земля» (2001), получивший 40 наград на международных фестивалях и «Оскара» в придачу, вряд ли сможет найти нормальные деньги на кино об истории, произошедшей в нищей румынской деревне, расположенной на территории Боснии и Герцеговины.

В одной из румынских деревень беременной женщине срочно понадобилась операция, поскольку ребёнок в её животе перестал развиваться, умер. В ближайшем городке её отказались оперировать, потому что у неё не было страховки. 980 боснийских марок (почти 500 евро) за страховку для семьи с двумя маленькими детьми, которая живёт главным образом тем, что муж собирает и сдаёт металлолом, непосильная сумма. Её и занять-то не у кого. Поскольку почти вся деревня живёт примерно так же, можно сказать, на подножном корму. Работы нет, с образованием тоже плохо. На пресс-конференции было сказано, что только 10 процентов детей из румынских деревень заканчивают среднюю школу, поскольку учиться им приходится не на родном языке, а на боснийском. Соответственно 90 процентам «вылетевшим из школы» о более-менее нормальной работе и думать нечего. Короче, 10 дней муж то ездил в больницу, умоляя врачей, то обивал пороги разных общественных организаций. Кончилось тем, что дальняя родственница из деревни, где жена выросла, дала свою страховку. Хирург, делавший операцию, ахнул: ещё пару часов, и заражение крови было бы неизбежно. Словом, спасли человека. Вот такой хеппи-энд.

Как из этого сделать публицистическое ток-шок типа «Пусть говорят», в общем, понятно. Сделать кино труднее. Упёртый Танович, который начинал с того, что два года снимал войну в Сараеве как документалист, приехал к героям заметки и огорошил их предложением сыграть в кино самих себя. Назиф и Сенада, надо сказать, совсем не были в восторге от идеи, что у них в доме поселится человек с кинокамерой, но Танович успокоил их тем, что он и сам первый раз в такой ситуации. В худшем случае никто этого кино не увидит. Кино увидели в конкурсе Берлинале. Оно получило Гран-при жюри, а Назиф Муджич – «Серебряного медведя» за лучшую мужскую роль.

«Эпизод из жизни сборщика металлолома» сражает наповал с первых кадров подлинностью. Понятно, что толстуха с татуировкой сердца на руке, греющая воду, стирающая, пекущая пирог и между делом пытающаяся утихомирить носящихся по комнате маленьких дочек, требующих своего сериала, не актриса, а их печка, старый телевизор и диван – не реквизит. И муж, на пару с соседом превращающий старый автомобиль в металлолом, вряд ли актёр.

В сущности, Танович снял документальное кино. Или – если угодно, кинодокумент. Задокументировал, так сказать, случай из жизни. А попутно – заставил нас увидеть, почувствовать кожей эту жизнь, где будущее не простирается дальше текущего дня, где деньги на лекарства жены берутся за счёт «деконструкции» в утиль собственной старой машины. Он избегает публицистичности, вместо пафоса – последовательность событий. Но за нехитрой чередой привычных дел он смог показать взгляд, позицию, ощущения этих людей, не слишком грамотных, мягко говоря, небогатых, столкнувшихся лицом к лицу фактически со смертью. И обнаруживших, что их единственная жизнь не существует для системы, в данном случае – здравоохранения.

Фильм Даниса Тановича возвращает в зону видимости новых «отверженных», национальные меньшинства и маргиналов социума, которые оказались париями в центре Европы.

НОВАЯ ВОЛНА: ОТ РУМЫНИИ ДО КАЗАХСТАНА?

Фильм 37-летнего румынского режиссёра Калина Петера Нетцера «Поза ребёнка» («Золотой медведь» и приз ФИПРЕССИ), напротив, фокусирует внимание на тех, кто и так не обделён вниманием – на новых буржуа. Как и многие режиссёры новой румынской волны, Нетцер идёт от психологической драмы, используя её как инструмент для того, чтобы на микрохирургическом уровне (как выразилась продюсер фильма) вскрыть болезненные социальные нарывы. Нельзя также не заметить, что практически вся команда фильма, начиная со сценариста Ражвана Радулеску и кончая звукорежиссёром и монтажёром Даной Бунеску, участвовала в создании многих прозвучавших на фестивалях румынских фильмов (например, «Смерть господина Лазареску» Кристи Пую, «4 месяца, 3 недели, 2 дня» Кристиана Мунджу). Тем более это касается актёров, каждый из которых известен далеко за пределами Румынии. В данном случае, приглашая фильм на конкурс, Берлинале делало ставку отнюдь не на тёмных лошадок, а на команду с мировой известностью.

Результат впечатлил. Причём не только блестящей, очень точной игрой Люминицы Георгиу, исполнившей роль властной, сильной, успешной женщины, подавляющей своей волей всех вокруг, включая мужа и сына. Последний, кажется, вообще ни о чём не мечтает, как не видеть её вовсе. «Ваше поколение должно просто исчезнуть», – это самое мягкое сообщение, которое ей приходится выслушать от 34-летнего Барбу по телефону. Но тут, увы, он на скорости 150 км/ч в подпитии сбил человека. Ребёнка, возвращавшегося из школы. Насмерть. Нужно объяснять, что происходит дальше? Мамочка спешит на помощь, подключая связи, деньги, чтобы «спасти своего единственного мальчика». Финал, в общем, предсказуемый. Одна закавыка – её «мальчик» должен всё же выразить соболезнования родителям погибшего ребёнка, а он и слышать об этом не хочет.

Кажется, ещё немного, и перед нами будет фарс – гротескный гиньоль, чьи персонажи глухи, слепы и эгоистичны, как устрицы в ракушке. Но Нетцер и Радулеску переставляют акценты и заставляют нас увидеть 34-летнего «мальчика», не желающего вылезать из спасительного убежища. Нужен был талант Люминицы Георгиу, чтобы роль бизнесвумен, умоляющей родителей погибшего спасти её сына и предлагающей им деньги, не выглядела фальшиво. Фактически перед нами Брехт, вывернутый наизнанку. Берутся социальные типы, но оптика переключается на максимальное приближение. То, что не может психологический театр, может кино с его способностью улавливать тончайшие душевные движения. Соответственно вместо социального диагноза мы получаем психологический: инфантильность, панический страх перед жизнью, боязнь ответственности и катастрофическое нежелание встретиться с реальностью.

Что касается открытий фестиваля, то им стал казахский фильм «Уроки гармонии», снятый 28-летним Эмиром Байгазиным. Если румынское кино препарирует социальную ткань с помощью психоанализа, то Эмир Байгазин, напротив, драму подростка представляет как универсальную модель встречи человека с жестокостью мира. Психологическая история школьной драмы подана жёстко, минималистично, выразительно. Статичная камера, выверенные, почти симметричные композиции становятся символом попытки найти взвешенное рациональное решение для разумного поведения в безумной реальности всеобщего насилия. «Серебряный медведь» оператору Азизу Жамбакиеву более чем заслужен.

ЛУЧ СВЕТА ПЕРЕД ЗАКАТОМ

Чилийскую актрису Паулину Гарсиа, получившую приз за лучшую женскую роль, журналисты успели окрестить Мерил Стрип Латинской Америки. Хотя, на мой вкус, её Глория в одноимённом фильме Себастьяна Лелио больше похожа на реинкарнацию героинь Джульетты Мазины. С той только разницей, что она много старше их. Глория – одинокая мама двух выросших детей, которой под 60 и которая не потеряла жизнелюбия и надежды на настоящую любовь. Встретить её она надеется на танцевальных вечерах, контингент которых в основном пенсионного возраста. Себастьян Лелио снимает, в сущности, трагикомедию, в которой мечты разбиваются о реальность, но, слава богу, это только мечты. Хеппиэнд этого фильма определяется не тем, что мечты сбываются, а тем, что характер героини поистине бойцовский. Расстреляв бой-френда шариками с краской для пейнтбола, она идёт на вечер к друзьям, где снова звучит музыка, танцуют пары. Жизнь продолжается...

Этот фильм в конкурсе рифмуется с французской картиной, где сыграла Катрин Денёв. Фильм «На моём пути» Эммануэль Берко также посвящён приключениям красавицы преклонного возраста, которая (почувствуйте разницу!) находит-таки свою любовь. По сравнению с ним чилийский фильм более радикален, не избегает интимных сцен, его финал открыт. В общем, понятно, почему жюри предпочло «Глорию».

Впрочем, возможно, есть ещё одна причина. Берлинале, кажется, любит участвовать в создании не только реальности, но и «звёзд». Тем более, когда прекрасные актёрские работы дают возможность. Тут им и «Медведь» в руки.

Жанна ВАСИЛЬЕВА,
спецкор «ЛГ», БЕРЛИН–МОСКВА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, № 7 (6404)
20–26 февраля 2013 г.

Историческое обозрение «НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ» теперь будет регулярно выходить на наших полосах. История, как наука и искусство, была в сфере внимания ещё авторов первой, Пушкина и Дельвига, «Литературной газеты». Такие традиции забывать негоже.

Чему же будут посвящены полосы нашего нового обозрения? Разумеется, не только датам славных свершений русской истории и её бесчисленным героям. Попробуем разобраться в чащобе последних книг по истории, новых и старых трактовок, версий, исследований, дискуссий. Ведь пока продолжаются споры – продолжается летопись.

И ещё мы рассчитываем, что этот проект окажет необходимую помощь школьникам и учителям, преподавателям и студентам, библиотекарям и журналистам, всем, кому важен компетентный и порядочный взгляд на наше прошлое.

Ведущий проекта Арсений ЗАМОСТЬЯНОВ

ВОСПИТАНИЕ

Суровая, завидная судьба

БЕЗ СТЕРЕОТИПОВ

Сегодня Россия страстно спорит об истории и всё внимательнее всматривается в легенды. Французы уже и Бонапартия подзабывают, не говоря уж о Генрихе Четвёртом или Ришелье. А в России всё ещё есть всенародные герои, отцы Отечества, есть потребность в героях из прошлого – не интернационального, а нашенского, свойского.

Это не пустая похвальба. Тем более что многие воспринимают эти российские ухватки как свидетельство отсталости. Нас критикуют за «культ прошлого», из-за которого Россия якобы постоянно движется по кругу, «наступая на одни и те же грабли». Россия, Русь со времён татаро-монгольского ига – замордованная страна рабов, в которой заслуживает уважения только «тонкая прослойка» европейцев, к которым наши страдальцы резонно относят себя.

Знакомый стереотип? Чего только не придумают добрые люди, чтобы обосновать своё презрение к «родным осинам». Самые совестливые из нас воспринимают историю России как повод для стыда, покаяния или жалости. Они усердно, штришок за штришком, создают картину «свинцовых мерзостей», а всенародную идею Победы, которая сформировала Россию, стремятся заменить идеей эмиграции – внутренней или явной. Многовековое самоутверждение великой державы в этой логике обесценивается. Между тем именно великодержавные амбиции придавали блеск и масштаб русскому просвещению – сперва церковному, а с XVIII века и светскому. И всё это нам предлагают бросить на ветер – во имя голливудских ролей третьего плана.

Оказывается, главная доблесть – перевод кремлёвских курантов на среднеевропейское время, главная мечта – переселение куда-нибудь на тёплые острова, если не в Лондон щепетильный. Пространство России для них враждебно, а русская летопись – «история несчастной страны». Нытьё и паника создали влиятельную антисистему, стилистически соблазнительную для мятущегося сознания.

Но дело не только в соблазнах снобизма! Расчленение истории Отечества – идеологическая подготовка нового распада страны. Никакой конспирологии, стряпают на чистом сливочном масле барыша.

Огромная страна с неравномерно разбросанными богатствами – это сокровище и гордость для народа и для государства, но обуза для предпринимателя. Роль частного капитала возросла – и некоторые хозяева жизни хотели бы освободиться от государственного надзора и «володети» всем, что приносит прибыль, в условиях распада и политической смуты. Управлять огромной страной нелегко: тут и транспортные, и погодные проблемы, тут и дотационные регионы... Сверхдержава для них – обуза, ведь есть надежда получить под контроль нефтеносный клочок земли без среднерусского «балласта».

То есть у нытья есть заказчик. Плач получается на редкость искренний. Вот и 1150-летняя история государства для них – клочки по закоулочкам. Мартиролог, кошмарная уголовная хроника, за которую нам следует каяться.

Раньше мне трудно было согласиться с Горьким, что «жалость унижает», но проект «плачевная история России» заставляет согласиться с буревестником. У них ведь и покаяние особого покроя. Покаяние, которым тешат самолюбие. Потому что они предлагают каяться за Россию, к которой себя не причисляют. А страна – не котёнок на морозе, чтобы её жалеть. Ни к чему это не приведёт, кроме грызни и комплекса неполноценности со вспышками агрессии.

Дух русской истории – это дух воинский, победный. Помните, как обращался к Родине Михаил Исаковский?

Желанья твои и надежды
Связал я навеки с тобой –
С твоею суровой и ясной,
С твоею завидной судьбой.

В какой ещё культуре одно из самых почтительных и нежных определений Родины – «суровая»? Не «милая», как Франция в «Песне о Роланде», а суровая – и тем прекрасная.

Тому, кто не способен разглядеть – и полюбить! – в русской истории волевой, воинственный дух, пожалуй, вечно придётся слоняться по столбовым дорогам Руси с декадентской миной чужака. Не каждому открывается красота русской истории – истории народа-победителя. Изнеженные души с нашей историей вряд ли уживутся. Вдумаемся в смысл пословицы: «Москва слезам не верит». Насколько здравый, настолько и забытый принцип!

Унылые разговоры об «исторической обречённости» и «загубленном генофонде» – бесплодная истерика, именно бесплодная. Стыдно быть слабонервным. Стыдно жаловаться на историю. А она у нас – блистательная...

Всё это не означает, что разговор об истории исчерпывается вариациями на тему «Наши деды – славные победы». Прав Белинский: патриотизм «обнаруживается не в одном восторге от хорошего, но и в болезненной враждебности к дурному, неизбежно бывающему во всякой земле, следовательно, во всяком отечестве». Не следует превращать историю Отечества в идиллический третий том «Мёртвых душ». Противоречия, сложности, полярные оценки – всё это мы собираем, обдумываем и сохраняем. Находим пользу. Во взвинченных спорах истина не рождается, но грамотное изложение противоположных позиций создаёт панорамную картину в умах. Под куполом истории должны уживаться все эпохи – даже те, что на первый взгляд несовместимы. Как пресна история однородная, сплошь состоящая из единомышленников. Даже, если это *твои* единомышленники.

РОССИЕВЕДЕНИЕ

История, как и любое знание, не будет уничтожена, покуда жива массовая школа. Самое важное, чтобы школа была всеобщей, бесплатной и обязательной. Увы, по одному из сценариев, которые нынче в ходу, наша система народного образования постепенно должна превратиться в клуб любителей моцареллы. А настоящая учёба – за углом, для избранных, за большие деньги. Контрпросвещение занимает наши бастионы. И платные оазисы не радуют, потому что в условиях XXI века элитарность смерти подобна. Ситуация, когда на двадцать миллионов крепостных приходится один диковинный Царскосельский лицей для аристократов, в наше время обернётся катастрофой.

Есть у нас одно важное предложение – как раз для массовой школы. Более того – для школы начальной. Ведь к историческому знанию следует приобщать с первого класса. О каком патриотическом воспитании можно говорить, когда у нас второклассники с горем пополам изучают экономику, а о прошлом родной страны с ними никто не разговаривает? Выходит, что мы воспитываем патриотов корпораций, а не Отечества. Да, есть уроки «окружающего мира» – там и про животных расскажут, и про звёзды, и про «защитников Отечества» – про последних, кажется, толкуют в четвёртом классе. Получается, как у Корнея Чуковского, – перепутаница. А ведь можно и первоклассникам рассказывать об истории еженедельно, системно, а уж как занимательно! Нам просто необходим основательный исторический букварь, азбука россиеведения.

Разумеется, для начальной школы не подойдёт наукообразие. Но рассказы, стихи, былины, связанные с историей Отечества, следует выстроить в продуманном порядке, чтобы историческая арифметика оседала в головах. Ведь поколение Гугла потеряло ощущение исторической периодизации.

Не призываю к зубрёжке: умение пользоваться справочниками куда важнее лихорадочно заученных цифр. Но даже абитуриенты гуманитарных вузов нынче нетвёрдо знают, кто был раньше – Пушкин или Сталин? Ломоносов или Менделеев? Суворов или Скобелев? И как после этого рассуждать о причинах и следствиях, о том, кто у кого учился, кто на кого повлиял.

Если бы основательное знакомство с историей начиналось в первом классе – нам легче было бы выстроить линию основных событий «в картинках». Скажешь: «Взятие Измаила!» – и перед глазами возникнет крепость на берегу Дуная, полководец на донском жеребце, чудо-богатыри со штыками. И никто не усомнится, что этот штурм случился значительно позже освободительного похода ополченцев князя Пожарского, но несколько раньше Отечественной войны 1812 года. Это уровень первых арифметических знаний: каждый первоклассник, даже, если он ещё не стал заядлым картёжником, знает, что десятка больше семёрки. А элементарного исторического фундамента мы лишены – и пропагандисты – те самые упразднители русского исторического пространства – легко нашего брата обвешивают.

ИСТОРИЧЕСКИЙ БУКВАРЬ

«Литературная газета» готова помочь Министерству образования в разработке нового школьного курса, в издании учебников и хрестоматий. У нас же пропадают алмазные россыпи – десятки писателей и историков умели талантливо, заразительно рассказывать детям о прошлом Отечества. Почти все они отсутствуют в школьной программе по чтению.

Александра Осиповна Ишимова родилась в 1804 году, умерла в 1881-м, но её книги не устарели. Она писала об истории сентиментально и назидательно, с патриотическим пафосом, который пленяет ребёнка. В своей «Истории России в рассказах для детей» Ишимова разработала каноны жанра. Детским чтением могли бы стать и некоторые исторические сочинения Николая Полевого – толком не переиздававшиеся. Кислород русского литературного языка пушкинских времён не повредит школьникам.

Жанр не умирал и в позднейшие времена. Александр Красницкий написал книгу «Русский чудо-вождь», которую дарили гимназистам в начале XX века. В советское время популярных детских книг по истории было немало – и не только на героико-революционную тему. Напомню лишь несколько образцов.

В послевоенные годы Наталья Кончаловская написала поэму об истории Москвы – «Наша древняя столица». Как известно, Москва, подобно Риму, – это название не только города, но и страны. В школьную программу эта книга не вошла – разве что небольшие отрывки случайно попали в какую-нибудь хрестоматию. Переложить историю на стихи для детей – уму непостижимая задача. Кончаловскую хочется дочитать до конца: она расставляет ловушки со знанием детской психологии:

Как мне закончить быль мою
О поле Куликовом?
Кому я славу пропою?
Кого прославлю словом?
Руси достойных сыновей –
Отчизны честь и силу,
И наших предков – москвичей
Меж ними много было.
А князя Дмитрия – Донским
С тех пор прозвал народ.
И слава добрая за ним
До наших дней живёт.

И кто решил, что мы должны измерять вёрсты русской истории европейской скорняцкой меркой? Россия – не захолустье, наш идеологический суверенитет незыблем. Да и не европейская это мерка, а англо-американская. Историческая судьба Руси продолжалась и до, и во время расцвета Западной Европы – продолжится и после него.

А ещё в историческом букваре будет немало стихов...

Александр Воейков писал когда-то: «Благочестие и любовь к Отечеству общи всем отечественным поэтам и делают им величайшую честь... Нет ни одного из них, который бы равнодушно услышал о победах своих соотчичей и не ударил бы в струны лиры. Пока в поэзии нашей будет это направление, Русь будет могуча, цветуща и велика. Песнь поэта есть выражение народного чувства».

В этих горделивых словах есть доля преувеличения, но в главном они соответствуют действительности.

Едва ли не каждый из нас начинает знакомство с поэзией с исторических баллад, с героики. Тут и «Песнь о вещем Олеге», и «Бородино». И «Сказание о 1812 годе», и «Кто он?» Аполлона Майкова. «Илья Муромец», «Василий Шибанов» и «Князь Михайло Репнин» Алексея Толстого. «Александр Невский» и «Суворов» Константина Симонова.

Или такие стихи:

Без отдыха пирует с дружиной удалой
Иван Васильич Грозный
под матушкой-Москвой.
Ковшами золотыми столов
блистает ряд,
Разгульные за ними опричники сидят.
С вечерни льются вины на царские ковры,
Поют ему с полночи лихие гусляры,
Поют потехи брани, дела былых времен,
И взятие Казани, и Астрахани плен.

Это нужно попробовать на вкус в семь, в восемь лет! Мне повезло: я с малолетства вертел в руках книгу Евгения Осетрова «Твой Кремль» – замечательный курс истории для детей! С тех пор не терял ощущение радости от того, что родился и живу в России – с её Кремлём, с Парадом Победы, с нарядным метро. Не променяю ни одного года истории Отечества на всю летопись любой страны. Переубедить меня невозможно! А ведь Роспатриотцентра в те годы не существовало. Но в сердцах читателей Осетрова навсегда построена Тайницкая башня. Когда в городе куражатся захватчики, мы заходим в эту башню, спускаемся в подземелье, а там – родниковая вода и тропинка, по которой можно выйти из окружения.

А Сергей Алексеев? Не было в библиотеке более зачитанных книжек, чем его «Рассказы о Суворове и русских солдатах» или «История крепостного мальчика». А Михаил Брагин? Ему удалось превратить историю 1812 года в детскую патриотическую эпопею с детективной интригой.

Вот из этих книг и должен сложиться курс истории Отечества для начальной школы. Помогут и другие дисциплины – чтение, музыка. Если у школьника проявится ощущение родной истории, ощущение единства со всеми поколениями соотечественников – лучшего и не надо. Конечно, в этом не заинтересованы те, кто спит и видит самых изысканных наших детей гражданами мира, кто видит перспективу в демонтаже и перерождении. Так что оваций ждать не приходится, будем трудиться в тишине.

Арсений ЗАМОСТЬЯНОВ

ТЕОРИЯ И ЖИЗНЬ

Мифы нового времени и

Понятие «российской истории», на мой взгляд, является фигурой умолчания. Вопрос о содержании этого понятия, то есть вопрос об определении того, что такое «российская история», уже около двадцати лет – со времён официального появления в мире государства Россия – осторожно обходится стороной, старательно отодвигается в сторону, на периферию внимания и мышления.

Не беря на себя смелость дать здесь определение понятию «российская история», я предложил бы только некоторые соображения, которые, как мне кажется, необходимо будет учесть в любом возможном определении.

Но сначала несколько мыслей теоретического, скорее даже методологического плана.

Древнегреческое слово ἱστορία (historia) в переводе означает расспрашивание, узнавание, установление. В Древней Греции это слово означало любое знание, получаемое путём специального, целенаправленного, преднамеренного исследования, в противоположность знанию, получаемому в готовом виде из предания, например, из мифа. В Древнем Риме это слово стало обозначать не способ узнавания, а рассказ о событиях прошлого. Особый термин «история» (history) – как последовательность прошедших событий – появился в английском языке в конце XV века, а слово «исторический» (historical, historic) – в XVII веке.

Таким образом, история – это область исследования, занимающаяся изучением свершившегося, то есть событий, происходивших в прошлом, в их последовательности.

Из эволюции семантики слова «история» мы видим два важных момента: история устанавливает факт (от лат. factum – свершившееся) в прошлом, то есть описывает и датирует его, а также рассказывает о нём. Последнее – принципиально важно. Факт становится историческим только, когда он рассказан. Вне рассказа о нём факт как история или её элемент не существует. Отсюда, кстати, следует, что «история» всегда чья-то, потому что у рассказа всегда есть тот, кто его рассказал.

Попутно заметим, что историю часто путают с прошлым. Но прошлое, как уже совершившееся, независимо от историка, который его исследует. В то время как история, и как установление фактов, и как рассказ о них всецело зависит от него. Прошлое – это ещё не история, пока оно не рассказано кем-то.

Существует ли «объективная история»? Как стали полагать позитивистски настроенные англичане с конца XV века – это вопрос диалектический. Факт (событие прошлого), как правило, независим от историка. Но знание о нём нам даётся только с субъективных позиций историка. Поэтому я бы сказал, что истории как чего-то объективного, не зависящего от историка не существует. История и историк всегда тесно связаны, они проникнуты друг другом.

Именно здесь как раз и пролегает важный водораздел: между историей как наукой и историей как конструктивным мифом. История как наука устанавливает факты – датирует и описывает сбывшееся посредством постоянно развивающихся специфических методов. Чем строже она ограничивает себя в этих рамках, тем она значительнее и эффективнее как одна из областей человеческого знания.

Но история – это ещё и конструктивный миф, который является продуктом сотворчества народа или членов общества. Это важнейшая функция истории – быть конструктивным мифом, объединяющим членов сообщества в отношении понимания своего прошлого. Это самая динамичная функция истории. История как миф должна меняться каждые 30–50 лет, с каждым новым поколением. И это не произвол, а объективное требование: у каждого нового поколения должна быть своя история, хотя бы уже потому, что его история на одно поколение длиннее, чем у предыдущего.

То есть следует ожидать, что тот, кто говорит нам о «российской истории», рассказывает нам об истории России. Россия при этом понимается как свершившееся, как совокупная последовательность событий в прошлом, то есть как факт, который устанавливается говорящим. Россия прежде всего должна быть установлена как предмет истории, то есть датирована и определена: локализована во времени и в пространстве и содержательно описана. Но рискну предположить, что Россия как предмет «российской истории» как раз менее всего осмыслялась историками.

А поразмышлять здесь есть над чем.

Основная проблема состоит в том, что с формальной точки зрения страна и государство с именем Россия появились сравнительно недавно, причём не посредством политического учреждения, а почти исключительно методом переименования. И стоит детальнее рассмотреть последовательность шагов по переименованию чего-то, изначально не бывшего Россией, в Россию.

12 июня 1990 года первым Съездом народных депутатов РСФСР была принята «Декларация о государственном суверенитете РСФСР». В нём РСФСР ассоциируется с Россией в двух местах и пока лишь косвенно: в преамбуле документа говорится об «исторической ответственности за судьбу России», а в статье 14 говорится об «интересах народов России».

15 декабря 1990 года Съездом народных депутатов РСФСР в Конституцию РСФСР 1978 года была включена преамбула и статья 1 Декларации о государственном суверенитете РСФСР в следующей их редакции:

«Съезд народных депутатов РСФСР, сознавая историческую ответственность за судьбу России, свидетельствуя уважение к правам всех народов, входящих в Союз Советских Социалистических Республик, выражая волю народов РСФСР, подтверждает государственный суверенитет Российской Советской Федеративной Социалистической Республики на всей её территории и заявляет о решимости создать демократическое правовое государство в составе обновлённого Союза ССР.

Статья 1. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика есть суверенное государство, созданное исторически объединившимися в нём народами».

С 21 апреля 1992 года благодаря внесённым изменениям Конституция РСФСР превращается в Конституцию РФ–России.

По постановлению Верховного Совета РФ с 1992 года 12 июня стало праздничной датой с наименованием «День принятия декларации о государственном суверенитете России». Обращает на себя внимание то, как наименование этого документа было проинтерпретировано в наименовании праздника: «о суверенитете России» вместо «о суверенитете РСФСР».

ЮБИЛЕЙНОЕ

Наша история едина

Год истории позади, но есть ощущение, что в новом году вопрос исторического самоопределения станет ещё острее. Когда государственные мужи говорят о патриотизме, о сплачивающих идеях и образах – без истории не обойтись. Но что мы извлекли из громких юбилеев 2012 года? К каким мыслям и выводам пришли?

Наш собеседник сегодня – Пётр АЛЕКСАНДРОВ-ДЕРКАЧЕНКО, председатель Русского исторического общества.

– Давайте вспомним, что тысячелетие русской государственности отмечали в 1862 году... Стал ли тот юбилей крупным событием общественной жизни? Остался ли в памяти народной?

– Скажу сразу: масштаб организации празднования 1000-летия русской государственности в 1862 году трудно сравнить с самыми крупными мероприятиями наших дней. Что касается празднования 1150-летия в прошлом году... Те несколько общественных мероприятий, кои проводились на негосударственном уровне негосударственными же организациями, на фоне 1862 года в буквальном смысле «тонут».

– И что же так впечатлило Россию 150 лет назад?

– Понимаете, тогда это было больше чем событие. Русское общество, истощённое Крымской войной, разделённое противостоянием либеральной и консервативной частей интеллигенции, со своим архаичным народным хозяйством, с освобождённым, но безземельным крестьянством, к тому же изолированное от динамично развивающейся Европы, переживало труднейший период. Император Александр II сделал всё, чтобы оно вспомнило, чьим наследником, чьим должником оно является. Он напомнил всем – и себе в первую очередь – что Россия есть результат тысячелетнего сбережения, управления и творчества. А другими словами, что на всех его современниках в том далёком 1862 году лежит тысячелетняя ответственность.

– Можно ли рассматривать тогдашнее празднование тысячелетия России актом национального единения под куполом государства?

– Можно и нужно. Причём второе – даже важнее. Смотрите: политическая ситуация тогда сложилась куда более напряжённая, чем сейчас.

Россию лихорадило. Отмена крепостного права была отчаянно насущной мерой, которая, однако, осуществлялась далеко не безукоризненно. Крестьянство получило свободу, но какую? Свободу быть нищим, свободу выживать как угодно и за счёт чего угодно, свободу самому спасать себя. При этом – налицо помещичье землевладение, которое официально обладало равными правами с крестьянством, но в действительности – было материально обеспечено землёй. Говоря о равных правах я, разумеется, имею в виду равность в подданстве – Россия всё же оставалась монархией.

– Ситуация весьма схожая с последствиями приватизации собственности в начале 90-х...

– Вот именно. Тогда были заложены основы того русского капитализма, который приведёт к революции.

Европа, не добившаяся победы в Крымской войне, ещё более преисполнилась ненависти и презрения к России, отстоявшей своё право на суверенитет. Это выразилось в новой волне русофобии и изоляционизма.

Ну и русская интеллигенция, которая, как всегда, раскололась... Раскололась на тех, кто во всех грехах обвинял власть, и тех, кто готов был защищать власть в любых её проявлениях.

И какие здесь условия для национального единения? Здесь, если угодно, одни противопоказания. Но Александр II не остался безучастным к происходящему, не стал разводить руками, объясняя всё сложившейся конъюнктурой и неблагоприятными условиями. Нет. Он решил опереться на историю России, на то, что объединяет всех – и правых, и левых.

Богдан Виллевальде. «Открытие памятника «Тысячелетие России». 1864 г.

– Как тогда готовились к «году истории»...

– Подготовка к юбилею проводилась гласно, с задействованием всех административных ресурсов. Долго выбирали место празднования. Изначально, разумеется, был предложен Санкт-Петербург, столица. Были также предложены и Москва, и Киев. Александр II остановился на Новгороде, чем вызвал недовольство одновременно и аристократии, и интеллигенции. Ведь Новгород тогда, как, впрочем, и сейчас, – обычный губернский город, не столица, одним словом. Но именно Новгород стал центром торжеств, кульминацией которых было возведение памятника – единственного в мире, по-моему, памятника целому государству. И какого памятника!

– Как сложилась идея новгородского монумента?

– Сложившиеся к тому времени традиции позволяли предположить возведение в Новгороде памятника легендарному Рюрику как первому русскому правителю. Но созданный по именному повелению императора Комитет министров дал на этот счёт простой и ясный ответ:

«Призвание Рюрика составляет, без сомнения, одну из важнейших эпох нашего государства... Но потомство не должно и не может пройти забвением заслуг других своих самодержцев, полагая, что эпоха 1862 года должна быть ознаменована не увековечиванием подвига Рюрика, но воздвижением народного памятника «Тысячелетие России», где могли быть в барельефах или других изображениях показаны главнейшие события нашей отечественной истории...».

– То есть памятник не одному человеку и даже не сонму выдающихся деятелей, а тысячелетию России. Смелая идея!

– Умная. В результате победил проект 23-летнего Михаила Микешина, который радует нас своим видом и сегодня. Его проект был не только интересен с эстетической точки зрения, но и отвечал требованиям, объявленным на конкурсе: «*Памятник по своему внешнему виду должен соответствовать историческому назначению и отражать шесть главных эпох российской истории: основание государства, введение христианства, начало освобождения от татарского ига, основание самодержавного царства русского, восстановление самодержавного царства избранием Михаила Романова, основание Российской империи... Главная мысль сооружения: ознаменование постепенного в течение тысячи лет развития государства Российского*».

Лучше и не скажешь – «*постепенного в течение тысячи лет развития государства Российского*». Можно лишь добавить, что памятник Микешина стал не только олицетворением развития нашей государственности, но в значительной степени – повторил её судьбу. После революции большевики почти что разобрали его – помешала война, и уже немцы попытались уничтожить памятник, однако успели лишь разобрать его. После войны памятник был собран и... забыт. И в наши дни он напоминает нам о нашей великой драматичной героической истории.

– А что получилось у нас?

– Всё началось с того, что 2012 год был объявлен Годом российской истории. Как гражданин и историк, я могу это только приветствовать и поддерживаю, что называется, двумя руками. Само собой, что Год российской истории приурочен к 1150-летию русской государственности, которой были посвящены некоторые научные конференции...

– И всё этим и ограничилось?

– Есть ещё несколько результатов Года истории. В России создана ассоциация «Российское историческое общество», куда входит и наше объединение наряду с другими крупнейшими научными, общественными и государственными организациями Российской Федерации, чья деятельность направлена на развитие отечественного исторического просвещения. Такое собирание воедино небезразличных к российской истории людей и организаций – это, на мой взгляд, знаковое событие нашего времени.

На мой взгляд – замечательное начинание слишком скупо освещала пресса, что объясняется исключительно некоммерческими целями деятельности Российского исторического общества.

– В 2011 году тогдашний президент Медведев говорил о юбилее нашей государственности как о важнейшем событии. В чём же выражался государственный уровень празднования?

– О чём вы?! Обращу ваше внимание – события, о которых я говорил выше, стали возможны благодаря исключительно личным инициативам некоторых людей. Личным, понимаете? О государственной политике здесь говорить не приходится. Что, между прочим, видно и в равнодушном отношении к юбилею нашей бюрократической и бизнес-элиты. Из первых лиц государства на мероприятиях, посвящённых году истории. Присутствовал лишь председатель Госдумы Сергей Евгеньевич Нарышкин.

– Мы живём в эпоху громких заявок. Тратить силы на их реализацию просто забывают...

– А вот Александр II не ограничивался заявлениями! Он предпочёл опереться на историю своих предков, своего государства, своего народа. Историю – я не боюсь повториться, – объединяющую всех. Всякий человек в условиях кризиса ищет опору, это естественно. Просто надо знать, что имеешь и чего хочешь. Александр II знал.

– Сегодня мало кто чувствует себя наследником всей 1150-летней истории.

– В том-то и дело! Равнодушное отношение большинства российской элиты к 1150-летию российской государственности объясняется провалом нашей исторической памяти. Тут вина не только нашего поколения. Конечно, на наших глазах происходит кульминация исторической драмы, при которой современники не в состоянии почувствовать себя потомками великих предков. Но драма эта началась не сегодня.

Я бы определил эту проблему в трёх измерениях. Во-первых, во временном, или, если угодно, в хронологическом. Сколько лет нашей стране? В 1862 году считали, что тысячу. Позднее, где-то в 1987-м, считали уже – семьдесят. Большевики в первые послереволюционные годы были неистовыми борцами с преемственностью, насаждали ненависть к «проклятому прошлому», и инерция этого отношения продолжалась долго. Сейчас же нам говорят, что «наша страна очень молодая – ей всего двадцать лет». Как же, позвольте спросить, понимать это простому гражданину?

Далее – территориальное измерение. Вот вы спрашивали меня о государственном участии в юбилее. А о каком государстве шла речь? Правильно, о Российской Федерации. Тогда возникает вопрос – а Украина? А Белоруссия? Можно ли было представить в 1862 году, что Киев – мать городов русских – не сможет принять участия в праздновании 1150-летия русской государственности?

И, наконец, национальное измерение. От XX века нам достался раскол с русским зарубежьем и псевдонаучное дробление на нации, народы и этносы.

В русскую историю, которую изучали до 1917 года, помещалось всё. В современную историю Российской Федерации (бывшую РСФСР) помещаются лишь остатки идеологических конструкций прошлого, да к тому же – рухнувшие. Проблема единства русской истории фатально разъедает нашу историческую память, без которой нация (или народ?) становится неполноценной, подобно человеку, деградирующему без естественных рефлексов выживания и системы самоидентификации.

– Есть и иная точка зрения – мы слишком полюбили копаться в истории, упёрлись в прошлое. А нужно смотреть в будущее, модернизироваться...

– Что значит – упёрлись в прошлое? Да можно ли вообще – упереться в историю? Тех, кто не помнит и не знает своей истории, в России принято было называть «пошехонцами». Такие люди есть и сегодня, и в основе их взглядов на мир – невежество. В фильме «Рассказы» одна такая девица обиделась, что её считают невежей, и в подтверждение того, что она кое-что знает, заявила, что «Немцы во время войны аж до ИКЕИ дошли».

– Так какой же урок можно вынести из прошедшего юбилея?

– Есть такое правило, которое лично мне очень близко. Говоря о своём народе, стоит понимать, что речь идёт не только о ныне живущем поколении, но и о тех, кто жил прежде. И всё станет на свои места.

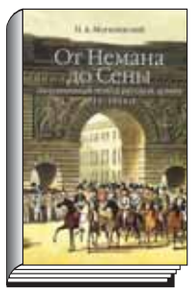
КНИЖНЫЙ РЯД

Ольга Чайковская.
Екатерина Великая. – М.: Яуза, Эксмо, 2012. – 432 с. – 2500 экз.

Недавно ушедшая от нас Ольга Чайковская – одно из блистательных перьев «Литературной газеты» XX века. Эту книгу она дорабатывала на 96-м году жизни. Это женский взгляд на историю великой императрицы. Автора мало интересуют войны и бунты, зато психологических подробностей здесь немало, есть и анализ законотворческой деятельности великой правительницы.

Читатель найдёт здесь и тонкие наблюдения за екатерининским пониманием Просвещения: «Она усадила вельможу рядом с мужиком». Монография написана увлекательно – как хороший роман. И – нет сомнений – будет переиздаваться.

Николай Могилевский.
От Немана до Сены. Заграничный поход русской армии 1813–1814. – М.: Кучково поле, 2012. – 304 с. – 2000 экз.



О Наполеоновских войнах в России написано немало, а уж к 200-летию кампании 1812-го и вовсе каждое уважающее себя издательство обратилось к этой благодатной теме. «Зачем нужна ещё одна книга о наполеоновской эпохе, когда их уже столько написано?» – задаёт вопрос автор. Его книга даёт ответ: не всё ещё понято и осмыслено.

Перед нами подробный анализ расстановки сил в политической элите 1812 года. И бесконечная череда проблем. Стоило ли России начинать поход в Европу? Как следовало выстроить отношения с союзниками? Здесь и повествование о боевых действиях, из которого ясно: главные события великого противостояния до сих пор остаются за пределами общественного внимания. Всё-таки судьбу Европы и России решили кампании 1813–1814 годов! К тому же, представьте себе, исследовательская книга написана понятным и доступным языком.

тысячелетнее государство

В конце 1993 года уже не в коммунистической, но пока ещё в советской Российской Федерации была свергнута советская власть. А преамбула и статья 1 (в разделе 1, главе 1) новой Конституции РФ, принятая 12 декабря 1993 года, стали выглядеть следующим образом:

«Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединённые общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость её демократической основы «...», принимаем Конституцию Российской Федерации.

Раздел I. Глава 1. Статья 1.

1. Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления.

2. Наименования Российская Федерация и Россия равнозначны».

12 июня 1998 года Президент РФ Б.Н. Ельцин в своём телевизионном обращении предложил переименовать праздник в «День России».

Мы видим, что у инициаторов и авторов этого процесса Россия чётко отождествляется сначала с РСФСР в составе СССР, а затем с РФ как таковой – самой по себе, вне всяких её внешних отношений.

Здесь мы видим заложенное ещё Декларацией о государственном суверенитете РСФСР и не разрешённое до сих пор противоречие. Исторически имя Россия всегда, до 12 июня 1990 года, относилось ко всей территории Московского царства, затем Российской империи и Советского Союза – при всех отличиях в их внутренней административной структуре и политическом устройстве. Но отцы-создатели РФ–России присвоили имя Россия только части этой страны, причём даже до её расчленения на политически самостоятельные части.

Противоречие ещё более усугубляет фраза из преамбулы Конституции РФ 1993 года о «возрождении суверенной государственности России».

К чему, к какому предмету в прошлом относится эта отсылка о возрождении? Что вообще означает весь этот набор слов? Во-первых, РСФСР суверенной государственностью практически не обладала, за исключением нескольких лет с 1918-го по 1922 год.

Но нужно понимать её исторический и политический смысл: эта государственность была провозглашена теми, кто её искусственно придумал, только с одной целью – она должна была послужить скорейшему образованию государственного союза, в котором должен был быть растворён её совсем юный суверенитет.

Во-вторых, и само это совершенно новое, невиданное доселе государственное образование назвали всё-таки не Россией, а именно Российской Федеративной Республикой, точно выразив его смысл: быть имеющим отношение к России федеративным союзом, но при этом не быть самой Россией. То есть тем, кто когда-то на время изобрёл и установил некое государственное образование в форме РСФСР, и в голову не могло прийти отождествлять его с Россией.

В-третьих, сама же Конституция 1993 года объявляет РФ–Россию трансформацией государственности одной лишь только РСФСР. Как же можно возрождать то, что никогда не прерывалось, не гибло, не исчезало? И как, на каком логическом основании можно отождествлять Россию с какой-либо её частью?

Приходится констатировать, что на сегодняшний день ни учёные – историки и политологи, ни философы, ни литераторы не выдвинули ни научной, ни философской, ни художественно-поэтической идеи, с помощью которой можно было бы преодолёть данное противоречие и которая была бы пригодна для того, чтобы быть положенной в основу нового, современного конструктивного исторического мифа о России, способного объединить наше общество в его самосознании.

И это первое соображение, которое необходимо учитывать тем, кто говорит сегодня о «российской истории». Не решив этого противоречия, невозможно понять, какое отношение имеют к истории России такие события прошлого, как Полтавская битва или первые космические старты с космодрома Байконур... Пока существует это противоречие, каждый раз, когда кто-то захочет говорить о каком-либо событии прошлого как о событии «российской истории», он должен будет специально пояснять, какое отношение оно имеет к России и к её истории.

Сохраняется пренебрежение очевидным положением вещей, согласно которому существование некой «России» внутри ли Российской империи, внутри ли Советского Союза, в которых был растворён её якобы существовавший до этого суверенитет, не подтверждается ни одним документом.

Так что же такое Россия конституций РСФСР–РФ 1990 и 1993 годов? Мы уже имели возможность убедиться, что Россия была отождествлена ими сначала с РСФСР, а потом с РФ буквально на пустом месте. Но, может быть, Россия этих конституций – это то, что осталось от исторической России после завоевания некоторых её территорий некими захватчиками? Тогда получается, что Конституция РФ 1993 года говорит о возрождении единой России на этих территориях! Что и в страшном сне не могло присниться её авторам.

Те, кто предложил отпраздновать 2012 год как Год российской истории, не могут дать нам сегодня ясного понимания того, что такое Россия. И это, наверное, неслучайно. Скорее всего, они и не хотят этого сделать. Потому что ответ на этот вопрос потребует обращения к проблеме единства русской истории, а она, в свою очередь, неизбежно приводит нас к проблеме единства русской государственности на протяжении 1150 лет со времени её летописного начала и особенно в последнее двадцатилетие. А эти вопросы очень неудобны для тех, кто присягнул двадцатилетней псевдо-России и связал с ней свою политическую и экономическую карьеру, забыв тем самым настоящую Россию, в которой все они родились.

Нужно поднять на новом уровне вопрос о единстве русской истории, как истории Руси–России, рассказанной самими русскими.

Михаил СМИРНОВ,
действительный член Русского исторического общества

ОБЪЕКТИВ

За всё, что испытал

Любая книга – разговор с читателем. Интонация автора в этом разговоре чаще всего и определяет наше отношение к книге. Мы либо хлопаем дверью-обложкой («Видали мы таких!»), либо устраиваемся поудобней и внимательно вслушиваемся в слова говорящего. И если его речь умна и не банальна, если он без занудства рассуждает на вечные темы или, выхватив из круговорота событий магический кристалл факта, наводит его на прошлое или будущее, то с таким автором-собеседником мы готовы и несколько дней провести, согласно кивая или азартно вскидывая палец: «Нет, не так всё было!»

В своей новой книге Даниил Гранин предстаёт именно таким собеседником – мудрым и весёлым, искренним и одновременно загадочным.

Вот Гранин вспоминает приметы жизни 20–30-х годов: булочную с горячими рогаликами, кадушки с творогом в бело-кафельном магазине, звенящие трамваи, дворников у запертых на ночь ворот, ломовых извозчиков, трубочистов, стекольщиков, хмурых часовщиков с лупами в глазах, штабели дров, сараи, шарманщиков, прачек с красными руками и едва слышно вздыхает: «Всё это исчезло, прочно позабыто, и ни к чему это помнить. Хотя из этого состояла наша жизнь». И сразу вспоминается жанр японской короткой прозы – дзуйхицу, в котором автор записывает всё, что приходит ему в голову, не особенно задумываясь о литературности: и мысли, и воспоминания, и сценки, и анекдот, и рассуждения...

Цитата: «Много было всякого, но и много не было всякого. Не было на улице негров, да и вообще иностранцев, они были редкостью, на стендах не клеили газет, газеты не бросали и всяких обёрток, кульков, целлофанов – ничего этого не бросали. Прохожие стали другие, мусор стал другой, время-дворник всё подмело».

Что это? Вздохи по прошлой жизни, по приметам молодости, по ушедшему времени?

Если бы так.

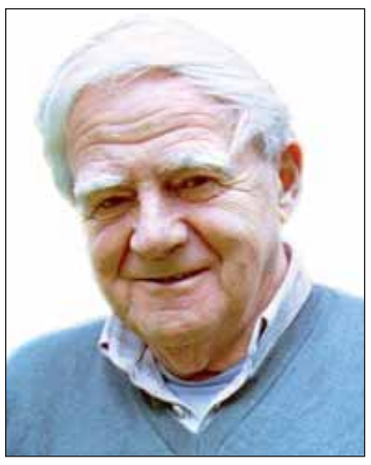
Не так прост Даниил Александрович, чтобы ограничиться вздохами по ушедшим временам.

«Есть книги особой судьбы. Литературно не бог весть каких достоинств, а то и просто посредственные, однако почему-то они производят волнение в обществе. Все читают их, обсуждают, они будоражат умы, и не одного поколения, так что трудно тут всё сводить к моде. Примеров таких в нашей русской литературе несколько. Взять хотя бы «Что делать?» Чернышевского. Его мы проходили в школе. И Добролюбова проходили. Учили сны Веры Павловны. И то, как Рахметов спал на гвоздях. Школьная программа была следствием того, насколько впечатлил этот роман Россию. Отчасти то же самое вызвал роман Тургенева «Отцы и дети». Сегодня «Что делать?» не читается – наивно, беспомощно, скучно.

Были в советской литературе похожие сотрясения, баллов поменьше, но были. Вспоминается «Время, вперёд!» Катаева, «Как закалялась сталь». <...> Сотрясали поколения не только русские книги. Был для России потрясением «Овод» Войнич, была «Хижина дяди Тома». За полтора столетия наберётся кардиограмма весьма показательная, как менялись интересы, пристрастия, вкусы общества».

Порассуждал автор о вещах простых и понятных и пошёл дальше, а тебя уже тянет «догнать» его и порассуждать о построении графика-кардиограммы по современному срезу литературы, о навязанной читателю «книжной продукции», о спроектированных кумирах и «талантах». И дзуйхицу по Гранину складывается в мозаику с философскими иероглифами – разгадывать их интересно и поучительно.

В своих последних книгах Гранину удаётся позабавить и себя, и читателя играми со временем. Вот мы входим в абзац, где военная история начинается от первого лица, а через несколько строк заканчивается в третьем лице, и герой-рассказчик уже отстранён за прозрачным инициалом Д., и смотрит на него писатель из дней нынешних. Семьдесят лет изящной спиралью завёрнуто в одном абзаце!



Гранин Д.А. **Заговор.** – М.: ЗФО «ОЛМА Медиа Групп», 2012. – 320 с. – 4000 экз.

Кстати, о прожитом времени. «Судьба подарила мне долголетие, – рассуждает Даниил Гранин. – Как я использовал это? В конце жизни, подводя итоги, – недоволен. Наверное, довлеет арифметика – мало написал, главного не написал и т.п. Но ведь кроме стола была ещё жизнь, с дружбой, любовями, путешествиями. Конечно, можно было написать и больше и, может, лучше. Но за счёт солнца, моря, смеха...»

Многое хочется выписать из этой книги, процитировать. Собственно из цитат жизни книга и состоит: истории, неожиданные воспоминания, разговоры, случаи из жизни, рассуждения...

Например, такое. «Очень важно, чтобы литература тревожила человеческую совесть. Литература вообще делится на два типа: одна убаюкивает совесть, а другая её тревожит. Если литература стремится к нравственному воспитанию людей, она должна совесть тревожить, должна, как говорил Достоевский, «пробить сердце». И чем благополучнее у человека жизнь, чем она более сытая, тем совершить это труднее».

Или читает Даниил Александрович редчайшую книгу Р. Пихои «Советский Союз: история власти», напечатанную тиражом всего в 100 экземпляров, и удивляется: «Автор возглавлял Архивное управление, ему были доступны самые запретные прежде материалы. Книга была полна для меня открытий». И мы удивляемся вслед за Граниным: «После смерти Сталина, оказывается, первым, кто решился на проведение реформ, был Берия. И каких реформ! <...> Он считал, что всё должен решать не ЦК партии, а Совет министров, ЦК пусть занимается кадрами и пропагандой. Он, например, настоял на том, чтобы на демонстрациях не носили портреты вождей, не украшали ими здания. Кстати, отнюдь не мелочь для того времени, это было покушение на обрядовое почитание, портреты носили как хоругви. Он обратил внимание на фальсификацию «дела врачей», и «ленинградского дела», и «дела об убийстве Михоэлса»... Но выводы из удивительного открытия следуют жёсткие...

Есть в книге и возвраты к блокаде, к истории написания совместно с А. Адамовичем «Блокадной книги», которая, кстати сказать, была недавно переиздана в бесцензурном варианте. «Оказавшись в той невероятно жестокой ситуации, ленинградцы вели себя именно как ленинградцы – я имею в виду не «географическое» значение этого слова, а его, так сказать, нравственный смысл. Да, за ними стояли и Пушкин, и Блок, и Глинка, и Чайковский, и всё это давало людям новые нравственные силы, когда физических сил уже не оставалось. И то удивительное достоинство, с которым люди умирали, тоже содержит в себе понятие «ленинградец»... Мы с Адамовичем считали, что такие истории должны тревожить человеческую совесть. Жить среди душевного благополучия и безразличия литература не может. К тому же эта работа показала нам, насколько жизнь богаче, сильнее и ярче художественной литературы. Понятие «художественная литература» употребляю в том смысле, что если бы я писал о блокаде: никогда не смог бы придумать ничего сильнее, чем вот эти безыскусные рассказы, из которых тоже складывается понятие – подвиг Ленинграда».

Книга ласковая, суровая, трогательная, нежная, беспощадная, её хочется листать, перечитывая главки и отдельные абзацы...

Почему же она названа «Заговор» – по одноимённой новелле, рассказывающей о том, как свергали Н.С. Хрущёва? Возможно, автор хотел припечатать этим названием всю политику, весьма характерную для нашей жизни со времён Древней Руси. Возможно. Но он оставил для себя и читателя трогательные размышления, названные в книге «Последнее». Они об ответе на вопрос друга, какими бы словами он хотел закончить свой земной путь. «...Ответ был интересен прежде всего мне самому. Они были разные, но всё вдруг сошлось в одно: «Спасибо». За всё, что было, за всё, что испытал, видел, успел».

Да, упомянутый жанр дзуйхицу предполагает и философско-грустное. Но жизнь и творчество нашего современника, к счастью, продолжаются. Будем ждать новых книг – они пишутся.

Дмитрий КАРАЛИС

ЮБИЛЯЦИЯ

Ни на шаг и ни на миг

Старейшему сотруднику «ЛГ» Юрию Баранову – 80!

Юрий Баранов – один из тех, о ком говорят «дети войны». Это очень сильные люди, а самое главное – преданные государству Российскому. Их вырастила война, а победа дала крылья. Поколение победителей и поколение, выросшее в перестройку, – это два разных народа. Баранов об этом говорит парафразом советской песни:

Всё равно другие не умеют
Лучше нас смеяться и любить.

Баранов – выпускник Московского электротехнического института связи. Работал на оборону страны. Зрелым уже человеком Юрий Константинович становится журналистом. Корреспондент «Труда», «Водного транспорта», «Экономической газеты», ТАСС, «Голоса Родины», «Подмосковья», «Литературной газеты».

Поэт Юрий Баранов заявил о себе в 1990 году. Вот только его кипящие любовью и ненавистью стихи и такую же обжигающую сердце прозу никак не назовёшь творчеством ушедшего на отдых пенсионера. Правду сказать, в пенсионерах наших огня и жизни больше, чем в поколениях, призванных ныне стоять свою вахту. Работа для денег – это не то, что работа-свершение, работа ради великой мечты, ради человечества. Одно горько: и стихи эти, и проза изданы тиражами, которые сами по себе обличительны для властей и унизительны для культуры русского народа.

А ведь повесть Баранова «Династия» можно назвать художественным учебником по политологии русской жизни XX века, образцом современной саги: одно за другим поколения Поквановых успешно приспосабливаются к морали нынешнего дня, а это не что иное, как беспредел, попрание жизни соотечественников. Другая же повесть цикла – «Альбом» – по сюжету и художественности вполне сопоставима со знаменитым «Крёстным отцом».

Многолетняя работа в «ЛГ» давала возможность Юрию Константиновичу отражать культурную жизнь Подмосковья, сохранять очаги культуры в условиях разрушительной приватизационной волны. И можно верить, что жизнь поэта и писателя никогда не была лёгкой:

Не довелось, я никогда не жил
Среди тургеневско-толстовских декораций,
Но часто, часто приходилось мне взбираться
На достоевские крутые виражи...

И всюду – бесы!
Сколько ж было их!
Но – на бесовских лжекумиров не купился,
От веры в Пушкина ни в чём не отклонился,
Ни в чём, ты слышишь, ни на шаг и ни на миг.

Дорогой Юрий Константинович, сколь много людей заставили Вы своим творчеством полюбить Вас. А скольким молодым талантам Вы помогли, чтобы их услышали! Ну и если добавить ко всему этому и ваше личное обаяние и компанейский задор, Вы – тот огонёк, который светит во тьме ночной всем жаждущим родного света и родного тепла.

Владислав БАХРЕВСКИЙ, Андрей ГАЛАМАГА, Александр ШАРИПОВ, семья АРУТЮНОВЫХ, семья ГЛАЗКОВЫХ

«ЛГ» присоединяется к поздравлениям!

КНИЖНЫЙ РЯД

Проклятое достояние

Что мы знаем о водке? Да почти ничего...

О самом известном русском напитке написаны сотни, если не тысячи книг. Количество газетных и журнальных публикаций о ней и вовсе не поддаётся подсчёту. И вот – очередное издание. Сразу напрашивается вопрос: а можно ли вообще что-то новое сказать по данной теме? Оказывается, можно. Особенно если подойти к делу ответственно, перечитать гору тематической литературы, вникнуть, что называется, в процесс. А если уж за перо берётся профессиональный писатель, да ещё и «историк водки» (именно так называют Бориса Родионова), то нас, несомненно, ожидает интересное чтение.

Борис Родионов. **История русской водки от полугара до наших дней**. – М.: Эксмо, 2012. – 336 с.: ил. – 3000 экз.

С первых же строк автор не просто заинтересовывает, но и удивляет нас: *«...истинно национальным крепким алкоголем на Руси была отнюдь не водка, родившаяся только в конце девятнадцатого века, а совершенно иной напиток, ныне забытый – хлебное вино, или полугар»*. Позвольте, какой ещё полугар? Про то, что водку когда-то называли вином, мы ещё слышали, но – полугар? Что это вообще такое? А это эталон крепости водки (хлебного вина) в Российской империи (около 38% спирта по объёму). Название происходит от метода измерения: *«определяется таким образом, чтобы, влитая в казённую заклеймённую отжигательницу, проба онаго при отжиге выгорела в половину»*... А привычное нам слово «водка» появилось на бутылочной этикетке только в 1936 году! *«Хлебное вино*, – продолжает автор, – *...не имело в мире аналогов и представляло собой действительно русский национальный напиток, традиции изготовления которого основывались на многовековом опыте российского винокурения»*. Выходит, то, что мы пьём сейчас, – суррогат? А мужики-то не знают...

Впрочем, не знают в нашей стране многого, а массу мифов, связанных с крепким алкоголем, Борис Родионов легко развеивает. Так, к примеру, бытует мнение, что «крёстным отцом» современной водки является гениальный русский химик Дмитрий Иванович Менделеев, поскольку именно он якобы обосновал её крепость в 40%. А на самом деле он *«не имеет никакого отношения к этой крепости и к водке вообще, а крепость в 40% ввёл в качестве государственного стандарта министр финансов М.Х. Рейтерн в 1866 году»*.

Также разоблачается миф о традиционном русском пьянстве. Вот что пишет автор: *«Россия вышла на первые строчки в рейтинге наиболее пьющих стран лишь начиная с 50-х годов прошлого столетия. До этого, например, к 90-м годам XIX века по потреблению абсолютного алкоголя Россия была всего лишь на предпоследнем месте (меньше пила только Норвегия), а по потреблению крепких напитков (типа водки) была на 8-м, отставая от лидера – Дании – почти в три раза»*. Вывод очевиден и довольно печален: утрата культуры питья и привела в итоге к алкоголизации огромной страны.

«Мне удалось воссоздать русский национальный напиток, ничуть не уступающий напиткам других народов, а, на мой вкус, во многом их превосходящий, также разобраться в причинах его исчезновения», – утверждает Родионов. И действительно, на протяжении всей книги он доказывает, что хлебное вино (полугар) и водка – это разные вещи. Здесь можно найти ссылки на другие работы по тематике, ознакомиться с дореволюционными меню, таблицами сравнений и технологиями приготовления алкогольных напитков, узнать много нового о традиционных закусках к застолью, проследить процесс развития винокурения на Руси. И, между прочим, никакой пропаганды пьянства! Автор отмечает, что водка – это не только наше национальное достояние, но и проклятие.

Говорят, что сегодня читают гораздо меньше, чем ещё лет 20 назад. Особенно равнодушны к чтению люди занятые, погружённые в работу с утра до ночи. И давно уже книга перестала быть желанным подарком. Но это издание, отпечатанное на качественной бумаге, со множеством иллюстраций, действительно послужит отменным подарком и другу, и знакомому, и неприветливому боссу. Каждый найдёт в этом солидном томе что-то новое для себя и непременно поделится новоприобретёнными знаниями с окружающими. Эта книга просто обречена стать бестселлером в нашей стране.

Игорь ЧЕРНЫШОВ

Книги, присланные в редакцию

Александр Сегень. **Поп**. – М.: Вече, Грифъ, Лепта Книга, 2013.

Александр Пересвет. **Русские – покорители славян**. – М.: Вече, 2013.

Александр Пересвет. **Русские – собиратели славян**. – М.: Вече, 2013.

Русские предания / Составитель И. Кузнецов). – М.: Вече, 2013.

Юлия Вознесенская. **Паломничество Ланселота**. – М.: Лепта Книга, Вече, Грифъ, 2012.

Виктория Балашова. **Шекспир**. – М.: Вече, 2012. – (Всемирная история в романах).

Анна Ветлугина. **Небесный град Карла Великого.** – М.: Вече, 2012. – (Всемирная история в романах).

Борис Керженцев. **Окаянное время**. Россия в XVII–XVIII веках. – М.: Вече, 2013. – (От Руси к империи).

Фумико Дэвис. **Семья Толстых.** – М.: Русь-Олимп, 2013.

«Я и есть тот самый бомж»

Я, наверное, до недавнего времени был одним из немногих, до кого прорывался по телефону надтреснутый голос Юрия Могутина: «Стихи лезут и лезут. И ничего они мне не приносят: ни кола ни двора. Только звёзды считаю. И зачем они лезут, кому нужны? Сам, как таракан морёный, таблетки горстями глотаю. Едва ползаю. Едва говорю».

Интонация полной безнадёжности, опустелости: вот, кажется, прободила грудь невидимым шильцем разбойная рука, и весь живой воздух из нутра истёк, и неоткуда крупице радости взяться на сердце – так глухо, неотзывисто впереди.

Съёмный дворишко в Мичуринце, убогость лезет из каждой щели, травяная ветошь подпирает порог, дышит сквозь рассевшийся пол заосеневшая земля, тянет исподнизу стужей, как из ледяной погребицы, шуршат по обоям тараканы, нацеливаясь на босые пятки хозяина, и мышахлопотунья, которую некому унять, так и норовит спроворить последний сухарик, чтобы до утра шебаршать в дальнем углу хлебенной коркой.

Уже лет десять, как снял Могутин это норище, наверное, последний прислон, последний сиротский полустанок полуслепому, изжитому старому поэту; и ехать, братцы, некуда, и бросать эту землю Господь не велит: де, терпи, богоданный. А чемодан так и стоит неразобранный возле кровати, с приотпахнутой крышкой, словно бы ждёт окрика – пора съезжать...

А как хочется услышать тёплого голоса с небес в этой бесконечной ночи, чтобы Христос навестил, встал в дверях, насулил праздника; но Его всё нет и нет; а отяжелевшие яблоки так гулко падают за окном в чужом саду, будто сколачивают гроб за ближним углом на улице Карла Маркса. Прошлое совсем рядом, и грядущее уже у порога. Но душа-то не замирает, она молода, она полнится пережитым: и дождь ли обложной за окном, иль вызревшая багровая луна, прильнув к окну, просится на постой, иль зимний ветер-сиверик воет тоскливо, с причетами, нанося в углы серебристую снежную мучицу, – всё это, несмотря на тягость быванья, полно незамираемых чувств, красок, оттенков музыки печальной, всё просится в строку, хотя бы только что накануне из больнички приполз.

В больничной палате,
в чужом маскхалате,
В палате, где нас – как рабов на галере,
Гребу среди стонов на узкой кровати.
Учусь ежечасно терпенью и вере…

Меж смертью и жизнью
здесь нет разногласий.
Пропитаны болью, пульсируют стены.
Болезнь ни больных, ни больницы
не красит.
Поддатый прозектор выходит
на сцену.

Меня, как и вас, разыграли по нотам.
Попавшим сюда не прорваться
из круга.
И вы, либералы, и мы, патриоты,
Равны перед смертью и стоим
друг друга.

И снова стеснительный голос в телефоне. Боится Юрий потревожить навязчивостью, неловко ему, что вдруг не ко времени влез со своими переживаниями, такими обычными для нынешней страны: «Володя, прости. Не помешал? Может, не ко времени? Жизнь – галеры. Приковали – и гребу за тарелку пенсионного супа. Крупинка за крупинкой гоняется с дубинкой... Зачем живу? Чего жду? Бомж, настоящий бомж. И никому не нужен. Мне больше не с кем поговорить».

От такого внутреннего неустроя, душевной разладицы как не возопить, позабыв на время о гордости и мужестве: «Боже, Тебе звонит бездомный один человечек: Мне бы супчика с хлебом, Ласковый, добрый Боже! А в ответ: «С вами говорит автоответчик. Абонент недоступен. Перезвоните позже...»

Могутин – верный поклонник поэзии, и потому Господь не отнимает у него ни ума, ни души, ни таланта, ни сердечного многочувствия. Ему и нужен ответный отклик-оклик, чтобы удостовериться, что в земной жизни не одинок, не иголка в сене, которую не сыскать даже самому сердобольному доброхоту. Капля участия нужна. А весь скудный быт, куда задвинула его судьба, Могутин, не сознавая того, переможет, перетрёт, лишь бы Господь не отнял у него дара, а если поэтический родничок струит, не засыхает, значит, и жизнь вершится по высшей задумке. И это самое главное, чем обнадёживается, укрепляется в своём предназначении поэт, тот самый якорь спасения, которым можно зацепиться при крайней нужде за придонный камень-Одинец, когда обречённо стаскивает тебя течением жизни в небытие. И если жалуется мне Могутин на невыносимые скорби, то лишь в исполнение древнего научения: «Бог слёзы любит, любит жалобы, уединённые молитвы-просьбы пред иконою. Ведь если дитя не плачет, то и мать не разумеет».

Могутин часто обзывает себя «бомжем» лишь от потерянности, от ненужности народу, кому изливает свою душу, а родина, а государство, а собратья по литературному ордену не слышат его судьбы. Под чугунную плиту равнодушия и оглушающей нищеты ныне угодили миллионы, и это главное испытание человеку от Господа. Дескать, терпи, бажоный, и спасён будеши во веки веков. (Тут Церковь в выковке цепей невольно сбежалась с либеральной властью, отрицающей Бога.) И вот каждый несчастный, униженный и оскорблённый доживает сам по себе, как судьба помирволит. (Таково главное свойство либерального мира: рассыпать народ, превратить в песок. По самонадеянному признанию либералов: «Бог даёт деньги умным». Все остальные для них – быдло, плесень, иссыхающая при первых лучах ростовщического солнца. Ибо и солнце, оказывается, тоже восходит лишь по воле процентщика, умеющего ковать деньги.)

Но ошибаются они, помрачённые золотым тельцом. Ибо здание государства, отечества, родины, нации складывается не из фабрик и заводов, а из слов живых. (Ибо слово – это душа.) А для немых людей, легко меняющих совесть на бутерброд с икрою, слово – это песок, гравий и глина под стопами «человейника», чтобы вымостить ему дорогу в ад.

Под утро, когда последние строки, как колёсные пары паровоза, отдаляясь, ещё стучат в мозгу, и вспыхивает животный ужас: Боже мой, один на весь белый свет – кричи, не докричишься, словно заплутал в сибирских суземках, и солнце вдруг схитили бесы навсегда. Самое печальное и невыносимое – сбиться с путика, и весь мир тогда вдруг становится короче воробьиного носка, и анчутки слетаются отовсюду и жадно цепляются за пяты.

А потерять дорогу, свалиться под выскеть, в лесной бурелом так легко. Нахальные тварюшки скоро выпьют и выкрикнут из людской памяти. Вот и глаз один вытек, вставили стеклянный, и тот скоро выпал из глазницы, закатился в щель. И второй зрак покрыт туманом, рука вот отсыхает, ноги едва носят. А стихи приступают ежедень, будто «каппелевцы на Чапая».

Бомж я, несчастный бомжара…
Что же ты, Родина, мстишь
неразумным Гайдаром?
Не мазурка – пляшет мензурка в руке.
Я из тех «неуспешных», кого хазары
На голодном держат пайке.

...Юрий Николаевич, и никакой ты не «бомжара», несмотря на всю стужу и нужу, но человек, достойный поклонения. Бомж порывает с духовным миром, с картинами детства, с любовью, семьёй, с Богом, он отпускает свою душу на волю, ибо на том «дне», куда попадает, душа – страшная помеха. Бомж погружается в животное, звериное качество, откуда с таким трудом выполз когда-то человек, он выпадает из чувственного мира в бесчувственное, теряет Христов образ и не только изгоняет Бога из груди, но и утрачивает всякое желание походить на него; он смиренно, покорно источается плотию, как луговая трава, ждущая косаря. Это не блаженный и не юродивый, не калика перехожий, не милостынщик с зобенькой Христа ради, которые ни на минуту не забывают Сладчайшего. Грань близка, но непреодолима.

Поэт же живёт воображением; при малейшей попытке убежать в изгои, погрузиться в городские теснины он невольно теряет связь с небесами, откуда и навещают чувственные стихиры. Поэтому, наверное, и нет в истории литературы ни одного поэта (я не знаю), который бы упал в самые низы и порвал со стихами; он скорее сведёт счёты с жизнью, чтобы не надоедать миру своим присутствием, своей болью.

Хотя с образом бомжа ты пытаешься слиться (умственно); тебе с ним, наверное, приятно бы поладить, хотелось бы оказаться в одной упряжке, переломить один хлебец, испытать презрение и отчуждение сытых, тех, что надменно проходят мимо в бобровых шубах, – только бомж не переживает так остро от своего бездомья: это закалённый человек, он находит сугрев в подвале, в котельной, в собачьей будке, на дне бутылки. И потому это лишь умственная спайка. Бомж не боится оказаться в безымянной ямке. Он «цивилизованный» быт обменял на звериную волю. Можно жалеть бомжа, мысленно напяливать его шкуру, но никогда не понять его сущности. Пока сам не опустишься на то самое дно, когда-то красочно описанное Гиляровским и романтизированное социалистом Горьким, жившим на Капри.

Не странно ли: стихи отнимают последние силы, но вооружают душу и продлевают жизнь. И в этом тоже исполняется древний завет: «Трудись, и твоя жизнь протечёт незаметно». Без труда, без чтения добрых учительных книг человек умирает ещё при жизни, превращается «в гроб ходячий повапленный».

Я пытался в меру своих крохотных возможностей подставить Могутину плечо. И Литфонд не только посулил, но уже выделил поэту дачку, – старенькая, убогая, но жить можно. И пока-то собирались привести хатку в божеский вид, неторопливо искали денег, власть в Литфонде рейдерским захватом оголтело, бесцеремонно присвоила команда Куняева и принялась делить свободное житьишко в Переделкине меж своими опричниками, согласно куняевскому революционному лозунгу: «Добро должно быть с кулаками, чтобы летела шерсть клоками». Шерсть полетела с Могутина: и так-то, сердешный, старостью и нищетой обструганный, одна худоба, и никакой в нём родовой сказочной могуты, как про себя пишет Юрий: «щуплый дистрофан». И поэту категорически отказали в помощи, дескать, никогда в Переделкине крышу над головой не получишь, ибо дружишь с Личутиным, а он – наш враг. При лихорадочной делёжке писательских «убожищ» куда-то сразу улетучились и патриотизм, и сердоболие, душевность и православная поклончивость, национальная спайка и дружинность, которые так ценились прежде в России. И забылось народное правило: «Жалость выше закона». Но разнеслись по столице куняевские истеричные причитания: «Мне дачу!.. Почему им, а не мне?.. Я тридцать лет прошу, а мне не дают». И тут Бог сразу решительно отступил на дальние задворицы и затерялся в потёмках души. Да и был ли Он когда?

Зря мы полагаем, что вовсе окоростовел народ; больше внушают нам о нашем негодяйстве телекликуши: де, испроказились русские, и нет им места под солнцем. Подхватились к ним в лад «новообращённые», поменявшие партийный билет на церковное причастие и с той поры уверяюще, что для России место в райских палестинах, де, давно уже поджидают Там при царских вратах.

Хватит каркать, чужебесы, и наносить гиль и срам на родную землю; войдите в ум, кобыльники, шляющиеся по иноземным задворкам за даровой коврижкой. Там, видите ли, сдобные пироги да пышки, а у нас из глины постяные коврижки. Неиссякаемо на русских просторах добрых душ...

В середине 90-х трудно было выжить. Либеральная революция оказалась фарсом (сыром в мышеловке), но ужасные итоги её (русский крест) сравнялись с потерями в Гражданскую войну.

В общем, жили мы в деревне натуральным хозяйством, маленькие дети, окончательно прижало деньгами, на хлеб нет. Жена впала в уныние. Я утешаю: де, не печаться, Бог не оставит. С этими словами выхожу в палисад, из почтового ящика торчит конверт из Санкт-Петербурга. Распечатываю, а там десять тысяч рублей и договор, по которому некий институт по изучению «резервов выживания русского человека» – был и такой – обязывался высылать каждый месяц зарплату. Я спешу в избу, потрясаю хрустящей купюрою и кричу: «Дуся, а ты сомневалась, что Господь поможет!» И отправились на ближайшую станцию, и купили мешок сахарного песку...

Я верю в постоянство русской натуры; что созидалось тысячи лет, нельзя коренным образом испроказить за двадцать. Хотя в каждом поколении какие-то перемены могут случиться. Коренные же черты (основание натуры) исчезают лишь вместе с нацией. Да, убеждения каждого из нас зыбкие; но стоит шатнуться в вере в народ – и всё пойдёт наперекосяк, пока не опомнишься ты.

...Вот сильно поглянулись Олесе Николаевой, замечательной поэтессе, стихи Юрия Могутина, человека, прежде вовсе не знакомого ей, и она со всей искренностью принялась двигать их на премию им. Горького. Никто не понуждал Олесю, не увещевал, не подходил с тайными подачами, чтобы улестить и склонить награду на свою сторону. Ведь всякое доброе дело творится в тиши. Лишь однажды позвонила мне Олеся и вдруг попросила: «Володя, ты дружишь с Могутиным. Знаешь, я прочитала его стихи, и все другие поэты-выдвиженцы сразу померкли. Я в комиссии по Горьковской премии. Напиши, пожалуйста, рекомендацию...»

Что и было сделано.

А мы частенько вопим, не желая оглянуться окрест с непредвзятым сердцем, что все продажны, всё в стране куплено и кругом хозяинует волосатая лапа. Ан нет, братцы мои. Когда мы так думаем, это чёрная немочь овладевает нами и душевная немота...

Юру словно молнией «ошавило» с небес по кручинной головушке. Звонит мне: «Ночь не спал. Не могу поверить... То смеялся, то плакал. Это какая-то ошибка вышла. Чтоб в конце жизни – и заметили. Да нет, такого просто не бывает. Володя, неужели я чего-то стою?»

А внутри-то себя, в глубине души, твёрдо знает, что стоит всяких почестей, и как бы ни обегали они стороною, но вот споткнулись и повернули в его сторону. Главное, первый раз разговеться, примерить лавровый венок – по Сеньке ли шапка.

Но я об этом умолчал, чтобы не наводить лишней смуты.

Почти с теми же словами он признавался на вручении: «Да кто я такой?! Чтобы мне – и премия Горького. Я ночь не спал, всё в памяти перебрал, чем я так отличился?.. Жизнь не сахар, крепко наступала по башке».

Охраны было в фойе ресторации, где собралась редакция журнала «Литературная учёба», – плюнуть некуда, невольно угодишь в «штатского» борцовского сложения иль в большое литературное имя. Эти-то уже знали, что будет супруга нынешнего президента, попечительница премии, а значит, и гостевой стол (фуршет) соберут по высокому разряду. Только я, глухня, оставался в неведении, усевшись в конце залы. И когда разглядел Людмилу Путину, церемония почти закончилась. Это была миловидная женщина русского покроя, с благожелательным лицом и кудрявой собачонкой на коленях.

С Юрием Могутиным она разговаривала отдельно: «Вот вы такой замечательный поэт, Юрий Николаевич, а всё в ваших стихах грустно, печально, уныло, и никакого праздника. И постоянно какие-то бомжи... Что, разве хороших людей в России нет?» – спросила участливо.

«Может быть... Но я и есть тот самый бомж», – проскрипел Могутин, побурев лицом.

А в конце разговора передал супруге президента, как ему насоветовали, «слезницу». Самый подходящий момент.

Здесь от сюжета мы ненадолго отвернём в сторону.

Роман МУХАМЕДЖАНОВ

Таких не берут в космонавты

Отец-дипломат в 1938 году был приговорён к высшей мере, заменённой 25 годами лагерей. Мать, студентку Щукинского театрального училища, с годовалым сыном выслали на «101-й километр» под Можайск, где и застала их война. И начались скитания по Руси. День Победы встретил в Заплавинской сельской больнице, где вытаскивали из дистрофии. В конце концов из Средней Ахтубы в полном отчаянии подались в Сталинград – не лучшее для житья место даже в послевоенную пору, когда, казалось бы, все жили одинаково.

Первой их квартирой стал ржавый трамвай, для тепла закопанный в землю. И началось медленное врастание в суровую жизнь. Собирал в развалинах шампиньоны – тогда многие ребятишки в поисках грибов подрывались на минах. Повезло Могутину, значит, Бог пособил, крепко взял за руку, не однажды спасая от гибели, «приходил на помощь в самые страшные моменты». Не зря соседка, бабушка Востричиха, крестила Юрку в деревянном Заплавинском храме.

По-разному дети воспринимают лихо; некоторые легко, как бы играючи перескакивают беды, не запинаясь о них душою, а иные же встречают остро, обозлённо, как неправедное наказание, накрепко запоминая всякую неудобь, что угодила под ноги. Как вспоминает Могутин, «синдром Маугли» – этот смертный страх перед голодом и ощущение враждебности мира – ещё долго, на протяжении всего моего детства, преследовал меня».

(Самое гнусное в либеральной революции 91-го не только то, что она ограбила бедных, но она пресекла путь предвоенного поколения, обрекла на новую нищету, горе, бесправие, когда уже вроде бы попритухла память, стёрлись трагические страницы военной нужды, – но заставила повторить земные страсти, такие невыносимые для простеца-человека, совершенно лишние для одной судьбы. И Сталин тут уже ни при чём... Это насмешка дьявола.)

«Бывают эпохи, которым нет дела до человека. То была война, и государству было не до нас. И слава Богу! Враждебная мощь режима была отвлечена на внешнюю угрозу. Это и спасло меня от Карагандинского лагеря для малолеток – удела детей «врагов народа» – так предположил позднее Юрий Могутин.

Правда, лишения переносило всё военное племя: и те, кто истаивал в ледяном блокадном Ленинграде, и те, кто выживал на Северах, используя все таинственные резервы русской натуры. Многие на моей Мезени, считай, через дом, потеряли на войне отцов, с ранних лет впряглись в тягловую лямку, а ещё через дом скоро выплодились от военных вдов «сколотные», «выблядки», пополняя народом изнищенную, крепко прореженную Русь, – но весёлый смех, но заливистые песни не покидали крестьянского мира, несмотря на лишения. Видимо, клеймо «ЧСВН» (член семьи врага народа. – **Ред.**) особенным образом впечатывается в душу ребёнка, навсегда оставаясь в ней, вместе с постоянной подозрительностью к живущим рядом. Наверное, это особенное, неповторимое чувство отверженного, лишнего, прокажённого понятно лишь испытавшему подобную участь. Хотя внешне судьба ребёнка без особых препятствий вплетается в общее жизнеустроение страны, и нет для него никаких особых препон и рогаток в исполнении замыслов и мечтаний. Но чувство отмщения, зародившись в ранних годах, отчего-то тлеет до преклонных лет даже у истинно верующего православного человека. (О том же сокрушается Игорь Золотусский в замечательной книге воспоминаний «Нас было трое».)

Вот и Могутин в старости ворошит прошлое, словно бы боится прогнать в забвение, растравливает душу: надо бы мстить за прошлое, но кому? Либералы, перекроив под себя коммунистический сюртук, так злорадно, так садистски законопатили страну ужасами и всеобщим разволом, что пережитое уже кажется сдобным кренделем. И вроде бы с горечью вспоминает поэт минувшее, но, боже мой, оно так странно, так безрадостно напоминает нынешнюю подлую чиновничью систему. Ибо ростовщик – подручник дьявола.

Шёл нечётный дождь во тьме босиком,
Шёл состав в железных своих башмаках,
Посыпая рельсы для сцепки песком,
Пар и свист копя в железных кишках.

Шёл состав из нечётных вагонов в ночь,
Отбивая такт нечётной ногой,
Увозя калек и лишенцев прочь
В вагонзаках, исхлёстанных злой пургой.

И когда назначали меня во враги,
Расстарался дотошный отец-закон:
Коли ты родился не с той ноги,
То и светит тебе нечётный вагон…

Юрий Могутин – анахорет, келейный отшельник, он сам себя незаметно уловил в сети одиночества. Поэтический материал он черпает из пережитого, и одного взгляда в заплаканное иль заснеженное оконце, иль залитое мглою хватает, чтобы до слезы обострить чувство тоски и печали. Люди почужели, их уже невозможно выносить, от них трудно ждать что-либо, кроме злорадства и насмешки. Как вспоминает Юрий Могутин: «Я так и не научился ладить с людьми, а чувство страха, загнанное вглубь, постоянно напоминает о моём происхождении». («Я обнаружил...») В таком состоянии, конечно, трудно, почти невозможно коротать сиротские дни. Но тут в укрепу поэту душа-то и запела стихами. И все журналы России принялись широко печатать Могутина.

...А теперь пора вернуться к сюжету.

Людмила Путина прочитала «слезницу» Могутина, пригласила для разговора. О чём вели речь, он умолчал, а я и не добивался откровений. Только через короткое время позвонили ему из жилищной конторы и вежливо спросили: де, в какой квартире и в каком районе Москвы вы бы желали жить? «Да в любом, лишь бы крыша над головою!» – вскричал поэт.

«Неужели не обманут, неужели это правда?» – голос Могутина в телефонной трубке заскрежетал и пресёкся. Я понял, что его душит волнение.

Месяца через два звонит: «Получил квартиру, замечательную... Спасибо Людмиле Путиной. Социальное жильё до смерти. Правда, народ кругом, миллионы машин, невозможно дышать. Теперь надо как-то устраиваться на новом месте: ложки, чашки, поварёшки. Худо хожу, плохо вижу. Возвращаюсь домой, сердце тормозит. Подхожу к унылому своему приюту, где столько лет пробомжевал, – и так вдруг легко задышалось. Вот тебе и на, Володя: там задохнусь, тут – замёрзну. Что делать?»

«Переезжай и не медли! – невольно кричу в телефон. – Выбрось из головы. Всё образуется, всё будет хорошо».

Владимир ЛИЧУТИН,
лауреат премии «Золотой Дельвиг»

P.S. Писал-то я юбилейную статью. Скоро Юрию Могутину, замечательному русскому поэту, семьдесят пять. А получилась работёшка какая-то тревожная, хоть и с хорошим концом, печальная. И невольно подумалось: ну, рейдерским захватом, обманом залучили «либералы» власть в 91-м, наобещивали воли, насулили рая на земле и снова подпихнули доверчивый русский народ к самой пропасти. И, потирая ручонки, восклицают ныне: «У тебя, свободный человеченко, только ныне и возник настоящий выбор: иль в пропасть с головою, иль вперёд, по ещё не остывшим трупам».

Разве с таким скотским отношением к культуре можно выстроить долговекое государство?

РАЗГОВОРЧИКИ В СТРОЮ

«Подъём!»

Опять учения. Подъём, ядрёна мать!
Команды: «Строиться!» и сразу:
«По машинам!»
Мы учимся сегодня воевать,
И это в кайф сержантам и старшинам.

Они нас поведут отважно в бой,
Где будет много копоти и дыма.
Прямой резон пожертвовать собой,
Когда вокруг тебя стреляют мимо.

И ротный, перепутав сапоги,
Пространство иссечёт
шрапнелью мата,
И побегут в отчаянье враги,
Узрев в кустах небритого комбата.

Мы победим, сомнений в этом нет.
У нас дедов почти полбатальона,
А для врагов невыспавшийся дед
Страшнее бронебойного патрона.

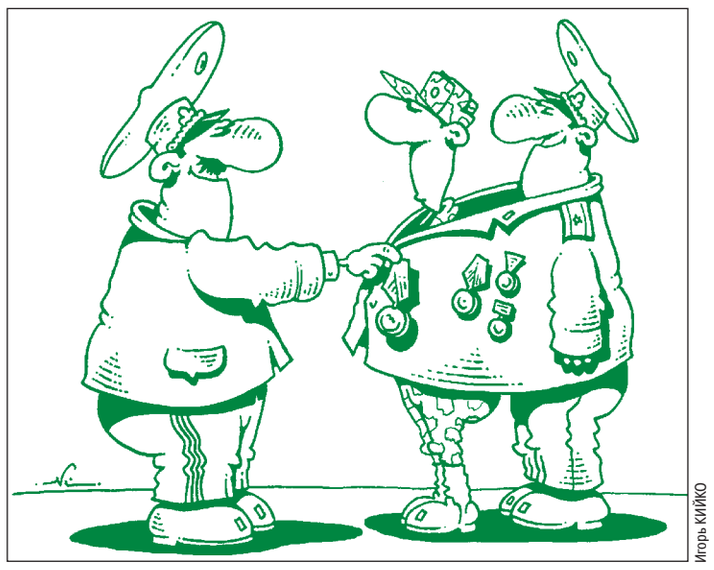
И вечером за ратные труды
По черпаку густой перловой каши,
Чтобы всю ночь, в предчувствии беды,
От выстрелов враги дрожали наши.

Подъём неотвратим, как божий суд.
Встаёт оплот стабильности и мира,
Чтоб донести свою земную суть
До полкового тёплого сортира.

Природы кружевной круговорот:
Подъём… отбой… ещё тарелка каши…
Заснул солдат – а служба всё идёт –
Жизнь с каждым днём спокойнее и краше.

Владимир ЧИСТОПОЛОВ, *ЙОШКАР-ОЛА*

Василий АЛЕКСАНДРОВ



Игорь КИЙКО

Дубки

В маршрутке, мчащейся в посёлок Дубки, разговорились водитель с пассажиром.

Оба – сержанты запаса. У обоих – одна военная специальность: радиоразведка. Только пассажир слушал НАТО из бункера, из глубины сибирских руд.

А водила – под видом китобоя.

Им есть, о чём поговорить: в Дубках – тоже слушают. Весь посёлок знает. Но слушают чем?

– Есть ведь разные типы секретных радаров, – разносится по маршрутке рассудительный голос водителя, – «Угол», «Квадрат»...

(Между новыми друзьями – на переднем сиденье – клюёт носом подполковник, едущий в Дубки.)

– «Угол», – авторитетно кивает на Дубки водила.

– «Квадрат».

– «Квадрат» – в Азербайджане, на Кубе... А «Угол» – только у нас. Так, товарищ подполковник? – не отрывая бодрых глаз от дороги, фамильярно обращается к старшему офицеру отставной сержант запаса. – У вас там «Угол»?

Затылок офицера напрягается. Не ответить? Неудобно: всё-таки коллеги. Ответить? Но это секрет! Хотя какие секреты! Натовцы уже в Ульяновске!

– Так чего у вас там? – не отстаёт водила.

Помедлив, подполковник внезапно произносит:

– Тут.

И хотя над головой лжекитобоя иронично накарябано: «Об остановках объявлять заранее: на «тут» и «здесь» не реагирую», он резко рулит вправо, и подполковник решительно вылезает.

В чистом поле. От греха подальше...

Минуту водитель подавленно молчит.

– Вроде серьёзный мужик, – пожимает он плечами, снова нарушая правила и резко подавая влево. – Мне же пришлось поменять ряд!

– Подышать захотел.

Отставные разведчики долго смеются, крутя набитыми военными секретами головами.

А маршрутка уже мчится по Дубкам.

...Солдаты и селяне в телогрейках.

...Бездомные собаки.

...Полуразбитые дома.

...Остов автомобиля на обочине.

Как будто НАТО било в «Угол». Но промахнулось.

Сергей САВАРЕНСКИЙ,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Примечание для шпионов: все названия радаров и посёлка – выдуманы.

ПЕРЕВОДЫ

Мы уже знакомили читателей с неунывающим балагуром Моллой Гейбуллой – постоянным героем сатирических миниатюр азербайджанского писателя Атабаба Исмаилоглу (№ 42, 2012). Сегодня – новая порция его приключений.

Человек или обезьяна

Однажды Молла Гейбулла на одном из ритуальных собраний заговорил о происхождении человека, о прародителе Адаме. Кто-то из молодых говорит:

– Вот вчера один выступал по телевизору и говорил, что человек произошёл от обезьяны, вы же говорите, что все мы дети Адама. И кому теперь верить? Как узнать, кто мой отец?

Молла Гейбулла, ухмыльнувшись, отвечает:

– Никому из нас не верь, сынок. Лучше попытайся войти в доверие к своей матери. Настоящую правду скажет тебе только она.

Я тоже новатор

На страницах одной из газет Молла Гейбулла встречает так называемые свободные стихи без знаков препинания. Как ни старается, ничего из них понять не может. Звонит редактору газеты:

– Что за бред такой – стихи без знаков препинания?

Редактор по телефону заявляет, что вы, мол, отстали от жизни, что сейчас за границей модны именно такие стихи и что это – новаторство: знаки препинания должны расставить сами читатели в том порядке, каком захотят.

На следующий день Молла Гейбулла приходит в редакцию той газеты и заявляет редактору, что принёс стихи. Вынув из кармана несколько страниц бумаги, заполненной знаками препинания, преподносит редактору. Тот в изумлении спрашивает:

– Что это такое? Здесь же нет ни одного слова.

Молла отвечает:

– А слова пусть по собственному желанию подберут сами читатели, как в опубликованных вами стихах без знаков препинания. Я тоже новатор.

Уж лучше скажи, что вообще не работал

Спустя три-четыре года после падения советской власти один из соседей Моллы Гейбуллы приходит к нему за советом:

– Молла, не знаешь, когда я могу выйти на пенсию по новому законодательству?

– Сколько лет у тебя трудового стажа?

– Всего 30 лет. Причём без отрыва от производства я 10 лет был парткомом, 10 лет – месткомом, 5 лет – заседателем в суде.

Внимательно взглянув на соседа, Молла говорит:

– Для того чтобы выйти на пенсию, необходимо 25 лет, у тебя же всего 5 лет стажа.

– Молла, я же сказал, что работаю уже 30 лет.

Молла отвечает:

– Сынок, те годы, что ты перечислял, – в парткоме, в месткоме, судебным заседателем, – эти годы засчитываются не в трудовой стаж, а в стаж увиливания от работы.

Оба останемся в выигрыше

Как-то Молла Гейбулла обещает брату, что в случае удачного исхода своего дела купит ему хороший костюм. Его намерения сбываются, и он, купив костюм, отправляется к брату. Но брюки в талии оказываются брату малы. Брат наполовину в шутку, наполовину всерьёз говорит:

– Ты мне обещал костюм, скроенный по моей фигуре, так что придётся тебе раскошелиться ещё и на переделку костюма.

Молла Гейбулла за словом в карман не лезет:

– Давай сделаем так, чтобы мы оба остались в выигрыше.

– Каким же образом? – спрашивает брат.

– А вот каким. Ты вместо трёх раз будешь есть два раза в день и так до того, как похудеешь и брюки придутся тебе впору. Деньги за обед отдай мне. А я дам тебе деньги за переделку костюма.

Атабаба ИСМАИЛОГЛУ,
БАКУ
Перевела Арзуханум АЛИЗАДЕ

ФОТОАТЕЛЬЕ

Что бы это значило?

Как это случается с пугающей регулярностью, условно говоря, праздников нарушила ритмичную деятельность редакции. Да, пожалуй, и читателей тоже. Только собираемся подвести итоги тура, как приходят новые послания. Но в конце концов все угомонились. Теперь пора собирать камни, то есть анализировать придуманные названия. Они оказались весьма разнообразными. Вот наиболее оригинальные из них:

«Зеркало для ковбоя» (А. Шумилов, Баку), «Хозяин, надо бы за молоко рассчитаться» (Л. Сергеева, Тольятти), «Представители крупнорогатого тоже ищут себе богатого» (И. Зарецкий, Курск), «На позицию девушка провожала бойца...» (Н. Бажанова, Юрюзань Челябинской обл.), «Иди к корове, как к царевне, И не ищи других путей: Быть можно скотником в деревне И думать о красе ногтей» (Е. Запяткин, Балаково Саратовской обл.).

Наиболее удачной нам показалась подпись Ксении Романовны, не указавшей ни свою фамилию, ни где живёт. «Кому и кобыла невеста», – заметила она.

Вероятно, Ксения Романовна посчитала, что, поскольку это выражение принадлежит Ильфу и Петрову, ей не следует присваивать чужие лавры. Готовы спорить – удачно подобранная цитата тоже говорит о таланте.

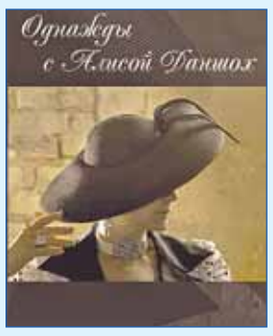
Хотелось бы отметить наиболее активных участников тура. Это А. Амелин (Калуга), А. Гринюк (Волгоград), В. Коновалов (п. Рогнедино Брянской обл.), А. Константинов (Новосибирск), Л. Пономарёва (п. Богородское Сергиево-Посадского р-на Московской обл.), А. Чернов-Казинский (Ставрополь).

Теперь к делу – буквально на днях редакция получила снимок от Валерия Сенкевича. Что бы это значило?

Варианты ответов следует отправлять на e-mail: satira@lgz.ru или на почтовый адрес редакции не позднее 20 марта.

Напоминаем, что чувство юмора авторов не всегда совпадает с чувством юмора редакции.

Представляем наши книги



Алиса ДАНШОХ.
Розовые истории и другие «однажды». – М.: Литературная газета, 2012. – 192 с.: ил.

«Однажды с Алисой Даншох» – так называется авторская рубрика обозревателя «ЛГ», которую она ведёт более пяти лет. В новую книгу Алисы Даншох вошли розовые и сказочные истории, а также другие «однажды».

Владимир КОНКИН.
У жизни есть начало. – М.: Литературная газета, 2012. – 396 с.: ил.

Впервые легендарный актёр театра и кино Владимир Конкин дебютирует как автор книги художественной прозы, воспоминаний, публицистики, раскрывающих внутренний мир автора, хотя пишет и публикуется более 30 лет. В книге немало уникальных фотографий и документов.

«12–16–45»/ Сборник юмора. – Кишинёв.: Литературная газета, 2012. – 280 с.

Клуб «ДС» известен 45 лет. Он один из самых любимых у читателей. Неслучайно многие начинают читать «ЛГ» с 16-й страницы. Книга «12–16–45» предназначена пессимистам и оптимистам, ищущим и находящим истину в лучах юмора.

Издания можно приобрести в редакции
Справки по тел.: 8 (499) 788-01-03

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА»
распространяется на бортах авиакомпаний

AEROFLOT Russian Airlines · BRITISH AIRWAYS · ТРАНСАЭРО АВИАКОМПАНИЯ · JAL JAPAN AIR LINES

Официальный распространитель периодических изданий на территории Белоруссии ООО «Юнисервиспресс», ООО «Росчерк». Розничное распространение за рубежом: в Европе и Сев. Америке – W.E. Saarbach GmbH P.O.Box 1562 D-50332 Huert Teal. 02233 7996; в Израиле – Издательский дом «Новости недели».